

Книга историка Юрия Глушакова является первой крупной работой, освещающей формирование и развитие анархистского движения первой четверти XX века на территории регионов, входящих в Республику Беларусь. Опираясь на широкий круг источников, автор рисует живую картину бурной общественно-политической жизни там, где появились первые собственно анархистские организации Российской империи, зародились и активно действовали другие революционные течения, такие как махаевцы или эсеры-максималисты. Книга показывает важную роль, сыгранную этими организациями, активистами и идеологиями в революции 1905—1907 г., в межреволюционную эпоху и после крушения царизма. Анархистам удалось увлечь за собой массы, но их самоотверженная борьба все же не привела к установлению безгосударственного общества. По страницам книги проходят сотни, если не тысячи персонажей — жители городов, местечек, деревень и дворянских поместий, которым приходилось жить в условиях постоянного насилия, войн, стачек, локаутов, погромов, вооруженных восстаний, экспроприаций и «стольпинских галстуков».

ЮРИЙ ГЛУШАКОВ «РЕВОЛЮЦИЯ УМЕРЛА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!» АНАРХИЗМ В БЕЛАРУСИ (1902—1927)

ЮРИЙ ГЛУШАКОВ

„РЕВОЛЮЦИЯ УМЕРЛА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!“

АНАРХИЗМ В БЕЛАРУСИ (1902-1927)

ЮРИЙ ГЛУШАКОВ

«РЕВОЛЮЦИЯ УМЕРЛА!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!»
АНАРХИЗМ В БЕЛАРУСИ (1902 — 1927)

ШСС
Петербург
2015

Глушаков Ю. Э.
«Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси
(1902—1927). — СПб.: ИИСС, 2015. — 176 с., ил.

Обложка:
Psumuline.

Рецензент:
кандидат исторических наук Дмитрий Иванович Рублев,
доцент кафедры истории Московского государственного
университета природообустройства.

Автор выражает благодарность следующим лицам:
Я. В. Леонтьев, д.и.н., Москва,
В. Я. Райский, Гомель,
В. Ф. Ладысев, д.и.н., Минск,
П. И. Бригадин, д.и.н., Минск,
В. А. Михедько, к.и.н., Гомель.

Введение

История политических партий и общественных движений в Беларуси до сих пор остается все еще недостаточно изученной темой. Такое положение вещей можно констатировать и сейчас, невзирая на то, что в целом политической истории было посвящено большое количество работ. Немало было написано на эту тему в советской историографии, много публикаций вышло в последнее время. Однако исследовательский интерес распределялся неравномерно, концентрируя преувеличенное внимание на представителях некоторых политических направлений и почти оставляя за скобками других. В советской литературе главное внимание уделялось деятельности РСДРП—ВКП(б)—КПСС. Все остальные течения упоминались, как правило, только в критическом контексте. В современной Республике Беларусь, после кратковременного всплеска интереса к истории белорусских национальных партий, наметился определенный спад интереса к истории политических и социальных движений. Это может быть связано с рядом как объективных, так и субъективных причин.

Конъюнктура сегодняшнего дня повлияла на исследования еще и в том смысле, что деятельность организаций социалистического спектра освещается еще менее охотно. А если и рассматривается, то интерпретируется весьма предвзято.

Особо «повезло» в этом отношении анархистскому движению. Если белорусские национальные деятели и движения популяризировались «национально-романтической» школой, если политические партии еще изучаются на предмет их критики или актуализации части их идейного наследства, то движение противников всякой государственности остается пока вне поля внимания современных исследований. До сегодняшнего дня почти не было сколь-либо серьезной работы, посвященной анархистскому движению в Беларуси. Исключение составляли небольшие статьи общего характера [1; 2].

В этом смысле советская историография, где хоть и не было ни одной работы, специально посвященной анархизму на территории Беларуси, тем не менее, в целом затрагивала данную проблематику значительно чаще. Для советских историков и обществоведов подобные темы представляли более насущный и прикладной интерес. Хотя бы исходя из соображений критики, особенно в контексте возникновения движения «новых левых», так, вероятно, и в силу относительно большей мировоззренческой общности. Ведь марксистско-ленинская доктрина предполагала, хотя бы и теоретически, упразднение государства в ходе построения коммунистического общества. Так или иначе, но необходимость моделировать замену государства общественным самоуправлением в будущем и невозможность реализовать этот идеал сейчас требовала от советских ученых своего обоснования и объяснения...

В частности, весьма подробно история анархо-коммунистических групп в Белостоке и других местах Гродненской губернии была изложена в работе советского историка Комина [3]. Дата выхода в свет этой работы — 1969 год — позволяет предполагать, что определенным побудительным мотивом к ее публикации послужили массовые молодежные выступления на Западе («Красный май» 1968 года и пр.)

Деятельность небольшевиетских партий и движений в Беларуси рассматривались в работах таких белорусских историков, как С. З. Почанин [4], Н. С. Сташкевич [5] и другие.

Вполне естественно, что в достаточно обширной современной российской историографии, посвященной анархизму, история анархистского движения в Беларуси также освещается фрагментарно, в контексте общероссийского движения. Среди монографий российских историков, содержащих достаточно много сведений по этой теме, можно привести работы В. Д. Ермакова [6]. Немалое количество информации биографического характера содержится в энциклопедии по истории политических партий России [7].

Следует отметить, что, вероятнее всего, именно в городе Белостоке Гродненской губернии в 1903 г. возникает первая в Российской империи анархистская группа. В скором времени здесь образовался один из главных центров анархистского движения в России. Город Белосток, наряду с Екатеринославом и Одессой, стали теми немногими в данный период местами, где анархистам удалось приобрести серьезное влияние на массовое рабочее движение.

Структура книги отражает основные этапы и закономерности развития безвластного движения в Беларуси в 1902—1927 гг.

Анархистские группы в Беларуси приняли активнейшее участие в революции 1905—1907 гг. Однако увлечение значительной части их участников террором привело к обескровливанию движения и его резкому спаду. Тем не менее, еще сразу после поражения первой революции большое количество бывших членов Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Всеобщего еврейского рабочего союза (Бунда), Партии социалистов-революционеров (ПСР) и др. предпочитали переходить из своих организаций в анархистские группы. Помимо групп «чистых» анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов разных толков, в тот период действовали различные группы «непримиримых», махаевцев, «рабочих-коммунистов» и т.д., деятельность которых в белорусском контексте вообще практически не освещалась. Несомненно, по своей общей направленности, к либертарному движению примыкало течение эсеров-максималистов, местом зарождения которого также являлся город Белосток Гродненской губернии. Формирование основных положений максималистской теории прошло под явным воздействием анархистского учения. Серьезное влияние на максимализм оказала и практика рабочего движения в Беларуси, и, в частности, деятельность Совета рабочих депутатов в Белостоке.

В ходе революции 1917 г. происходит резкий рост численности и влияния анархистских организаций. Анархисты принимают активное участие в подпольной борьбе и партизанском движении против немецкой и белогвардейской оккупации в 1918—1919 гг. Анархисты ведут свою пропаганду и агитацию в легальных, полуполигальных и подпольных условиях вплоть до 1927 года, после чего их деятельность, за небольшим исключением, начинает замирать в результате как репрессий, так и в целом благодаря изменению условий жизни в советском государстве.

Либертарное движение в Беларуси возрождается в 1990 г. и развивается до нынешнего дня в форме различных гражданских, социальных, экологических и т.п. инициатив.

Предлагаемая книга должна восполнить наметившуюся лауну в социально-политической истории Беларуси. Первая попытка в сжатой форме затронуть данную проблематику предпринималась автором в 2005 г. [8]. Частично данная проблематика затрагивалась в статье о Гомельском отделении Всероссийского Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВОПиС) [9] и ряде других работ. При написании данной работы использовались различные документы из архивов РБ и РФ — Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Минске и Гродно, Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Гомельской области (ГАГО), Государственного архива общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), Архива Управления КГБ по Гомельской области, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), фондов отдела редких рукописей Российской государственной библиотеки. К исследованию также привлекались материалы из фондов Гомельского и Пинского краеведческих музеев — листовки и другая литература. А также — воспоминания участников движения, напечатанные в журналах «Каторга и ссылка», «Красная летопись» и других изданиях, либо оставшиеся неопубликованными, сведения из вышедшего в России двухтомного сборника документов и материалов по истории анархистского движения [10,11], и другие источники и литература.

Глава 1

Накануне. Возникновение и деятельность анархо-коммунистических групп в 1903 — 1904 гг.

1. Положение в Беларуси в пореформенный период

Для Беларуси в пореформенный период были характерны все те основные противоречия, которые имели место во всей переживавшей серьезный кризис Российской империи. Самодержавное государство буквально разрывало многочисленные проблемы. После достаточно активных, но непоследовательных попыток их разрешения в правление Александра II, монархия перешла к жесткому политическому курсу. Предпочтение было отдано уже не политике реформ, а силовому подавлению и строжайшему контролю над обществом. Тем не менее, накопившиеся под давлением неограниченной власти проблемы грозили скорым социальным взрывом. Среди этих противоречий на первом месте, очевидно, был крестьянский вопрос. В стране, в т.ч. и в Беларуси, где большинство населения составляли крестьяне, он стоял весьма остро. Ведь и после аграрной реформы 1861 г. почти половина всего земельного фонда продолжала принадлежать помещикам и царской фамилии. С учетом того, что почти вся высшая бюрократия рекрутировалась из среды крупных земельных собственников, ожидать от них положительного разрешения аграрной проблемы не приходилось.

Тем временем, в пореформенной деревне сильно возросла роль поземельной общины, наделенной теперь хоть и ограниченным, но все же реальным самоуправлением. Попытка правительства Александра III введением института земских начальников и ряда ограничительных законов вновь поставить крестьянство под контроль крупных землевладельцев только обострила аграрные отношения.

Еще более глубокие изменения несли с собой промышленная революция и развитие рынка. Быстрое формирование в городах новых общественных классов — буржуазии и пролетариата — влекло за собой буквально тектонические сдвиги в социальной структуре. Положение рабочих, при всей чрезвычайно высокой степени их эксплуатации, все же было несравненно лучше, чем положение крестьян. Тем не менее, в отличие от веками удерживаемого в повиновении крестьянства, рабочие, выпавшие в ходе промышленного переворота из традиционных патриархальных устоев, демонстрировали высокую социальную активность и мобильность. К тому же, в ходе борьбы против двенадцати—восемнадцатичасового рабочего дня, мизерной оплаты труда, отсутствия элементарных условий на рабочем месте и каких бы то ни было социальных гарантий у них быстро сформировалось осознание своей особой, «пролетарской» миссии

и гордости. Самоорганизации рабочего класса, в определенной мере, способствовали и старые общинно-коллективистские практики.

Но одновременно атмосфера капиталистического «грюндерства» и индустриально-коммерческого бума 1890—1900-х гг. привела к значительным изменениям и ломке общественного сознания. Быстрое обогащение незначительной группы нуворишей и пролетаризация значительной части крестьянства и городского мещанства, конкуренция, возникавшая для традиционного купечества и торговцев, порождали серьезную социальную напряженность. В Беларуси процесс промышленного развития, формирования крупных банковских и коммерческих структур сопровождался зачастую разорением либо угрозой банкротства для достаточно многочисленного мелкого ремесленного производителя. Поэтому рабочие ремесленных предприятий, а также кустари-индивидуалы, наряду с безработными и люмпен-пролетариями, составляли значительный резерв для пополнения как лево-, так и правозэкстремистских организаций. Но доминирование революционной идеологии над консервативными и реакционными идеями среди активной части общества во многом обуславливалось теми надеждами на безграничные возможности общественных преобразований, в том числе и в социалистическом направлении, которые реально подтверждались первыми успехами индустриальной модернизации.

Спецификой пореформенной ситуации на белорусских землях являлся и обостренные здесь религиозный и национальный вопросы. Причем на начальном этапе межконфессиональная конфронтация была не менее острой, а возможно, и даже более, чем национальная. Будучи объективным, следует признать, что национальный вопрос первым начало поднимать польское меньшинство. С момента восстания 1863 г. и создания в рамках партии «Народная Воля» в 1880-х гг. Белорусской социал-революционной партии — Белорусской социал-революционной группы «Гоман», политический характер приобрело и белорусское национальное движение. При этом существенно, что изначально все белорусские политические инициативы, начиная с «Червоного Жонда», носили исключительно социалистический характер.

Особое положение сложилось в Беларуси в связи с тем, что в силу наличия здесь пресловутой «черты оседлости» т.н. «Северо-Западный край» являлся своеобразным еврейским гетто. Скуденность в «черте оседлости» и всевозможные ограничения делали социально-экономическую ситуацию для еврейского населения крайне тяжелой, что и толкало его на самые крайние формы протеста.

Безусловным катализатором общественного брожения выступали тогда интеллигенция и учащиеся. При режиме автократии образованную часть общества особенно тяготили отсутствие элементарных гражданских и политических свобод, подавление любых попыток свободомыслия, полусредневековая регламентация всех сторон жизни, неполноценное, цензовое городское самоуправление (земство в Беларуси до 1913 года вообще

не было разрешено), сословный характер общественного устройства вообще и образования в частности, неравноправное положение женщин... Все это, как и многое другое, делало неизбежной в начале XX в. чрезвычайно широкую популярность революционных настроений в самых различных слоях населения всей Российской империи, и Беларуси в частности.

2. Появление первых анархистов в Беларуси. Первые социалистические партии. Махавецщина.

Анархистские взгляды впервые получили распространение в Беларуси еще в период знаменитого «хождения в народ» в 1870-х гг. Многие из первых белорусских народников тяготели к бакунинскому анархизму. М. А. Бакунин в свое время служил в Беларуси, был хорошо знаком с положением края. Михаил Бакунин мечтал о революционной федерации славянских народов и их освобождении от гнета как российской, так и австрийской, прусской и османской монархий. Во время восстания 1863 г. он отправился на зафрахтованном в Англии пароходе на соединение с повстанцами Кастуся Калиновского. Однако, по независящим от него причинам, высадка Бакунина на литовском побережье не состоялась.

Видимо, не без влияния бакунистских идей о революционной солидарности славянских народов, часть социалистов-народников принимает участие в борьбе боснийцев и герцеговинцев, сербов, черногорцев и болгар против Османской империи. Так, в 1875 г. учащиеся Гомельской мужской прогимназии Николай Шавердо и Владимир Манкевич перебрались в Боснию и Герцеговину, где происходило в это время восстание против турецкого ига, и вступили в отряд воевод братьев Петковичей. По возвращению домой, при переходе границы, белорусские добровольцы-народники были арестованы русской полицией.

Уроженец Могилевщины, впоследствии видный народник С. Ф. Ковалик самостоятельно, еще до знакомства с бакунистским учением, выработал свою систему анархистских взглядов. В 1874 г. в Вильно существовал бакунистский кружок Н. А. Соколова, в 1876—1877 гг. кружки организации «Земля и Воля» действовали в Минской губернии, в Могилеве, Гродно, Горках. Группы «Черного передела» существовали в 1880—1882 гг. в Минске, Гродно и Могилевской губернии.

Традиция безгосударственного народнического социализма не была прервана в Беларуси и в последующем, несмотря на тяжелые преследования, обрушившиеся на освободительное движение в первой половине 1880-х гг. В конце 1885 г. в Минск вернулся ветеран народничества Е. А. Гальперин, развернувший здесь работу по воссозданию подпольных групп. В 1886 г. в Минске прошли рабочие собрания, и была напечатана брошюра «Программные вопросы», для выпуска которой была организо-

вана нелегальная типография. В 1887 г. в минских рабочих кружках произошел раскол по поводу отношения к марксизму. Ефим Гальперин и многие другие продолжали сохранять верность ортодоксальным народническо-бакунистским взглядам, и в 1890 г. ими была создана организация землевольческого толка. Рабочие кружки того времени в Беларуси действовали как мирские сходки; среди рабочих были широко распространены анархистские взгляды.

Однако 1890-е гг. становятся временем бурного расцвета в России и Беларуси марксизма. Первые марксистские кружки придерживаются еще аполитичной тактики экономизма, т.е. участия исключительно в экономической борьбе рабочих. Внешне это могло выглядеть даже несколько «анархично». Однако подобный подход, прежде всего, противопоставляется политическому активизму партии «Народная Воля». Именно народовольцев первые русские марксисты обвиняют в забвении социализма во имя выдвижения буржуазных политических требований. Свою же политическую умеренность «экономисты» маскируют «марксистским» постулатом о том, что якобы условия для политической и социалистической борьбы рабочих еще не созрели. Поэтому в текущей ситуации необходимо просто ждать дальнейшего развития капитализма в России, вести среди рабочих просветительную работу и помогать им формулировать чисто экономические требования. При этом не стоит забывать о том, что первые российские марксисты — Г. В. Плеханов и его группа — были долгое время ортодоксальными бакунистами, землевольцами и чернопередельцами. Что в последующем, возможно, все же косвенно повлияло на их «научно-марксистскую», а потом меньшевистскую боязнь захвата государственной власти. При этом анархистская вера в спонтанность действий непогрешимых масс своеобразно трансформировалась у русских ортодоксальных марксистов в преклонение перед объективными законами развития производительных сил...

В 1890-х гг. начался новый процесс образования нелегальных политических партий. Одним из активных регионов, где формировались их первые нелегальные организации, становится Беларусь. В 1882 году начинает действовать польская рабочая партия «Пролетариат-1», организации которой действовали, в том числе, в Вильне, Витебске, Пинске. В 1888 г. была создана Польская социально-революционная партия «Пролетариат» («Пролетариат-2»). В 1891 г. ее членом С. Падлевским в Париже был убит жандармский генерал Селиверстов, в 1892 г. М. Зелинским было совершено покушение на варшавского генерал-губернатора Иосифа Гурко. В 1893 г. «Пролетариат-2» и Союз польских рабочих объединились в Польскую социалистическую партию (ППС), действовавшую, в том числе, и на территории современной Беларуси. В 1893—1899 гг. была сформирована Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В 1897 г. в Вильно состоялся съезд социал-демократов из Вильно, Белостока, Минска, Витебска и Варшавы, на котором был образован Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд). В 1898 г. в Минске состоялся I съезд РСДРП. Как видим, территория Беларуси стала местом зарождения

как минимум двух крупнейших общероссийских революционных партий. В 1890-х гг. в Минске была также образована Рабочая партия политического освобождения России (РПООР), ставшая в скором времени одним из очагов формирования еще одной общероссийской партии — Партии социалистов-революционеров (ПСР).

Рано возникнув, партийные структуры рано столкнулись здесь и с внутренней оппозицией.

Рабочее движение, которое развивалось ранее во многом стихийно или полустихийно, теперь почти полностью оказалось под влиянием политических партий. Что было, с одной стороны, вполне естественно, поскольку большинство социалистических партий составляли рабочие (при интеллигентском составе руководства), но, с другой стороны, вызывало теперь и пролетарскую критику «снизу». Эта критика первоначально велась с позиций старого экономизма, считавшего «политику» преждевременной. Именно по таким мотивам из партии «Пролетариат-1» еще в 1883 г. выделилась Рабочая партия «Солидарность». Однако в скором времени здесь зазвучали новые мотивы. В 1898 г. ссыльный поселенец Ян Вацлав Махайский в своей книге «Умственный рабочий» формулирует оригинальную доктрину, ставящую интеллигенцию, в т.ч. и социалистическую, на одну доску с буржуазией и другими эксплуататорскими классами. Автор «Умственного рабочего» обвиняет интеллигентов в коварном намерении подчинить рабочих своей власти в будущем. Социализм он называет хитрым планом установления такого интеллигентско-бюрократического господства. Характерно, что сам Махайский — типичный интеллигент, друг юности известного польского писателя Стефана Жеромского, в прошлом — член националистической Лиги Польской. Однако проповедь Махайского и его ближайших последователей (Е. Лозинского, Л. Козловского и др.), призывающих «остервенелого, грязного, борющегося хулигана» выступить против всего «образованного общества», нашла сочувствие у определенных групп населения. Умеренность части интеллигентского руководства социалистических партий, их увлечение политическими лозунгами в ущерб экономическим требованиям, склонность к компромиссам с буржуазией и стремление к монополизации руководства движением в руках партийных комитетов — все это со временем стало вызывать все возрастающее недовольство радикально настроенной части рабочих. В начале XX столетия группы махаевцев, именовавшиеся «Рабочим разговором», появляются в Одессе, вслед за этим отделения возникают в Белостоке, Вильне, Варшаве, Бердичеве и Остроге. В некоторых городах, например, в Одессе, к ним присоединяются выделившиеся из ПСР и близкие по духу группы «Непримиримых», делавших особый упор на проповеди частных экспроприаций как формы классовой борьбы.

Своеобразным изложением махаевского учения могут служить статьи в несколько более позднем издании «Пролетарское дело». Его девизом стали конкретные «пролетарские» экономические требования: «Обеспечение от голода и безработицы! Максимум рабочих часов (8)! Минимум заработной

платы (рубль)!» Переход к коммунистическому обществу предполагался здесь через развертывание «революционной экономической борьбы». Эта газета, именуемая «изданием рабочих-коммунистов», писала: «Классовая борьба социал-демократии — это борьба демократии со сливками буржуазного общества, борьба за расширение буржуазного благополучия и господства на самые широкие слои буржуазии...

Классовая борьба международной социал-демократии — это борьба с современной «чернью» городов, пролетариатом, поскольку он предъявляет свои собственные требования, угрожающие буржуазному порядку...

В Варшаве кожевники из ППС устроили во время всеобщей стачки повальные обыски на «Воле» в жилищах «бытовых», повесили 5 поднадзорных жуликов...» [12; С. 3,8]

Вместе с тем «рабочие-коммунисты» в своем издании 1905 г. высказываются за Интернационал, который «восстановит коммунистический строй», даже несколько опережая тем большевиков, и за диктатуру пролетариата. Определенная идеологическая близость махаевцев и анархистов подтверждается и тем, что в списке рекомендуемой к прочтению литературы «Пролетарское дело» предлагает как статью К. Илиашвили «Памяти чикагских мучеников» издания группы анархистов-коммунистов «Хлеб и воля», так и книгу А. Вольского (Я. В. Махайского) «Умственный рабочий» (Чл «Эволюция социал-демократии»).

Однако не намного меньше, чем социалистам, доставалось от Махайского и анархизму. Почти вся третья часть его книги посвящена полемике с его теоретиками, прежде всего — с П. А. Кропоткиным. Его Махайский обвиняет в обожествлении науки, главного средства нового порабощения пролетариата интеллигенцией, в идеализме и в наивности по отношению к правящим классам. [13; С. 160] Тем не менее, именно группы «непримиримых»-махаевцев стали, во многом, той средой, что взрастила ростки первых анархистских организаций в Белостоке, Одессе, Екатеринославе.

3. Возникновение первой анархистской группы в Белостоке. Идиш-анархизм.

Именно в Белостоке Гродненской губернии, согласно утвердившейся ранее версии, появилась первая анархистская группа. Ее возникновение здесь обычно датируется весной 1903 г. Так, по крайней мере, утверждали сами участники движения. При этом дореволюционная «Еврейская энциклопедия» называет датой образования первых анархистских кружков в Белостоке 1902 год. [14; С.408] Аналогичной датировки придерживался в своей работе и советский исследователь Е. Корноухов и дореволюционный — Л. Кульчицкий, утверждавшие, что анархистская группа в Белостоке появилась в конце 1902 г. [15; С. 32] Правда, в последнее время приводятся

и другие данные по месту и времени появления пионеров анархистского движения. Так, российский исследователь В. Д. Ермаков считает, что первая анархистская группа появилась в Кишиневе, ссылаясь при этом на биографические данные в соответствующем справочнике Всероссийского Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и публикацию в журнале «Каторга и ссылка». По его же мнению, в 1902 г., кроме Белостока и Кишинева, анархистские группы существовали в Одессе, Каменец-Подольске и Белой Церкви. [6; С. 31, 32] Так, М. К. Бородюкова, уроженка Ладъжина Подольской губернии, примкнула к революционному движению в 1902 году, войдя в организацию анархистов-коммунистов, работала в Подольской (Каменец-Подольский) и Екатеринославской губерниях. Р. Г. Майденберг-Гершкович вступила в Южнорусскую группу анархистов-коммунистов в 1901 году.

На наш взгляд, говоря об этом, надо учитывать, что в биографическом сборнике ВОПиС, к сожалению, встречаются опечатки и ошибки в датах. Есть и другие детали — действительно существовавшая в Одессе в 1902 г. группа «Союз непримиримых», например, включала в себя как анархистов, так и махаевцев, но по своей общей идеологии и направленности явно тяготела к последним. То же самое, скорее всего, можно сказать и о многих аналогичных кружках в других городах. Отдельные анархисты также могли встречаться в разных местах. Во всех подобных случаях махаевцы и анархисты могли образовывать небольшие смешанные кружки, но при этом не создавать значимой и четко обозначенной анархистской организации. В противном случае их деятельность нашла бы отражение как собственно в анархистской литературе, так и в текущих сообщениях прессы того периода, а не только в мемуарах и биографических анкетах, составленных спустя несколько десятилетий. Это должно было быть зафиксировано и в документах полиции, но Докладная записка Департамента полиции (ДП) по анархистским группам и движениям за 1909 год (на которой, кстати говоря, базировалось не одно поколение последующих исследователей), указывает на Белосток как на место появления первой анархистской группы. Южнорусская группа анархистов-коммунистов, по данным МВД, сформировалась в конце 1904 года. Правда, на полную достоверность полицейских источников полагаться не приходится.

Зачастую процесс образования анархистских организаций проходил в несколько этапов. Один из лучших советских исследователей данной темы В. В. Камин, со ссылкой на безвластный «Альманах» 1909 г., указывал, что в Житомире первые анархисты-одиночки появляются уже в начале века. В начале 1904 г. здесь возникают первые ячейки, которые два прибывших из Австрии рабочих-анархиста попытались объединить в группу. Но только приехавшему из Белостока анархисту удалось такую группу создать. [3; С. 62] Современный исследователь Виктор Савченко полагает, что датируемая «Еврейской электронной библиотекой» «первая еврейская анархистская группа в России» под руководством М. Ханжи — «Южная группа анархистов-коммунистов» в Кишиневе, скорее всего, возникла не в 1900 году, как указывает эта энциклопедия, а в 1903 году». [16; С. 21-22] От себя добавим,

что если эта организация выбрала себе имя «Южной группы», то можно предположить, что к моменту ее возникновения уже существовала группа «Северная». Таковой, очевидно, могла быть только белостокская группа «Хлеб и воля» («Интернациональная группа «Борьба»), сформировавшаяся никак не раньше конца 1902 — начала 1903 года. В любом случае, вопрос этот требует дальнейших архивных исследований. Но имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют утверждать, что, скорее всего, именно в Белостоке появилась первая анархистская организация, четко определявшая себя на этой платформе безгосударственного коммунизма и уже к 1903 году заявившая о себе активными действиями и выпуском соответствующей литературы. Очевидно, это было не случайностью, а результатом определенных объективных условий.

Почему все же именно Белосток?

Во-первых, этому способствовало развитие здесь крупного производства и концентрация здесь рабочего класса. Развитию этого региона в немалой степени способствовало повышение ввозных пошлин в Российскую империю, введенное в 1877 году. Немецкие и иные иностранные промышленники сочли более выгодным переносить свое производство на территорию Царства Польского и в другие западные области, чем платить высокие таможенные сборы. Белосток, еще относительно недавно входивший в состав Восточной Пруссии, стал удобной площадкой для инвестиций. Вследствие этого, Белосток в начале XX века представлял собой весьма значительный промышленный центр, прежде всего текстильного производства. В городе действовало около 200 фабрик. Кроме того, существовало большое количество мелких ремесленных и торговых предприятий. Очевидно, сочетание бурного грюндерства, с участием западного капитала, с самодержавно-чиновничьим деспотизмом и хозяйским произволом создавало здесь весьма взрывоопасную смесь.

Во-вторых, на этой основе здесь достаточно рано началось формирование социалистического и рабочего движения. Уже в 1882—1883 гг. в этом центре фабричного производства складываются кружки Социально-революционной партии «Пролетариат», которая в 1883 г. издает обращение «К рабочим Белостока». В 1889 г., после разгрома «Пролетариата-1», здесь образуется организация Союза польских рабочих. К началу XX столетия в Белостоке действовали организации Бунда, ППС, ПСР, СДКПиЛ, группы «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона») и др. Один только Бунд насчитывал 20 000 рабочих, организованных вокруг стачечных касс. Действуют здесь среди рабочих и польские националисты из Лиги Народовой.

В-третьих, население города было смешанным, еврейско-польским, сельское же население региона в значительной мере являлось этническими белорусами. Одновременно, при наличии католического костела, немалое количество польских и белорусских крестьян исповедовали православие. Возможно, сложный этно-конфессиональный состав не позволил в этом месте монополюбно закрепиться какой-либо одной, общероссийской или национальной, партии. Постоянные столкновения и дискуссии между

партиями порождали здесь критическую среду. Что, в определенной степени, благоприятствовало существованию тут и внутрипартийных оппозиций. Так, оппозиция в местной организации Бунда в 1903 г. насчитывала 73 человека.

К этому времени из части рабочих, недовольных умеренностью социалистов и «генеральством» партийных комитетов, в Белостоке возникает группа «непримиримых»-махаевцев. К махаевцам, в частности, принадлежал один из будущих организаторов анархистского движения в Одессе и Белостоке Владимир Стрига (Лапидус). [17; С. 29]

Можно предположить, что разницей в датировке возникновения белостокского анархизма (конец 1902 г., весна 1903 г.) связан с тем, что возникшая ранее махаевская группа иногда принимается за анархистскую. Так, датирующий то событие 1902 годом Корноухов ссылается на документы из фонда Департамента полиции. Известно, насколько приблизительно разбирался в партийных оттенках своих противников царские спецслужбы, как правило, не блиставшие высоким профессионализмом. Но характерно, что один из первых исследователей анархизма в России Л. Кульчицкий, писавший, что называется, по горячим следам, также датирует возникновение белостокской группы концом 1902 — началом 1903 г. [18; С. 34] Очевидно, эта дата является наиболее близкой к реальности.

Формирование в Белостоке чисто анархистской организации было связано с прибытием в город анархистов-эмигрантов из-за границы, в частности, Г. Брумэра (Борис) и Ш. Г. Кагановича (Зайцеля). Так, носильщик из Белостока Шлема Каганович еще в 1897 г. эмигрировал за границу, побывал в Англии, Испании, Франции. В Швейцарии в 1900 г. он вступил в Группу русских анархистов-коммунистов за границей. Именно он и организовал в январе 1903 г. в Белостоке анархистский кружок из бывших членов Бунда и эсеров. Уже в августе 1903 г. здесь была образована Интернациональная группа «Борьба». Первоначальный состав группы насчитывал 10—12 чел. Таким образом, анархистская эмиграция, наряду с махаевцами и «рабочей оппозицией» из социалистических партий, стала третьим элементом в формировании анархистского движения.

Еще с начала 1880-х годов из Беларуси резко усилилась миграция за границу. Она носила преимущественно экономический характер, в то же время, немалым побудительным мотивом к ней явились и антисемитские погромы начала 1880-х гг. Механизмы возникновения этой первой погромной волны еще до конца не раскрыты. Организация беспорядков на международной почве приписывается как полиции, так даже и отдельным группам революционеро-народовольцев. Немалый поток к началу XX столетия составляла также и чисто трудовая миграция белорусского крестьянства. Тем не менее, оказавшиеся преимущественно в Англии и США мигранты попадали в сложные условия, и, ввиду малодоступности для них традиционных политических партий и профсоюзов, оказывались в сфере влияния анархистов. Тот же Л. Кульчицкий в своем исследовании отмечал: «В Северной Америке анархизм довольно быстро привлек к себе много сторонников среди еврейских эмигрантов Литвы, Малороссии и Белоруссии». [18; С. 34] К анархизму начинали

склоняться и эмигрировавшие на Запад активисты социалистических партий, идеализировавшие ранее демократический строй. Но теперь они могли воочию убедиться в несовершенстве формальной демократии, наличии и при ней жесткой экономической эксплуатации и даже репрессий в отношении рабочего движения.

В 1885 г. в Англии начала выходить первая в мире анархистская газета на идише «Дер арбейтер фрайнд» («Друг рабочего»), в 1898 — «Дос фрайе ворт» («Свободное слово»), в 1890 г. в Нью-Йорке — «Фрайе арбетер штиме» («Свободный рабочий голос», выходила до 1977 г.). В декабре 1902 г. в Лондоне была создана Федерация идиш-говорящих групп Великобритании и Парижа. Надо отметить, что руководство еврейской общины Великобритании вело самую настоящую борьбу с анархистской активностью. [19; С. 28] Еще более враждебное отношение к анархизму и рабочему движению проявляли так называемый «казенный» раввинат и буржуазная верхушка еврейского общества.

Многие уроженцы Беларуси и т.н. «Северо-Западного края» стали видными деятелями международного анархистского движения. Вот только некоторые имена, приведенные, главным образом, в работе М. Гончарка «Пепел наших костров»:

Сэм Дриш. Родился в Витебске в 1885 г. В конце 1890-х участвовал в деятельности местной организации Бунда. К анархистам присоединился в Лондоне, около 1900 г. Ближайший друг Рудольфа Рокера, еще в 1973 г. — организатор конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р. Рокера.

Александр Беркман. Родился в Вильне в 1870 г. Антигосударственником стал в 12 лет, учась в Ковенской гимназии. В США — член группы немецкого анархо-террориста И. Моста. В 1892 г. совершил покушение на директора концерна Карнеги в Питтсбурге. Провел в тюрьме 14 лет. Находился на территории Советской России в годы гражданской войны. Покончил с собой в 1936 г. в Ницце.

Йосеф Бовшовер. Родился в Любавичах Могилевской губернии в 1873 г. Известный рабочий поэт-анархист. Перевел на идиш «Венецианского купца» Вильяма Шекспира. Умер в 1915 г.

Шауль-Йосеф Яновский. Родился в Пинске в 1864 г. Редактор «Арбейтер фрайнд» и «Фрайе арбетер штиме», видный журналист и переводчик. Сторонник просвещения народа, противник индивидуального террора. Умер в Нью-Йорке в 1939 г.

Яков-Авраам Мэрисон. Родился в 1866 г. в Ивье (Евье) Виленской губернии. Врач. В середине 1890-ых один из лидеров американского анархистского движения. В 1890 г. — редактор «Фрайе арбетер штиме». Переводчик трудов Кропоткина, основатель Культурного общества им. Кропоткина. Представитель т.н. «политического» анархизма, сторонник участия анархистов в парламентской борьбе. Умер в 1941 г. в США.

Екатерина Евзорова (Мэрисон), жена д-ра Мэрисона. Родилась в 1870 г. в Невеле Витебской губернии. Сотрудничала с «Фрайе арбетер штиме» и др. радикальными изданиями. Автор статей по женскому вопросу, проблемам педагогики и труда несовершеннолетних. Автор брошюры «Женщина и общество».

Абба Гордин. Родился в 1887 г. в Сморгони Виленской губернии. Теоретик и основатель движения пананархизма. Один из организаторов Московской анархистской федерации, редактор газеты «Анархия». Вместе с братом Владимиром выступал в 1918 г. против «анархо-реакционеров», за фактическую лояльность к Советской власти. Арестован ВЧК, по ходатайству Н. К. Крупской избежал расстрела. Бежал из ссылки в США в 1925 г. В 1960 г. издавал в Израиле анархистский журнал «Проблемот-Проблемен». Умер в 1964 г.

Яков-Меир Залкинд. Родился в 1875 г. в Кобрине Гродненской губернии. В 1903 г. организовал курсы самообороны, спортивной подготовки и стрельбы в студенческом обществе «Вперед» в Берне. Активный антимилитарист. Знал 30 иностранных языков. В 1923 г. — редактор «Арбейтер фрайнд», сотрудничал с Р. Рокером и В. Волиным. Умер в 1937 г.

Йосеф Кахан. Родился в 1878 г. в Косово Гродненской губернии. В 1890-х гг. участник рабочих кружков в Минске, вел пропаганду среди солдат гарнизона г. Гродно. В 1905 г. организовал в Америке просветительное рабочее общество, автор большого количества статей по общественным и просветительным вопросам. Умер в 1953 г.

Михаил Кац. Родился в 1864 г. в Могилеве. Участник народовольческого движения. В 1888 г. эмигрировал в Америку. Один из лидеров анархистского движения. Переводчик произведений Л. Толстого, П. Кропоткина, Л. Андреева, Э. Золя. Умер в 1941 г. в США.

Йосеф Яффа. Родился в 1853 г. в Могилевской губернии. Один из пионеров анархистского движения среди еврейской эмиграции. Умер в 1915 г.

Израэль Копелов. Родился в 1858 г. в Бобруйске. Анархист, участник американского рабочего движения, активист «Русского прогрессивного объединения в Нью-Йорке». Один из организаторов кампании поддержки Партии социалистов-революционеров в Америке в 1904—1906 гг. Член ЦК партии «Полей-Цион», который покинул из-за разногласий в 1921 г. Автор воспоминаний «Когда-то в Америке...» и многих беллетристических работ из жизни иммигрантов.

Еще большую активность в этот период проявляли в эмиграции собственно русские группы анархо-коммунистов. Как правило, все они находились под идейным влиянием П. А. Кропоткина. В 1900 г. в Женеве возникает первая организация российских анархистов в эмиграции — «Группа русских анархистов — за границей». В 1903 г. в Женеве была создана ставшая впоследствии широко известной группа «Хлеб и воля» Г. И. Гогелии, Л. В. Иконниковой, М. Г. Церетели, Г. Г. Деканозова, В. Н. Черкезова. Группу поддержал П. А. Кропоткин.

Автор работы по истории «идиш-анархизма» Моше Гончарок считает, что возникшая «в Белостоке анархистская группа... состояла целиком из евреев». [19; С. 20] Однако следует заметить, что это не совсем так. Как будет показано дальше, среди активистов этой группы, наряду с евреями, было много и тех, кого в те времена определяли как «христиан», т. е. белорусы и поляки. Со временем и по мере расширения географии анархистского движения с запада на восток,

преобладающую часть в нем стали составлять уже белорусские и русские рабочие и крестьяне. Что касается Белостока, то, следуя своим глубоко интернационалистским установкам, анархисты вели здесь работу среди еврейских и нееврейских рабочих, а также среди белорусских крестьян Гродненской губернии. Даже их организация первоначально именовалась Интернациональная группа «Борьба». Литература издавалась как на идиш, так и на русском языке. При этом издание листовок на «жаргоне» было продиктовано техническими, а не националистическими соображениями — значительная часть еврейских рабочих могли читать только на еврейском языке.

4. Начало деятельности Интернациональной группы «Борьба». 1903 — 1904 гг.

При своем возникновении Интернациональная группа «Борьба» была первоначально идеологически ориентирована на кропоткинский анархо-коммунизм, тактически — на ведение пропагандистской деятельности. Через два месяца она уже насчитывала 70 человек, преимущественно рабочих-ткачей. Среди прочей литературы группа распространяла книгу Петра Кропоткина «Анархический коммунизм». После выхода в Лондоне в августе 1903 г. газеты «Хлеб и воля» белостокская группа фактически примкнула к хлебовольческому направлению. Однако с самого начала ей были присущи сильные бунтарские и террористические тенденции. В последующем они оформились здесь в радикальные течения, вышедшие далеко за рамки нравственной доктрины выдающегося ученого и гуманиста Петра Кропоткина. Одной из причин этого было, несомненно, и то обстоятельство, что в отличие от Западной Европы, где легально работали князь Кропоткин и другие эмигранты-литераторы, в Российской империи был более суровый политический климат. Поэтому уже в скором времени анархисты Белостока стали пропагандировать и обращаться к тем методам, которые издавна стихийно практиковались рабочими в своей классовой борьбе — к порче материалов и оборудования. Эти приемы саботажа, как и угрозы и нападения на хозяев с требованием поднять заработную плату, получили название «экономического террора». В свое время подобную тактику рабочих поддерживали народовольцы и «пролетариаты». Но к началу XX столетия все социалистические партии своей непосредственной задачей провозгласили программу «минимум» и политическую демократию, то есть фактически заключили более или менее долговременный тактический союз с буржуазией. Поэтому подобные средства лидерами политических партий отвергались категорически. На этом фоне анархо-коммунисты в глазах наиболее подверженных угнетению групп населения выглядели их наиболее последовательными и бескомпромиссными защитниками.

С одной стороны, часть рабочих достаточно приязненно отнеслась к появлению группы «настоящих революционеров», готовой столь радикально отстаивать их интересы. В то же время руководство рабочих партий, в особенности Бунда, пользовавшегося здесь преимущественным влиянием, повело против анархистов ожесточенную борьбу — прежде всего из-за их пропаганды «экономического террора» и экспроприаций, или «воровства».

В скором времени белостокским анархистам пришлось на деле перейти к своей крайней тактике. 12 июля 1903 г. в лесу за городом состоялось массовое собрание, в котором приняло участие около 4000 еврейских, польских и белорусских рабочих. Возвращаясь с массовки в город, они устроили демонстрацию и были встречены полицией. При разгоне многие рабочие были жестоко избиты полицейскими. У полицмейстера при этом сломалась шапка. Вечером следующего дня, 13 июля, анархистами на Суражской улице был тяжело ранен старший городской Лобановский. Это был один из первых актов индивидуального террора против полиции в Беларуси.

19 августа был произведен выстрел в проезжавшего в экипаже полицмейстера Метленко. Полицейстер не пострадал, ранение в ногу получил кучер. Стрелявший скрылся, но полицией был арестован сигнальщик боевиков И. Тростянский. Бунд сразу же отмежевался от этого выступления. Характерно, что белостокское «общество» было возмущено покушением — с точки зрения состоятельных горожан, Метленко был «хороший» полицмейстер, поскольку брал взятки в размерах до 5000 руб. В то же время, при его предшественнике величина мзды могла доходить и до 3000 руб. [20; С.3] На тот момент это были одни из первых актов разворачивающегося вооруженного противостояния между революционным лагерем и властью. Но, в отличие от начавших это противоборство социалистов-революционеров, предпочитавших организовывать крупные покушения, анархисты повели борьбу с полицейскими чинами разных рангов, вплоть до городских, на местах.

Впрочем, в то время подобная тактика (как, впрочем, и использование черного знамени), не было прерогативой одних только анархистов. 4 сентября 1903 г., в день казни бундовца Гирша Леккерта, стрелявшего в виленского губернатора фон Валя за телесные наказания над рабочими, в Режице Гродненской губернии было поднято черное знамя с изображением Леккерта. Именно в этот период, под влиянием покушения Леккерта, в 1902 году V конференцией Бунда было принято решение о т. н. «организованной мести». Правда, уже в 1903 году это решение было отменено. Но рядовые рабочие — члены социалистических партий далеко не всегда с этим соглашались и в дальнейшем нередко прибегали к тактике индивидуальных покушений, несмотря на противодействие со стороны своих партийных руководителей. Например, так было в Лодзи после убийства полицией уголовного Мейера и рабочей активистки Веры — рабочие прибегли тогда к вооруженным акциям вопреки мнению лидеров бундовского комитета. [21; С. 56]

4 сентября 1903 г. в белостокской тюрьме были избиты заключенные, возмущившиеся сокращением вдвое обычной прогулки. Арестованные потребовали полицмейстера. Городской полицмейстер Мегленко явился, и, возможно, под влиянием недавнего покушения, лично принял участие в избииении женщин. В белостокской тюрьме в это время 18 человек содержалось по подозрению в покушении на городского. [21; С. 4]

Тем временем, популярность белостокской группы росла, и в скором времени анархистские организации действовали уже в Гродно, Бельске, Заблудове, Хороше, Тростянах, Волковыске, Крынках, Ружанах и т. д.

В январе 1904 г. в Белосток из-за границы был доставлен транспорт с нелегальной литературой. В деле доставки литературы белостокчане, как и другие революционеры, широко прибегали к услугам контрабандистов. Так, оружие для них в последующем поставлял известный контрабандист И.-Г. В. Богуш. [22; Л. 170] Однако доставленная литература, при имеющемся на нее колоссальном спросе, разошлась очень быстро. Тогда белостокские анархисты решили искать контактов с другими близкими им группами. Точнее, по их воспоминаниям, с единственной известной им подобной организацией — с одесской группой «Союз непримиримых», состоявшей из анархистов и махаевцев. По имеющимся у белостокчан сведениям, у одесских издательские и финансовые дела обстояли несколько лучше. [14; С. 417] В Одессу на поиски «непримиримых» летом 1904 г. выехал И. Блехер (Берек, Городовойчик). При этом в поездку он отправился совершенно без денег, забравшись под сиденье вагона. О финансовом положении белостокской группы красноречиво говорит тот факт, что билет третьего класса на поезд «Белосток—Одесса» стоил тогда 8 рублей 60 копеек, средний заработок рабочего — порядка 10—20 рублей. В Одессе, проблуждав несколько дней без крова и ночлега, Городовойчик случайно встретил одного белостокчанина, работавшего в то время в одесской махаевской группе «Союз непримиримых». Получив у одесских махаевцев некоторое количество литературы и денег, Городовойчик благополучно вернулся в Белосток.

Через некоторое время в Белосток из Одессы прибыл Владимир Лapidус (Стрига). В 1900—1902 гг. Лapidус участвовал в социал-демократическом движении. Характерно, что в свое время Лapidус вместе с Г. Леккертом должен был участвовать в покушении на виленского губернатора фон Валя. Бывший социал-демократ, Лapidус вскоре разочаровался в умеренной программе и тактике социалистов. В 1903 году он становится приверженцем взглядов Махайского. В Николаеве Владимир Лapidус находит своей бурлящей революционной энергии — создает группу «чистых социалистов», близких к махаевцам. Затем сближается в Одессе с наполовину махаевской, наполовину анархистской группой «Союз непримиримых». В октябре 1904 года одесский «Союз непримиримых» окончательно переходит на позиции анархизма и превращается в Рабочую группу анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». В 1904 г. Стрига ведет работу среди одесских пекарей, а в 1905 г. приезжает в Белосток. В последующем он станет теоретиком и практиком одного из наиболее крайних направлений в анархистском движении — течения «безмотивников».

К этому времени уже упоминавшийся Ш. Х. Каганович и Б. Я. Энгельсон, представители образовавшейся в Париже в 1904 г. издательской группы «Анархия», смогли наладить в Белостоке печатную пропаганду. Именно с помощью эмигрантского издательства «Анархия» в Россию поступают первые анархистские издания — газета «Хлеб и воля» и другие, со страниц которых идеи анархо-коммунизма становятся известны рабочим, крестьянам и учащимся. Налаженный ими уже на территории Российской империи нелегальный выпуск литературы содействовал привлечению в движение многих новых сторонников. В частности, Энгельсон организовал в Белостоке нелегальную типографию, в которой издавалась газета «Анархия».

Летом 1904 г. в Белостоке разразился экономический кризис. В результате резко ухудшилось положение рабочих. Многие из них были уволены. Социалистические партии и профессиональные союзы с их традиционной тактикой были не в состоянии что-либо предложить в этой ситуации, ведь в условиях кризиса хозяева всегда были особенно неуступчивы к требованиям своих работников. Вот тут-то и наступил «звездный час» анархистов-коммунистов с их призывами к «прямому действию» и немедленным экспроприациям. Во главе толпы безработных сторонники безвластия производят массовые захваты продуктов у частных торговцев. В ответ полиция организует массовые аресты и высылки участников выступлений. С ожесточенной критикой на пролетарских массовках и в своих прокламациях обрушиваются на анархистов-коммунистов бундовцы и другие социалисты — сторонники организованной борьбы и политической демократии...

Надо отметить, что разовые захваты продуктов едва ли могли ликвидировать голод среди безработных, но стали для них определенной эмоциональной разрядкой, подняв при этом престиж анархистской группы в глазах всех пострадавших от экономического кризиса.

В начале осени 1904 г. произошла забастовка в прядильных мастерских Авраама Кагана. Хозяин привлек к работе штрейкбрехеров, вызванных из Москвы (участие в этом деле полицмейстера позволяет предположить, что штрейкбрехеры могли принадлежать к «зубатовским» рабочим организациям, находившимся под контролем политической полиции). Игра на национальной розни всегда являлась эффективным средством подавления рабочих выступлений. Так, во время экономической стачки на спичечной фабрике в Мозыре зимой 1903 г. ее хозяева-сионисты натравливали «русских» работников на еврейских, утверждая, что последние якобы бастуют против царя. И даже пошли на незначительные уступки исключительно «русским» девушкам-работницам. В Белостоке же летом 1904 г., как было принято в рабочем движении того времени, забастовщики пришли «снимать», т. е. насильственно отстранять штрейкбрехеров от работы. Было также испорчено находившееся в цеху сукно. В результате между бастующими и вооруженными металлическими прутьями штрейкбрехерами произошло столкновение, в ходе которой один из стачечников получил тяжелое ранение (по другим данным — был убит), многие ранены.

После этих событий хозяин мастерских Каган, возглавлявший также «Союз фабрикантов», созданный для борьбы с забастовщиками, принял меры предосторожности. Его квартира круглосуточно охранялась полицией. Однако анархист Нисан Фарбер выследил Кагана у синагоги в иудаистский праздник «Судного дня» и ранил его кинжалом на глазах у многочисленной толпы.

Биография Н. Фарбера характерна для многих участников анархо-движения того времени. Вот что писали о нем впоследствии его товарищи: «Нисан родился в 1886 г. в м. Порозове Волковысского у. Гродненской губ. в семействе бедняков-евреев. Мать его скоро умерла, а отец принужден был владеть нищенскую жизнь, живя при местной синагоге. Ребенок отдан был на воспитание в чужую семью. Восьми лет он уже был в еврейской школе в Белостоке и вел бедную жизнь, кое-как поддерживаемый благотворительным обществом. Не имея возможности учиться дальше, Нисан через два года поступил учеником в пекарню. Здесь он познал весь ужас жизни ребенка-рабочего. В душной, темной комнате, под брань надсмотрщика, на побегушках у него приходилось работать от зари до зари, по 18 часов в сутки — с середины до пятницы без отдыха... Наконец, Нисан «выучился», пройдя суровую школу труда, и стал подмастерьем.

Зная жизнь пролетария, жизнь, полную невзгод и лишений, юноша чутко относился ко всему, касающемуся рабочего дела. Весь досуг, все часы и минуты, урванные у каторжного труда, он посвящал книгам. Он знал только жаргонный язык и воспитывался исключительно на еврейской революционной литературе. К этому времени — ко времени 1903 г. — началась в Белостоке анархическая пропаганда. Анархисты являлись на митинги, массовки, организуемые бундовцами и польскими социалистами. Шли горячие дебаты. Пылкий, чуткий Несель сразу примкнул к анархизму и оставался верен ему до конца. Он отдался движению всей душой. Не было буквально ни одного собрания, где бы он не выступал, горячо дебатирова с бундовцами, нападая на их парламентаризм и легализаторскую тактику...

В 1904 г. в Белостоке царил кризис. Тысячи безработных были выброшены на улицу. Изнуренные голодовкой, рабочие просили хлеба. Нисан все это видел, близко принимая к сердцу. Его мучила проклятая жизнь, и он думал: «Когда мы, рабочие, страдаем от кризиса, когда царит безработица и нет хлеба, — мы должны идти и брать все необходимое». Слова у него не расходились с делом...» [23; С. 10] С учетом определенной пропагандистской задачи этой публикации, можно все же констатировать, что в подобных условиях крайней нищеты происходило становление взглядов большинства участников движения.

В конце сентября 1904 г. в лесу за городом состоялся митинг, созванный местной организацией Бунда. Собрание было атаковано полицией во главе с полицмейстером, которая открыла по безоружным рабочим огонь. 30 человек получили ранения. В ответ 6 октября Нисан Фарбер бросил самодельную бомбу-«македонку» в полицейский участок. При взрыве был убит сам Фарбер, ранены полицейский надзиратель, два городских и два случайных посетителя. [23; С. 10]

В декабре 1904 г. был тяжело ранен околоточный надзиратель.

В этот период Россия стремительно приближается к революции. Глубокие противоречия, накопившиеся в стране, требовали разрешения. Однако существующий абсолютистский режим предпочитал опираться почти исключительно на земельную аристократию и высшую бюрократию, со всеми вытекающими отсюда отжившими социальными отношениями, и не думал о глубоких реформах. Даже крупная буржуазия с большим трудом пыталась проложить себе дорогу в высшие коридоры власти. По своей природе господствующие группы аграриев и высших чиновников были глубоко консервативны, чем было и обусловлено отсутствие гибкости и реформистского потенциала самодержавного государства. Вследствие этого царистский режим был совершенно не способен предложить какое-либо внятное и разумное решение по выходу из кризиса. Его преимущественным ответом оставалось только усиление репрессий. Поэтому против существующего порядка вещей сложился весьма широкий фронт — от умеренных либералов до крайних революционеров. Однако внутри освободительного движения существовали также серьезные противоречия, обусловленные интересами тех или иных социальных групп — разных слоев буржуазии, интеллигенции, рабочих, крестьян, национальными и конфессиональными различиями, нашедших свое отражение в программах различных политических группировок и их лидеров.

В этой обстановке в 1902—1903 гг. в Белостоке и других городах Гродненской губернии происходит формирование новой тенденции рабочего движения — анархо-коммунистической. Из анархистов-одиночек, махаевцев, «рабочих оппозиций» различных социалистических партий и прибывших из-за границы анархистов здесь образуется первая в Российской империи анархистская Интернациональная группа «Борьба». Первоначально белостокские анархисты находятся под влиянием идей П. А. Кропоткина и эмигрантской группы русских анархистов «Хлеб и воля». Но в скором времени, под воздействием местных условий, переходят к активной бунтарской и экспроприаторской тактике, заложившей основы черномысленного движения.

Глава 2

Первая революция. На гребне волны. 1905 — 1907 гг.

1. Взлет анархо-коммунистического движения в Белостоке

По мере развития революционного кризиса росло и влияние наиболее радикальных групп, в частности, анархистских. В скором времени анархистские группы, помимо Гродно, Белостока и др. городов и местечек Гродненской губернии, появляются также в Вильне, Минске, Гомеле, Брест-Литовске, Витебске, Двинске, Барановичах, Бобруйске. В Белостоке от Бунда и ППС откололись и перешли к анархистам «рабочие оппозиции». Анархистами на гектографе были выпущены брошюры «Долой частную собственность» и «Кто мы и чего хотим».

9 января 1905 г. царское правительство расстреляло в Санкт-Петербурге мирную демонстрацию рабочих, формально носившую характер религиозного шествия и предварительно разрешенную градоначальником Фулоном. Всю страну охватила волна возмущения и протестов. Повсеместно начались забастовки. Комитет Бунда в Белостоке также объявил всеобщую политическую стачку. Однако анархисты акцентировали внимание на экономических требованиях к хозяевам, более того, подкрепляли это саботажем и экспроприациями.

В ходе январской стачки анархисты вместе с другими революционными партиями захватили местечко Крынки, крупный центр ткацкого производства в Гродненской губернии. Полиция была вынуждена оставить местечко. Почта, телеграф, все правительственные учреждения были захвачены рабочими. Анархисты-коммунисты требовали конфискации частных капиталов. Но бундовцы и другие социал-демократы отказались от подобных действий, рассматривая их как экстремистские, ведущие к преждевременному разрыву союза с буржуазией в ходе общенациональной борьбы за демократию.

Однако часть социалистов-революционеров стала все чаще прибегать к антибуржуазным выступлениям, экономическому террору и саботажу. В то время в рядах белостокской организации партии эсеров стало формироваться течение т. н. «максималистов». Это было наиболее левое крыло в неонародническом движении, требующее реализации не только программы-минимум, но и программы-максимум социальной революции, то есть социализации (обобществления) не только земли, но и фабрик и заводов. Таким образом, Белосток стал центром зарождения не только анархистского, но и максималистского движения в России. Очевидно, что формирование максималистской тенденции в Гродненской губернии и далее происходило не без влияния местных анархистов. О взаимодействии анархистов-коммунистов и эсеров-максималистов мы будем сообщать далее.

Январская стачка 1905 г. закончилась в Белостоке победой рабочих. В результате забастовки в мелких мастерских был установлен восьмичасовой рабочий день, в крупных — девятичасовой, заработная плата была увеличена от 25 до 50 %. Популярность Белостокской группы анархистов-коммунистов (БГАК) выросла чрезвычайно. В ответ на всеобщую стачку в Белосток были введены казаки, которые принялись с помощью систематических избиений умирять население. На некоторое время активность рабочих спала. Но вскоре собственно анархистской группой и белостокскими извозчиками, находившимися под определенным влиянием анархистов, были созданы отряды самообороны, начавшие оказывать казакам вооруженное сопротивление. После этого нападения со стороны последних почти прекратились. Более того, максималистски настроенными эсерами и бундовцами было совершено покушение на крупного еврейского капиталиста Вейнрейха, по воле которого в городе и находились казачьи части. Покушение было неудачным, но после него казаков вывели из Белостока. Так, по крайней мере, об этом сообщает анархистский «Альманах». [14; С. 418]

Весной 1905 г., то есть через два года после образования первой группы, анархистская активность в Белостоке, по признанию ее участников, делает качественный скачок и переходит в новую фазу. Из фактически небольшого кружка здесь развивается массовое движение. В это время к анархистам переходит вся «агитаторская сходка» социалистов-революционеров, оказавшихся наиболее восприимчивыми к идеям безвластия и коммунизма (во многом, вероятно, в силу общих корней, до некоторой степени схожести отдельных программных положений и тактики). В числе перешедших — А. Елин и Судобичер (Цалька-портной), ставшие потом известными боевиками. Одновременно в Белосток из-за границы прибыло пять эмигрантов-агитаторов.

В апреле 1905 г. Елин убил дворника-шпиона. По мнению анархистов, после этого деморализованные дворники больше не желали сотрудничать с полицией в деле слежки за революционерами. Даже городские старались не появляться на «рабочей бирже» — Суражской улице, где ежедневно происходили рабочие собрания.

Структура анархистской организации в Белостоке носила в это время следующий характер — во главе движения стояла «группа», которая подразделялась на техническую, оружейную, агитаторскую, пропагандистскую и финансовую (определение «стояла во главе» дается самими белостокскими анархистами). [24; С. 12] С сентября 1904 г. она, очевидно, стала называться «Белостокская группа анархистов-коммунистов» (БГАК). В группу входило несколько десятков активистов, организаторов, пропагандистов и агитаторов, а впоследствии — и боевиков. В 1905 году, на пике своей деятельности, группа насчитывала около 60 человек. Следующий уровень собственно движения составляла массовая «Федерация» рабочих по отраслям промышленности. Она состояла из четырех цехов — ткачей, кожевников, столяров и портных. В отраслевые

цеха (также называвшиеся федерациями) входило до 300 чел. Кроме того, еще действовало 15 пропагандистских кружков среди фабрично-заводских и ремесленных рабочих. При этом один из организаторов движения И. С. Гроссман-Рощин настаивает, что отраслевые федерации были не «беспартийными синдикатами», а тоже идейными анархистскими организациями. Еще большим было количество тех, кто так или иначе, но сочувствовал анархистам. Это были как рабочие, так и мелкая буржуазия (по изящному эвфемизму вышеупомянутого идеолога белостокских анархистов — «мелкая трудовая масса»).

Вопреки декларативному отказу от какого бы то ни было лидерства и иерархичности, анархистскому движению как в Белостоке, так и в других местах было свойственно и наличие собственных лидеров. Да и сама вышеописанная структура БГАК — собственно «группа» — отраслевые федерации — пропагандистские кружки — сочувствующие, также носила своего рода иерархический характер. Что касается руководства, то к этому времени одним из ярко выраженных харизматических вождей и теоретиков белостокского анархизма являлся вышеупомянутый Иуда Соломонович (Шлоймов) Гроссман-Рощин. Он родился в 1883 году в местечке Новоукраинка Елисаветградского уезда Херсонской губернии, в семье купца. С 1897 года участвует в революционном движении, как и многие будущие анархисты, первоначально разделяет марксистские взгляды. По делу о Елисаветградском кружке Южнорусского союза рабочих он привлекается к дознанию при Херсонском жандармском управлении. За участие в социал-демократическом движении был отдан под гласный надзор полиции, в 1902 г. выехал за границу. В 1903 г. в Швейцарии примкнул к анархо-коммунистам, сотрудничал с Женевской группой «Хлеб и воля». В 1904 г. приехал в Белосток (по данным, приведенным в вышеупомянутой Докладной записке ДП — в 1905 г., из Одессы), вошел в состав местной группы «Хлеб и воля». Опираясь на свои собственные теоретические представления и апологетику вооруженной борьбы и экспроприаций, а также на практику местного рабочего движения, Гроссман-Рощин начал разрабатывать положения и организационно формировать новое, значительно более воинственное направление в анархо-коммунизме — чернознаменство. Его более подробная характеристика и анализ деятельности будут даны далее.

В этот период популярность анархистов была так высока, что многие горожане стали обращаться к БГАК за разрешением разного рода конфликтных ситуаций. Вот что писал об этом Гроссман-Рощин: «Вскоре группа сделалась центром и для мелкой трудовой массы, но в своеобразной форме: обидели кого-либо, учитель плохо обращается с ребятами, домовладелец грозит высылкой неисправного жильца, кто-то хочет забрать обратно машину Зингера у бедняка за невнесение очередного взноса — все идет в «Белостокскую группу». Приходилось наскоро создавать что-то вроде юридической комиссии для разборки дел, столь неважных, но отравляющих жизнь бедноты. Надо было видеть, как беспрекословно обе стороны повиновались, когда свое мнение, — группа не судила, а только

высказывала свое мнение... Помню два курьеза: после митинга я, усталый, направлялся на кладбище — резиденция белостокских анархистов. Меня останавливает старушка. Она говорит, что была на митинге, вполне согласна со мной; но, — добавляет она, — не можешь ли ты повлиять, чтобы Мотыка-жестянщик уплатил мне шесть рублей за обеды; я женщина бедная и во всем согласна с тобой». И еще. Еду я из Ломжи. Чувствую, что неблагополучно. За мной следят. Колеблюсь: соскочить ли на ходу или подождать ближайшей станции. Вдруг кто-то меня за плечо. Передо мной маленький рыжий огненный человек; лица не видать, только и видны лихорадочно блестящие глаза. Он зовет меня. Выхожу на площадку. Оказывается: он кому-то продал партию «краек» — обрезки материи. Тот после доставки товара «взял его в пресс». И вот «не может ли защитница бедноты — белостокская группа рассчитаться с кровопийцей-капиталистом». Если вы примете во внимание, что в группу стали являться деревенские ходоки, то вы получите только крайне приблизительное представление о той работе, которая совершалась в Белостоке». [24; С. 12]

Таким образом, хотя до реализации утопии полного безвластия и самоорганизации было еще весьма далеко, БГАК удалось создать структуры своеобразной контрвласти, достаточно эффективно защищающей различные группы трудящихся от наиболее грубых форм угнетения и произвола.

В начале 1905 г. белостокские анархисты провели также стачку среди работниц-«нитярок». При этом группе пришлось столкнуться здесь с серьезными трудностями. Среди этой категории женщин-работниц сильными были позиции католического костела и националистов-«народовцев». Процветал польский шовинизм и антисемитизм. При этом народовцы умело использовали революционную фразеологию, манипулируя массовым сознанием, и в этом смысле являлись одними из первых предшественников последующего нового правого радикализма с его социальной мимикрией и демагогией. Тем не менее, анархистам удалось потеснить народовцев в этой среде. Лучшим аргументом в пользу приоритета классового, а не националистического подхода служило, конечно, грубое угнетение нитярок со стороны хозяев. Факту эксплуатации совершенно не мешал тот факт, что и женщины-работницы, и их работодатели-капиталисты принадлежали к одной польской национальности. Результатом анархистской агитации стала успешная забастовка, прошедшая под руководством «группы». Польские работницы сами явились на Суражское кладбище, где собирались анархисты, и потребовали тут же читать им лекцию о классовой борьбе. Клерикалы, вроде католического епископа барона Э. фон-дер Роопа, будущего депутата Государственной Думы и лидера Конституционно-католической партии Литвы и Беларуси, для противодействия росту рабочего движения прибегали даже к измышлениям о том, что во время стачки происходили чуть ли не «черные мессы», оргии и т.д. Однако все это не смогло помешать солидарным действиям многонационального рабочего класса в Белостоке.

2. Анархистские группы в других городах Беларуси. Лето 1905 года в Белостоке

Одновременно с Белостоком, движение развивается и в других городах и местечках края. Так, еще в 1904 г. возникшая в местечке Крынки Гродненской губернии группа анархистов-коммунистов произвела вооруженное нападение на волостное управление и захватила там паспортные бланки. Мы уже упоминали также о вооруженном восстании в Крынках с активным участием анархо-коммунистов в январе 1905 г. Прибывшие войска вскоре подавили выступление. В Крынках анархистами была осуществлен ряд покушений и брошена бомба в синагогу, где собралась представитель местной еврейской буржуазии. [10; С. 421]

Анархистские группы, связанные с Белостоком, существовали также в Ружанах, Бельске, Цехановице, Трестене, Заблудове, Волковыске и др. местечках и поселках Гродненской губернии. В Ружанах прошло несколько стачек, руководимых анархистами. В Бельске существовала «Крестьянская группа анархистов-коммунистов», также группа белорусских и польских крестьян-анархистов действовала в местечке Орло. В Волковыске анархо-коммунистами была организована стачка, закончившаяся локаутом. В качестве мести за выброшенных на улицу рабочих анархисты совершили нападение на фабриканта. В Трестене в результате ряда стачек, проходивших с участием анархистов, рабочим удалось добиться восьмичасового рабочего дня. В выступлениях здесь принял участие Борис Гоз, самый последний при вооруженном сопротивлении в Брест-Литовске. Забастовки были организованы и в Заблудове, и в других местах.

Также в 1904—1905 гг. группы анархо-коммунистов образуются в Гродно, Брест-Литовске, Сморгони, Барановичах и других городах Беларуси.

В Вильно с 1905 года ведется активная анархо-коммунистическая пропаганда, прежде всего, среди рабочих-ремесленников. В скором времени анархистам удалось закрепиться в цехах кожевников, сапожников и портных, где ранее почти монополично господствовал Бунд. В 1905 г. анархистская работа ведется в Двинске Витебской губернии и Брест-Литовске Гродненской губернии. В Брест-Литовске анархистами было совершено несколько экспроприаций и произведено покушение на пристава. В Барановичах анархистская пропаганда осуществляется среди солдат. Около этого времени первые анархистские кружки появляются в Гомеле. Активно проводится анархистская работа в Гродно.

Однако центром массового рабочего анархистского движения в этот период по-прежнему остается Белосток. В июне 1905 г. пролетариат Лодзи объявил всеобщую стачку. Ответом на это стал массовый расстрел, в результате чего царскими войсками было убито большое количество рабочих. К вспыхнувшим вслед за этим по всей России забастовкам солидарности с Лодзью присоединился и Белосток. Любопытно, что накануне этого к БГАК с предложением о проведении совместной стачки обратилась местная организация эсеро-

максималистов. Однако анархисты этого предложения не приняли, туманно сославшись на то, что рабочие готовы забастовать и без всякого призыва. На самом деле речь, скорее всего, шла об узкогрупповых амбициях анархистов, не желавшими делить свое влияние в рабочей среде даже с весьма близкими им по духу максималистами.

Лапидус-Стрига именно тогда выступил впервые со своей идеей «временной коммуны». Предполагалось захватить весь город в свои руки и объявить его коммуной. Заранее предполагалось, что стянутые сюда правительственные войска подавят восстание коммунаров. Но, по мнению идеологов этого направления, сам прецедент массового вооруженного выступления послужит примером для будущего. Или, по крайней мере, выступит в резкое противоречие с буржуазно-демократическим ходом революции. Впрочем, реальных сил для выполнения этого, по сути, авантюрного плана, у анархистов не было. Анархисты, правда, продолжали выступать на митингах с призывами к вооруженному восстанию. Однако вытекавшие из анархического учения упования на спонтанные действия масс и существующая реальность разошлись и на этот раз — рабочие ждали от группы раздачи оружия и активных действий. Ведь рабочие уже привыкли, что именно инициативные действия анархистов указывают массам направление движения. Но в данном случае ничего не произошло — крупная экспроприация, намеченная для обеспечения предполагаемого массового выступления оружием, не удалась. Против экстремистских, по их мнению, действий БГАК выступило и большинство социалистических партий. Весьма спорными также представлялись утверждение анархистов-коммунарков, что итоги неудачного восстания могли бы стать вдохновляющим примером — с не меньшей вероятностью они могли бы и деморализовать рабочих. В конечном итоге, трехдневная стачка солидарности в Белостоке была окончена.

Однако идеи создания временной военно-революционной коммуны, впервые сформулированные во время июньской забастовки 1905 года, в скором времени превратились в концептуальное обоснование целого направления в анархистском движении — коммунарского, которое можно было также назвать анархо-повстанческим.

Для подавления забастовочного движения полиция также прибегает к массовым арестам и избиениям белостокских рабочих. Вслед за этим здесь, как и в Лодзи, тоже происходит расстрел мирной рабочей демонстрации. Похороны погибших вылились в многотысячную манифестацию. На кладбище состоялся митинг, где выступили и представители Белостокской группы анархистов-коммунистов.

Но траурными речами дело не кончилось. В духе того времени, на правительственный расстрел и белый террор решено было ответить красным террором. Одним из мотивов было также и желание поднять дух рабочих, подавленных тяжелыми репрессиями. На Базарной улице, возле памятника Муравьеву-«Вешателю», на т. н. «полицейской бирже», ежедневно собиралось высшее полицейское начальство. 27 июня 1905 г. Арон Елин (Гелинкер) бросил бомбу в находившуюся здесь группу полицейских чинов во главе с помощником полицмейстера Глобским.

В результате были убиты и ранены 10 человек, в т. ч. ранения получили помощник полицмейстера, полицейский пристав, два околоточных и три городовых. Сразу после взрыва полицейские бросили все окрестные посты. Однако прибывшие вскоре воинские подразделения совместно с полицией начали зачистку центра города, сопровождавшуюся стрельбой и избиением всех случайно задержанных прохожих. Полицией было убито 13 человек, причем только один городской Павел застрелил шестерых.

Биография исполнителя этого акта, одного из самых известных белостокских боевиков Арона Елина, во многом типична. Он родился в крайне бедной и фанатично религиозной семье. Уже в 12 лет он бежит из дома, годами ведет жизнь беспризорника. В 15 лет становится рабочим кожевенной фабрики, вступает здесь в партию эсеров. Будучи членом ПСР, Елин совершает покушение на казачьего офицера. В начале 1905 г. Елин, увлеченный еще более решительной пропагандой анархо-коммунистов, присоединяется к их белостокской организации. В августе 1905 г. в Киеве он оказывает вооруженный отпор банде черносотенных хулиганов, за что он, раненый, был арестован и жестоко избит полицией. В октябре 1905 г. в Бердичеве Елин один отстреливается от патруля, ранит трех казаков и обращает в бегство еще четырех. Елин-Гелинкер становится одним из наиболее дерзких и удачливых боевиков белостокской группы. Вот что пишет о нем и его товарищах Гроссман-Роцин: «О нем нельзя сказать, что он «храбр»! Это как-то не то слово. Кажется, Сократ говорит, что есть храбрость, которая основана на неразумии, на незнании и непонимании силы и степени опасности. Арон Елин точно взвешивает все опасности, точнее — заранее предполагает, что враг бесконечно сильнее. В нем нет ни капельки рисовки, авантюризма. Он спокоен, прост и ясен. Он знает: надо сделать то — и делает. Он никогда не впадает в «механический боевизм», когда человек автоматически «делает покушения», увлекаясь как бы террористическим «искусством для искусства». Елин связан с массой, он выполняет определенную функцию. Ни капельки от психологии «красных дел мастера», как говорит о себе Ропшин, ни капельки самолюбования и смакования психологических деликатесов и прищептывания на мистико-религиозные темы. Он целен и прост. Рядом с ним — Митя. (Очевидно, анархист Ян Гаинский. — Ю. Г.). Митя мог бы написать из своей жизни изумительную поэму борьбы и риска. Митя признает только одного врага — спокойствие, размеренность, быт. Бледный, точно изнуренный лихорадкой, он воистину «ищет бури» и подозрительно смотрит на группу, боясь, что и она поддастся постепеновщине и благоразумию. Помню беседу с ним. Митя надорван, болен. Митя никак не может идти в ногу с чересчур замедленным для него темпом революции. Он с отчаянием говорит мне: «А почему они терпят? Чего им жаль?.. Сытого корыта? Его у рабочих нет. А ждут! Проклятие». Не пытайтесь Мите объяснить объективный ход вещей, закономерность движения! Напрасно. Митя «ненавидит историю»... И трагедия его заключается в том, что разумом он сознает, что без миллионов победы нет и быть не может. А вот пришел другой — Самуил. Рабочий. Много читал. Вот и сейчас он ложится под деревом и сейчас же разворачивает Зомбарта. Читает, и каждый раз хватается за голову и как-то радостно смеется:

он поймал Зомбарта там, где «буржуазный идеолог фальсифицирует науку во имя буржуазии». Самуил воображает себя практиком. Он работает в синдикате, на фабрике. Но его практицизм — иллюзия. Самуил плохо видит реальную жизнь. Он весь в видении других миров; весь мир буржуазии для него — царство дьявола, какая-то бледная, искаженная копия другого мира. Он — «материалист», всегда говорит о реальной практике, но на деле это этический романтик, который цепляется за мир, чтобы найти иллюстрации негодности и греховности рабского мира». [24; С. 179,180]

Описанные здесь Гроссманом-Роциным типажи в тот период являлись характерными для белостокского безвластнического движения.

На самом деле надо сказать, что массовое рабочее движение в Белостоке и его округе, находившееся под влиянием анархистов, видимо, в это время подходило к своим естественным пределам роста. Наметилось серьезное противоречие — с одной стороны, анархисты обладали в городе едва ли не преобладающим влиянием. Но, с другой стороны, культивируемые ими ультрарадикальные установки по-прежнему не воплощались и не могли быть воплощены в жизнь. Отсюда военно-коммунарские установки части белостокских анархистов, в которых им виделся выход из сложившейся патовой ситуации. Однако с инициативой «восстания наоборот» выступила теперь уже правительственная сторона. Белостокская полиция подготовила погром.

В 13 часов дня 30 июля 1905 г. на Суражской улице, где располагалась т. н. «рабочая биржа», войска начали расстреливать рабочих. Один человек был убит, несколько — ранено. Через некоторое время возмущенные рабочие вновь собрались на своей бирже. Анархистами была брошена бомба в занимавшие улицу войска. Ранеными оказались офицер, четыре солдата и сам бомбист. Взрывом была также убита женщина — пропагандистка из Бунда, что явилось следствием зачастую бесшабашных и неосмотрительных действий анархистских боевиков.

Войска начали в городе погром. До 10 вечера в городе происходили расстрелы и убийства. Количество жертв было очень велико. Только с наступлением темноты появилась возможность оказать первую помощь раненым. Всего в ходе погрома в Белостоке было убито 40 человек. Разгрому подверглась типография газеты «Анархия». При этом был арестован редактор газеты Борис Энгельсон, анархистки Фрида Новик и Ева Майзель. Энгельсон при задержании пытался бросить бомбу, но полицейские предотвратили ее взрыв. На следующий день рабочие Белостока ответили на погром всеобщей стачкой. 1 августа состоялись похороны убитых, превратившиеся фактически в демонстрацию, в которой приняло участие 30 000 человек.

В середине августа 1905 г. происходит стачка на сталелитейном заводе Вечорека, потребовавшего от своих рабочих письменной расписки об отказе от участия в стачках. 180 рабочих из 800 отказались и были уволены. Завод и квартира Вечорека были взяты под охрану войск. Однако анархистам Антону Нижборскому (Антек) и уже упоминавшемуся Яну Гаинскому (Митька) удалось вечером 26 августа бросить в квартиру Вечорека две бомбы. В результате этого покушения в Белостоке было введено военное положение.

3. Формирование основных направлений анархизма: хлебовольцы, чернознаменцы, коммунары, безмотивники, безначальцы. Белосток в 1905 — 1906 гг.: Белостокский Совет и поражение всеобщей стачки

Всероссийская стачка в октябре 1905 г. и вырванные ей у самодержавного государства политические свободы поставили белостокских анархистов перед новым вызовом. По их собственным отзывам, в октябре 1905 г., после более двух лет существования анархистской организации, белостокским безвластникам стало казаться, что надо опять начинать все сначала. Что же произошло? Все дело в том, что белостокские рабочие присоединились к политической забастовке. Единным фронтом с буржуазией выступили против самодержавия. И хотя, под влиянием анархистов, через некоторое время рабочие Белостока выдвинули и экономические требования, анархо-коммунисты усмотрели в наступивших «днях свобод» опасное торжество буржуазной демократии. Тем более что наступавшая полоса легализма нарушила единство и в их собственных рядах.

Как уже отмечалось, на протяжении предшествующих лет внутри белостокского анархистского движения, как и вообще среди анархистов Беларуси, Польши, Литвы, Украины и т.д., формировалось крайне радикальное течение. В скором времени оно получило наименование чернознаменного, по названию вышедшего в декабре 1905 г. сборника «Черное Знамя». Главным идеологом этого направления в Белостоке был И. С. Гроссман-Рощин. К его характеристике можно добавить, что являясь человеком незаурядного темперамента, он был не чужд и философского мышления. Будущие чернознаменцы тогда фактически доминировали в Белостоке и по всей Беларуси, серьезно потеснив первопроходцев анархизма в России — ортодоксальных кропоткинцев. Однако наступившие дни политических свобод оживили и кропоткинство в виде хлебовольческого направления. После того, как на собраниях БГАК предложение хлебовольцев о легализации анархистской деятельности было отвергнуто как оппортунистическое, последние выделились в отдельную группу «Анархия».

В чем заключалась суть разногласий? Хлебовольцы видели основной центр тяжести анархистской деятельности в массовой работе, в пропаганде и организации. Не отказываясь в теории ни от террора, ни от экспроприаций, они устами своего лидера князя Петра Кропоткина призывали с осторожностью обращаться к этим крайним средствам борьбы, и в любом случае отдавали приоритет массовым формам движения — всеобщей стачке и всенародному восстанию, организованной экспроприации буржуазии и т.д. Молодым же и амбициозным лидерам анархизма в самой Российской империи эти подходы старой анархистской эмиграции уже

казались слишком умеренными, и они противопоставили умеренности пропагандистского анархизма свой крайний боевизм и антибуржуазность. Но пока Россия оставалась абсолютистской, эти разногласия не проявлялись так явно. Введение вырванных освободительным движением политических свобод обострило дискуссию и противоречия во всем революционном лагере, в т. ч. и среди анархо-коммунистов.

Осенью 1905 г. в Вильне состоялась конференция хлебовольцев т. н. «Северо-Западного края». Организатором конференции выступил Илья Гейцман (Хаим Лондонский). Рабочий-столяр из г. Двинска Витебской губернии, он два раза бежит с военной службы. После второго побега, летом 1905 г., разворачивает активную хлебовольческую работу в Вильне, Белостоке, Гродно и других белорусских городах и местечках. В Вильне Гейцманом был налажен выпуск прокламаций к различным слоям населения, а также организованы и некоторые боевые операции. Одним из видных хлебовольцев, работавших в Вильно, Минске, Двинске, был приговоренный к смертной казни еще в 1905 г., а затем оправданный, совершивший побег из Ковенской тюрьмы Х. М. Манковский (Беренштайн).

Осенью того же года свою конференцию проводят в Белостоке и чернознаменцы. Анархистское движение в Белостоке начало развиваться как хлебовольческое, но вскоре именно здесь И. С. Гроссман-Рошин формирует новое чернознаменное направление, получившее свое название от газеты «Черное знамя», изданной в декабре 1905 года в Женеве. Царская либерализация способствовала тому, что чернознаменцы вынуждены были еще более консолидировать свои взгляды. Следует отметить, что именно они выступали в этот момент в России с наиболее воинственных антибуржуазных позиций, и были почти единственными, кто провозглашал своей непосредственной целью коммунизм. При этом, в отличие от соперничающих с ними в радикальности групп безначальцев, представлявших скорее анархо-индивидуалистическое направление, чернознаменцы не отказывались от профсоюзов (нелегальных) и от массовых выступлений за улучшение экономического положения трудящихся. Но при этом они не только теоретически, но и практически боролись против любой буржуазной демократии. При этом характерно, что проповедуемые чернознаменцами такие крайние формы борьбы, как террор и экспроприации, были продиктованы, прежде всего, их антибуржуазностью и антидемократизмом. В тот период почти все социалистические партии России, в том или ином виде, признавали вооруженные формы борьбы, что было обусловлено отсутствием возможностей для мирной деятельности в условиях самодержавного государства. Но экономический террор и «эксы» чернознаменцев, как и эсеров-максималистов, своим острием были направлены, прежде всего, против буржуазии, а не за политические и прочие либеральные свободы. Жесткой критике подвергали чернознаменцы и кропоткининский хлебовольческий анархизм за скрытый в нем, по их мнению, буржуазно-демократический уклон.

Гроссман-Рошин, уже будучи анархо-большевиком, в середине 1920-х гг. писал, что «борьба с демократизмом — центральная душа чернознаменства». Кропоткинством же, по его мнению, «...наряду с бунтарством и максимализмом на деле утверждался тщательно замаскированный мелко-буржуазный федерализм и минимализм». [24; С. 173] Более того, бывший теоретик «чернознаменства» считал, что и анархисты-чернознаменцы, и большевики двигались в одном направлении, по пути «высвобождения» и борьбы с минималистским, буржуазным демократизмом, чтобы в будущем сойтись в одной точке. Тем самым Гроссман-Рошин фактически записывал чернознаменство в предтечи современного ему коммунизма большевистского толка.

Однако нам представляется, что по прошествии времени Гроссман-Рошин в некоторых вопросах все же стал несколько вольно трактовать чернознаменство. Так, его бывший идеолог отвергает обвинения в догматическом максимализме и стремлении немедленно перейти к безгосударственному коммунизму, хоть и признает наличие элементов утопизма и романтизма в чернознаменном движении. Ссылаясь на статью Леонида Виленского «Недочеты движения» в анархистском издании «Бунтарь» и на статью «Демократия и анархическая тактика» в «Черном Знамени», бывший лидер движения утверждает, что весь антидемократизм и крайняя антибуржуазность чернознаменцев были обусловлены как раз их достаточно реалистическими представлениями. Ведь чернознаменцы предполагали, что если революция и победит, то, скорее всего, в своей буржуазно-демократической форме. И экономический и антибуржуазный террор, и уже упоминавшиеся временные революционные коммуны, по его мнению, прежде всего нужны были для того, чтобы изначально оторвать рабочих от общенациональной демократии, «вырыть непроходимую глубокую пропасть между пролетариатом и буржуазией». [24; С. 174]

Скорее всего, это было не совсем так. И максимализма, и революционного нетерпения чернознаменцам хватало с избытком. По сути, изложенная впоследствии Гроссманом-Рошиным интерпретация чернознаменной теории также являлась вариантом перехода к анархическому коммунизму через некую промежуточную стадию. То есть большинством анархистов разных течений некий де-факто переходный период, в большинстве случаев по умолчанию, но все равно предполагался. У Петра Кропоткина это был демократический федерализм, в который будут вращать «вольные коммунистические» автономии. У позднего Гроссмана-Рошина это — стадия перманентного бунтарства, постоянно «подкладывающего динамит под буржуазный поезд». Однако факты и документы свидетельствуют, что в 1905 г. чернознаменцы чаще призывали рабочих к прямой и непосредственной борьбе за анархический коммунизм, чем к некой долговременной стратегии, рассчитанной на далекое будущее.

Но с объявлением царского манифеста от 17 октября 1905 г. массы, даже такие, как столь долго находившийся под влиянием анархизма белостокский пролетариат, начали вновь прислушиваться к голосу демократических партий.

Тогда чернознаменцами и было решено противопоставить этому две новые тактики — уже упоминавшихся временных революционных коммун и т.н. «безмотивного» террора. Поскольку реализовать повстанческо-коммунарский проект никак не удавалось, многими анархистами наиболее актуальной формой борьбы против буржуазной демократии были признаны индивидуальные акции. Безмотивный террор предполагал атаки на буржуазию уже без выдвижения каких-либо конкретных требований и представлял собой одну из самых крайних тактик в анархистском движении. Но что касается коммунаров, то они в этот период все еще не оставляли надежды на вооруженный захват городов и организацию в них временных коммун. «Бунтарь» писал: «...Правильность и осуществимость анархистских лозунгов должна быть доказана и подтверждена основанием временных революционных коммун; тогда широкие массы, вместо пустых слов «социальная революция», увидят дело, и внимание их будет приковано к самым основным вопросам». [25; С. 195] При этом для сторонников коммунарского анархо-повстанческого движения было характерно, в определенной мере, и критическое отношение к индивидуальному террору. Между коммунарами и безмотивниками в Белостоке происходили довольно острые споры и дискуссии. Вот что писал по этому поводу тот же «Бунтарь»: «При всем горячем сочувствии безмотивному террору, коммунары полагали, что индивидуальный террор не в состоянии разрешить стоящих перед анархистами задач, что он бесследно потонет в огромной демократической волне. Целой исторической полосе нельзя противопоставить индивидуальный протест отдельных покушений. Надо на громадном фоне демократии создать хотя бы одну враждебную всей картине точку... Такой точкой может быть только массовый анархический акт, — попытка восстания во имя безгосударственной коммуны... Была сформирована небольшая группа, добыто все необходимое для начала работы, но внезапный арест пресек ее начинания в самом зародыше». [25; С. 198]

«Пройдет революция, говорили они (коммунары — Ю. Г.), и образами героев-борцов, кровью павших жертв, крестами братских могил на многие, долгие годы освятит в глазах масс демократическое знамя. Чем-то дорогим, выстраданным станет оно для них. Враждебно и холодно встретят тогда массы всякую критику демократии. Чем-то кощунственным, святотатственным покажется она им. И надо теперь же на громадном фоне демократии создать хотя бы одну враждебную всей картине точку. Пусть это будет только точка. Пусть вспыхнет и угаснет она. Но след она оставит. Многомиллионные массы заметят и запечатлеют ее в своих умах, как нечто идущее вразрез с идеями и лозунгами демократии. Такой «точкой», утверждали «коммунары», может быть только массовый анархический акт — попытка восстания во имя безгосударственной коммуны. Они хорошо осознавали всю колоссальность и трудность такой попытки, всю слабость и несоответствие своих сил такой задаче. Но именно глубокая важность и вся неотложная необходимость в попытке восстания во имя коммуны давали им смелость, заставляла взяться за разрешение этой задачи. «Коммунары» стали усиленно готовиться к деятельности...» [14; С. 429]

Автор первого сообщения в «Бунтаре» (декабрь 1906 г.) — уже упоминавшийся «Леонид Виленский». Второй материал, опубликованный в книге «Альманах. Сборник по истории анархического движения в России» в 1909 г. и пространно цитирующий «Бунтарь», подписан «Белосточанином».

В декабре 1905 г. был выбран и город, в котором предполагалось объявить временную военно-революционную коммуну — Екатеринослав. Этот город, бурно развивающийся промышленный и торговый центр юго-восточной Украины, стал опорой для развертывания здесь массового рабочего и революционного движения. В начале прошлого века Екатеринослав, наряду с Белостоком и Одессой, стал также и одним из крупнейших центров анархизма. При этом именно белостокчанин Ф. Штейнберг (Самуил) был одним из первых проповедников анархистского учения и основателем группы анархистов-коммунистов в этом своеобразном «Чикаго» юга Российской империи. Поэтому не случайно, что именно сюда выехала группа коммунаров. Однако, очевидно, выданная провокатором, группа коммунаров уже в начале 1906 г. вся была ликвидирована полицией. Тогда уцелеть удалось лишь Владимиру Стриге. С этого момента коммунарское движение прекратило свое существование. И, по свидетельству очевидцев, о «временной коммуне» больше «...не вспоминали, мысль о ней была оставлена». Это происходило на рубеже 1905—1906 гг., когда по всей стране, включая и Беларусь, прокатилась серия массовых вооруженных восстаний, в ходе которых в некоторых городах (Москва, Екатеринослав, Гомель) контроль над улицей действительно, хоть и на короткое время, переходил в руки восставших. Однако этими выступлениями руководили, как правило, большевики либо социалисты-революционеры-максималисты. Так, помощником руководителя Боевого комитета Красной Пресни большевика З. Я. Литвина-Седого был максималист М. И. Соколов (Медведь).

Но у анархистов не хватало организационных возможностей и влияния на массы для учреждения городских коммун в ходе этих массовых выступлений. Во многом, как признавали сами участники движения, это было предопределено присущей анархизму раздробленностью и распыленностью сил.

Тогда заменой массовому движению для анархистов стали экспроприации и индивидуальные акты. 14 октября 1905 г. анархисты-коммунисты П. Б. Гершович, Ш. А. Саперштейн и др. совершили экспроприацию у фабриканта В. Агурского. Они были арестованы, 26-летний Гершович приговорен к 15 годам, а 20-летний Саперштейн — к 10 годам каторги. 22 января 1906 г. в Белостоке анархистами была произведена экспроприация у директора Рижского коммерческого банка. При этом двое анархистов были задержаны. Сионист А. М. Гольдштейн жаловался впоследствии, что объектами анархистских экспроприаторов в Белостоке становились, по его мнению, почти исключительно представители еврейского капитала — возможно, таким образом анархо-коммунисты старались не давать властям повода к разжиганию очередного межнационального конфликта?

Возможно также, что вышеупомянутые экспроприации были связаны с готовящимися в это время масштабными предприятиями коммунаров или безмотивников. В январе 1906 г. в Кишиневе состоялся съезд анархистов-безмотивников, в котором приняли участие и белостокчане В. Стрига и А. Елин (Гелинкер). Впрочем, первый акт безмотивников не был все же таковым в полном смысле этого слова... В октябре 1905 г., сразу по объявлению царского «Манифеста...», серия погромов прокатилась по всей России. Массовые убийства произошли и в ряде городов и местечек Беларуси — в Орше, Полоцке и др. В Гомеле погрома удалось избежать лишь благодаря наличию боевой дружины рабочих-железнодорожников в составе 300 человек. Не раз докатывалась погромная волна и до Белостока. В это время в Белосток приезжают видные анархисты, одесит Борис Мец и бывшая гимназистка Белла Шерешевская-Вейсбром (Шерка). Прибывшие из Варшавы анархисты сообщают о некоем банкете, который готовится в варшавском отеле «Бристоль» и воспринимается радикально настроенными боевиками как «гнусное издевательство буржуазии над побежденными рабочими». Тогда же «у анархистов-рабочих возникает план напомнить буржуазии, что праздновать победу на костях и крови замученных рабочих — рано». [25; С. 197]

В ноябре 1905 г. Борис Мец, Белла Шерешевская и Беньямин Бахрах (Нотка) выезжают в Варшаву. Здесь во время некоего празднества они бросают бомбу в ресторан отеля «Бристоль». 17 декабря в Одессе те же Константин Эрделевский (Густав), Мец, Шерешевская, Бахрах (Нотка), Елин (Гелинкер), Ольга Таратута и Осип Беленький (Брунштейн) бросают бомбы в кафе Либмана на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Акт был осуществлен по решению Одесской рабочей группы анархистов-коммунистов, созданной Эрделевским (Густавом) незадолго до этого. Выбор объекта атаки для крайне антибуржуазно настроенных безмотивников был продиктован, очевидно, тем, что кондитерская Б. Либмана, с электрическим освещением, верандой, бильярдными комнатами и механической паровой пекарней, была, наряду с кофейнями Фанкони и Робина, одним из самых роскошных заведений такого рода в Одессе. Кафе Либмана любила посещать преимущественно буржуазная публика. Четыре бомбы разорвались в кафе Либмана и рядом с ним, пятая — у магазина Дитлятковского. Еще одна, шестая бомба, была найдена на улице. Она взорвалась впоследствии в полицейском участке.

В отличие от покушений на полицейских и царских чиновников, виновных в организации жестоких расправ и репрессий, акты безмотивного террора были единодушно осуждены общественностью. У одесских рабочих подобного рода действия также поддержки не снискали.

22 декабря большинство участников покушения были арестованы. По принципиальным соображениям они отказываются не только от дачи показаний, но и от защиты на суде (ни в чем не сотрудничать с государством!) 21-летний Борис Мец, 22-летняя Белла Шерешевская и 18-летний Осип Беленький были приговорены к повешению и казнены

спустя две недели. Ольга Таратута и 21-летний Станислав Шашек были приговорены к 17 годам каторги.

Анархист Эрделевский (Густав) при аресте оказал вооруженное сопротивление. Впоследствии он симулировал сумасшествие, был помещен в психиатрическую тюремную больницу, откуда бежал за границу. В 1908 году он погибнет в перестрелке с полицией в Виннице.

Бахрах (Нотка) также был арестован по делу безмотивников. Но после взрыва подложенной анархистами в Одесское жандармское отделение бомбы сгорели многие бумаги. Благодаря этому Бахрах оказался на свободе. Характерно, что Нотка был одним из первых белостокских анархистов, вовлеченных в движение еще его пионером Борисом Брюмером.

В прошлом Бахрах активно участвовал в организации стачечного движения, занимался борьбой со штрейкбрехерами. После чего он вместе с Л. Клецкиным, М. Клецкиным и столяром-подмастерьем из местечка Деречин Слонимского уезда О.-Г. А. Гожанским, 1882 г.р., разыскивался Гродненским ГЖУ за нападение на штрейкбрехера Меира Позняка во время стачки гродненских рабочих-столяров. Вместе с подмастерьем Гожанским и другими, Бахрах скрывается от полиции. [26; Л. 1750б] Вскоре после этого он эмигрирует в Америку, но, недовольный исключительно пропагандистским характером американского анархизма, возвращается на родину. Участвует в подготовке покушения на генерал-губернатора, а затем присоединяется к безмотивникам... В июле 1906 г., получив в Вильне известие о разразившемся в Белостоке масштабном погроме, Нотка спешит туда. Он погибает по дороге в Белосток, в местечке Соколка. Окруженный со всех сторон полицией, Бахрах застрелил двоих полицейских и сам получил 15 пуль...

Еще один из видных сторонников безмотивного движения, Владимир Стрига, погибает возле Парижа, подорвавшись на собственной бомбе. По некоторым данным, Лапидус-Стрига подстерегал там, в Венсенском лесу, известного германского банкира Мендельсона, еврея по национальности, снабжавшего займами царское правительство даже и в разгар его погромной деятельности. Стрига выехал во Францию, сознательно намереваясь придать анархистскому террору интернациональный характер. По этому поводу он оставил свое предсмертное письмо. В нем указывалось, что поскольку международная буржуазия помогает российскому самодержавию, то террор должен послужить для нее предостережением. Стрига также верил, что именно русский анархизм должен разбудить революционные силы в странах Западной Европы, погрязших, по его мнению, в оппортунизме. В связи с этим можно упомянуть, что в 1907 году некоторые анархисты из Белостока приняли участие в группе «международных террористов», готовивших покушение на германского кайзера Вильгельма II.

По свидетельству самих белостокских анархистов, и движение безмотивников, и коммунары отвлекли из Белостока «громадное» количество сил и средств. Тем не менее, анархистская активность в Белостоке продолжалась. Надо отметить, что не только забастовки или вооруженные акты были в центре внимания анархо-коммунистов.

Не меньшее внимание они уделяли тогда и пропаганде, в частности, издательской деятельности. К 1906 г. Белостокской группой анархистов-коммунистов на русском языке и на идиш были изданы следующие книги и брошюры: 1) «Труп»; 2) «Симон Адлер»; 3) «Воровство. Рассказы из жизни рабочих»; 4) П. А. Кропоткин «Анархический коммунизм»; 5) И. Мост «Религиозная язва»; 6) «Студент. Мысли студента о науке и буржуазном обществе»; 7) К. Илиашвили (Г. И. Гогелия) «Анархизм и политическая борьба»; 8) В. Н. Черкезов «Раскол среди социалистов-государственников»; 9) Макс Нетглау «Взаимная ответственность и солидарность рабочих», а также большое количество прокламаций и листовок, среди которых: «Ко всем рабочим», «Ко всем солдатам» (антимилитаристский листок), «К крестьянам» и др. Первоначально случалось, что издания группы печатались явочным порядком в типографии, захваченной на время анархистами. Как уже упоминалось, у группы существовала своя нелегальная типография «Анархия». Она была организована прибывшим из-за границы интеллигентом Борисом Энгельсоном и выпускала одноименную газету «Анархия». Однако 30 июля 1905 г., как мы уже упоминали, во время белостокского погрома типография была разгромлена полицией, а редактор газеты Энгельсон арестован. После этого БГАК была экспроприирована одна частная типография, но восстановить нелегальное издание не удалось. [3; С. 61]

Осенью — зимой 1905 г. происходит формирование и развитие движения, которое действительно стало альтернативой общенационально-демократическому этапу революции — движения Советов. Анархисты Белостока приняли в нем участие, но, увлеченные крайними требованиями и соответствующими приемами борьбы, всё же недооценили эту форму самоорганизации масс. Инициатива образования Совета рабочих депутатов в Белостоке принадлежала эсерам-максималистам.

Максимализм имел немало общего с анархизмом, но и расхождения между ними были существенными. Как и анархистское движение, максималисты впервые появились непосредственно в Белостоке, среди рабочих-эсеров, где они начали действовать как рабочая оппозиция внутри ПСР («молодые эсеры»). Как и анархисты, максималисты отрицали парламентскую борьбу и буржуазное государство (но только буржуазное!) Максималисты настаивали на социализации в ходе революции не только земли (программа-минимум), но и фабрик и заводов (программа-максимум). Социализация предполагала передачу средств производства непосредственно в руки трудящихся. Именно максималисты, даже ранее, чем социал-демократы-большевики, указали на Трудовую Республику (Республику Советов) как на форму переходного этапа к социализму...

Однако, несмотря на несомненную идейную близость, отношения между максималистами и анархистами в Белостоке были не совсем простыми. «Хлеб и воля» писала по этому поводу следующее: «Скажу несколько слов о молодых эсерах. Они отрицают парламентскую борьбу, но не думайте, что навсегда. Они делают теперь эту уступку в надежде удержать массу, которая

скептически смотрит на обещанные ей парламентские блага и симпатизирует анархизму. У нас была устроена с ними дискуссия...» [27; С. 14] В ходе дискуссии «молодые эсеры» выразили сильное сомнение, можно ли обойтись вообще без революционной диктатуры. Но, по словам самих анархистов, им удалось отколоть от эсеров человек 20 «самых лучших рабочих..., русских и еврейских».

Первый в Беларуси Совет рабочих депутатов был организован в Белостоке максималистами и анархо-коммунистами 11 декабря 1905 г. Вот что писал по этому поводу белорусский историк 1920-х гг. С. Агурский: «Белоруссия... совершенно равнодушно отнеслась к лозунгу о создании Советов, брошенному в октябрьские дни 1905. Причина заключалась в том, что некоторые партии, как Бунд, ПСД бросили лозунги об организации партийных профсоюзов... Эти партии были поэтому против всех беспартийных организаций, в том числе и против Советов, которые с первого же дня своего существования начали играть самую большую роль в деле концентрации широких рабочих масс. Благодаря такой постановке вопроса во всей Беларуси был создан только один Совет — в городе Белостоке. Организаторами Белостокского Совета были молодые эсеры и анархисты». [28; С. 150]

По утверждению Агурского, политические партии «всеми средствами боролись против него (Совета — Ю. Г.), стараясь его дискредитировать». «Не только Бунд и ПСД были против Советов, но в некоторых городах Белоруссии против Советов высказывались даже большевики». [28; С. 150] В частности, критическую позицию по отношению к беспартийным рабочим Советам заняли большевики в Вильне.

Впрочем, анархо-эсеровский Белостокский Совет рабочих депутатов также не жаловал умеренных социалистов, и 12 декабря 1905 г. сорвал организуемую польскими социал-демократами политическую стачку. [29; С. 201]

Пока мы не можем точно сказать, какая именно из фракций анархо-коммунистов имела отношение к образованию этого Совета. Но учитывая, что и в тогдашних публикациях чернознаменцев, и в их последующих мемуарах (несмотря, например, на явное желание И. Гроссман-Рощина представить чернознаменство как своего рода предтечу большевизма), мало упоминаний об Белостокском Совете, то можно предположить, что идеологически к нему были ближе всё же представители хлебовольческого течения.

Большинство среди депутатов этого Совета составляли эсеры-максималисты («молодые эсеры»), теоретически и практически более подготовленные для работы в нем. Анархисты же входили в Совет всего лишь как частные лица, а не как представители своей организации. Председателем Белостокского Совета рабочих-депутатов в начале декабря 1905 г. был избран максималист Михаил Вениаминович Махлин, рабочий-печатник из Гомеля. [31; С. 341] [30; С. 200] Белостокский Совет выпустил «Манифест ко всему рабочему люду и солдатам». На какое-то время революционные рабочие, организованные вокруг своего Совета, стали вторым центром власти в городе. В этот период полиция просто не появлялась на Ханайке, Новом Свете, Аргентине, Суражской улице — в

квартирах, контролируемых рабочими дружинами Совета. Но уже в январе 1906 г. реакция переходит в наступление. Председатель Совета М. Махлин был арестован и провел в тюрьме 10 месяцев, в мае 1907 г. он был арестован вторично и сослан в Сибирь.

18 марта 1906 г. в Белостоке было брошено две бомбы в жандармскую управу. Здесь же была обнаружена еще одна бомба. 19 марта на Ясиновской улице, в мезонине дома Вилужанского, жандармами было задержано трое молодых людей, приехавших из Елисаветграда. При обыске было найдено три бомбы. Арестованные назвали себя анархистами. [3; С. 168]

Анархисты по-прежнему участвовали в стачках и других выступлениях, в организации рабочего движения. В наличии профессиональных структур можно было, при желании, увидеть и зарождение анархо-синдикалистского движения, но следует учитывать, что подобным образом, с опорой на профессионально-цеховую самоорганизацию рабочих, строились в то время структуры многих социалистических партий. Например, тот же Бунд.

В апреле 1906 г. БГАК поддержала в Белостоке стачку сапожников, при этом в магазин Клецкого, пригрозившего рабочим применением войск, была брошена бомба. Федерация также вмешалась в стачку на аппретурных фабриках, инициированную польскими народовцами. Анархисты со своими радикальными методами участвовали в стачках портных, пекарей, в забастовке на пивоваренных заводах, на паровых мельницах и др.

В мае 1906 г. в Белостоке началась забастовка 300 рабочих-нитярей. Но, перестав получать необходимый материал, вынуждены были остановиться и другие сектора ткацкого производства. В итоге в стачку было втянуто уже несколько тысяч человек, и она стала превращаться во всеобщую. Надо отметить, что в то время для вовлечения в стачку широко практиковались такие методы, как уже упоминавшееся «снятие» с работы — т.е. фактически силовое принуждение к забастовке всех работников, не желавших добровольно оставить свои рабочие места. Надо отметить, что в этом случае, как и во многих других, анархистские декларации о «свободе личности» и реальная практика рабочего движения значительно расходились. Во время такого снятия силами боевого отряда на одной из фабрик произошло ожесточенное столкновение с полицией, в ходе которого был арестован тяжело раненый анархист И. Гейликман, казненный в июне 1907 г. в Варшаве.

Однако белостокская буржуазия, до этого все чаще отступавшая под натиском стачечников, на этот раз решила не идти ни на какие уступки. Крупные предприниматели объединились в союз, принявший решение ни в коем случае не соглашаться с требованиями забастовщиков. Не имеющие работы и заработка рабочие голодали, для облегчения их положения Федерация взяла на себя руководство массовыми нападениями и экспроприациями безработными булочных и магазинов, а также сбором средств у буржуазии в пользу бастующих. Однако при том масштабе, который приняла стачка, подобные меры едва ли уже могли исправить положение. После того, как по инициативе крупных собственников Фрейндкина и Гендлера хозяева объявили рабочим локаут, анархисты прибегли к своему старому средству —

экономическому террору. Бомбы были брошены в дома Фрейндкинда, Гендлера, Рихерта и Комихау. При взрывах в домах Гендлера и Рихерта никто не пострадал, Фрейндкинд был контужен, а при покушении на Комихау ранение получил вообще непричастный к делу человек — жена фабриканта. После этой атаки многие капиталисты предпочли бежать за границу, в безопасную Германию, но не принять требования стачечников (мы уже писали о причинах, по которым в Белостоке было много представителей немецкого капитала). Участник трех из четырех этих покушений Иосиф Мыслинский был арестован и казнен в Варшаве в декабре 1906 г. Он был известен и популярен среди белорусско-польского пролетариата Белостока.

Всеобщая стачка в Белостоке в мае 1906 г. стала точкой кризиса, моментом надлома для анархистского движения в Белостоке. Руководство Федерации чувствовало это, и, видя неуступчивость «синдиката буржуазии», принялось строить самые фантастические планы дальнейшей борьбы. В частности, предлагалось начать военные действия не только против владельцев конкретных прядильных фабрик, к которым были выдвинуты требования стачечников и которые бежали за границу, но и против всей белостокской буржуазии вообще. К тому же, вполне в духе уже казенных безмотивников, чтобы «сломить хозяйский заговор», высказывались намерения взорвать на главной белостокской улице Липовой дома всех крупных буржуа. К счастью для всех, этим «планам отчаяния» не суждено было сбыться — от их реализации БГАК отговорил один из редакторов журнала «Бунтарь», случайно оказавшийся на ее собрании. [14; С. 432]

На тот момент — середина 1906 г. — многие очевидцы констатируют наметившийся в группе «надрыв». Тот же Гроссман-Рошци считает его началом всё ту же проигранную стачку. Он же утверждает, что и буржуазия, и многие революционные партии выступили тогда чуть ли не совместно против этой стачки, полагая, что в противном случае Белостоку, и не только ему, грозит «диктатура анархистов». Причиной же неудач один из лидеров движения видит еще и в том, что оно представляло собой «своеобразную смесь пролетарского реализма с утопической романтикой». [24; С. 178]

Стачка была проиграна. Рабочие стали возвращаться на работу, а хозяева — из-за границы в Белосток. По мнению самих белостокчан, «стачка потерпела поражение; вместе с ней тяжелое, если не смертельное поражение, понесла и наша группа». [14; С.432]. На самом деле, эти события продемонстрировали, что методы экономического террора неспособны обеспечить решающую победу рабочим. К тому же, для многих социалистов такие средства борьбы были неприемлемы и по этическим соображениям. Но самое главное, свою ограниченность продемонстрировали децентрализованные анархистские методы борьбы, срабатывавшие ранее в случае локальных выступлений. Однако стоило только борьбе принять более масштабный характер, а хозяевам соответственно организовать, и ее исход был предрешен не в пользу стачечников. При этом анархисты, так много говорившие о самостоятельности и самодетельности рабочих, сами давно уже ее замещали, фактически выступая в роли авангарда. Да еще такого, который не просто организует и ведет за собой

рабочих, а волей-неволей подменяет их массовые действия своими силовыми акциями. Это вынуждены были признать и сами белостокские анархисты: «Сбитые с толку всероссийской политикой и политиканством, рабочие массы Белостока далеко отошли от ими же вспоенного революционного авангарда. Вместо того, чтобы быть застрельщиком движения, этот авангард силою обстоятельств превратился в единственное действующее лицо. И только небольшая часть рабочей массы продолжала по-прежнему чутко отзываться на проявление нашей работы, продолжала следовать нашему примеру. Многие из нас в то время уже понимали, что при создавшемся положении дел очень скоро должен наступить крах». [14; С. 431]

И крах действительно наступил. Но это произошло позже. В течение же 1906 г. анархистская рабочая федерация в Белостоке самостоятельно либо наряду с другими социалистическими партиями еще участвовала в ряде локальных и всеобщих стачек — во время забастовок сапожников, портных, пекарей, применяя свои старые методы, в т.ч. и саботаж (разрушая печи во время выступления пекарей и т. д.) При участии анархистов явочным порядком был установлен восьмичасовой рабочий день на пивоваренных заводах, на паровых мельницах и т. д. Полной победой закончилась стачка слесарей, каретников и кузнецов.

Но, уже начав терять связь с массами, БГАК продолжала наращивать тактику индивидуальных покушений. В январе 1906 г. было совершено нападение на городского Манюшку, избивавшего арестованных. В марте 1906 г. А. Елин и еще один боевик покушались на пристава и его помощника, активно участвовавшего в погроме 30 июля 1905 г. Еще через несколько недель ими же была брошена бомба в жандармское отделение, ее взрывом были уничтожены почти все документы.

Однако утром 9 мая 1906 г. собравшиеся на Суражском кладбище анархисты были окружены полицией и войсками. На требование полицейского пристава сдать оружие один из самых видных белостокских боевиков Елин (единственный, у кого было с собой оружие), открыл огонь из пистолета. В ответ грянул винтовочный залп. Елин (Гелинкер) был изрешечен пулями и мучительно умирал, окруженный полицией и солдатами, в течение часа. Однако благодаря оказанному им сопротивлению большинству участвовавших в собрании товарищей удалось скрыться. За некоторое время для этого Елин обращался к Гроссману-Рошину и общему собранию группы с просьбой выделить ему, по его же собственным словам, «уставшему и измученному», средства для поездки за границу. Там он хотел восполнить то, чего был лишен на родине — поступить на учебу и получить систематическое образование. Смерти Елина анархистская пресса посвятила некролог...

Тем не менее, вооруженные выступления после этого не прекращаются и следуют одно за другим. Но с этого момента они все меньше и меньше становятся связанными с рабочим движением Белостока.

27 мая 1906 г. А. Нижборский (Антек) и Л. Чернецкий (Олик) совершают нападение на Белостокское охранное отделение, в ходе которого был убит

помощник начальника охранного отделения Шейнман. В скором времени Антек и Олик ликвидировали белостокского полицмейстера Дергачева. Тогда же, в конце мая, дружинники Федерации вместе с боевыми отрядами других социалистических партий участвуют в пресечении погрома на рыночной площади.

Однако полиция готовит новое масштабное черносотенное выступление. 1 июля 1906 г. в Белостоке, после организованной полицией провокации в отношении религиозной процессии, в городе начинается массовый погром. В ходе продолжавшихся три дня убийств, насилий и грабежей, в которых участвовала полиция, войска и толпы громил, было убито 70 человек. Однако погромщики, опасаясь пресловутых бомбистов, так и не рискнули проникнуть на Суражскую улицу и в прилегающие рабочие кварталы, занимаемые анархистским отрядом самообороны.

В этот отряд вступил в то время видный представитель преступного мира Белостока, профессиональный вор М. Шпиндлер, имевший клички Золотая Ручка и Мойше Гроднер (Мишка Гродненский). Характерно, что знаменитый впоследствии анархо-бандит Моисей Винницкий, более известный как Мишка Япончик, тоже начинал свою деятельность в Одессе с участия в организации, наполовину являвшейся отрядом самообороны, наполовину — анархистской группой «Молодая воля». Вообще люмпен-пролетариат, в т.ч. и профессиональные преступники, в тот период выступали по обе стороны баррикад, образуя люмпенский резерв как реакционных, так и ультралевых организаций. Всевозможных босяков, хулиганов, лиц без определенных занятий весьма охотно использовали против революционеров полиция. А также — русская, польская, еврейская и прочая буржуазия, причем вместе со служителями соответствующих конфессий, в т.ч. с «казенным» иудейским раввином. Но если охранители все это делали «по умолчанию», то для многих анархистских теоретиков люмпенская стихия представлялась весьма благоприятной средой для ведения там пропаганды своих взглядов. Наиболее радикально настроенные лидеры анархизма обращались к разрушительным, бунтарским наклонностям представителей социального дна. Вслед за Михаилом Бакуниным, писавшем о разбойнике как о «стихийном революционере», многие анархистские лидеры в России и Беларуси грешили идеализацией криминального сообщества. Одновременно в конце 1890-х — начале 1900-х гг. по многим городам Польши и Беларуси прокатилась волна столкновений между уголовным миром и социалистическими партиями. Сейчас трудно сказать, были ли они инспирированы полицией или возникли в силу естественных причин, но в конечном итоге победителями оказались революционные организации. Н. Гранатштейн, рабочий-социалист, затем перешедший к анархо-коммунистам, описывал ситуацию в Лодзи, когда после убийства семилетнего мальчика в 1902 г. организованные рабочие просто громили воровские притоны и не останавливались даже перед физическим уничтожением бандитов. [21; С. 56] Но это было дело рук бундовцев и польских социалистов. Совсем иной была позиция анархистов-

коммунистов, стремившихся вести работу среди уголовных и на воле, и в тюрьме — ведь в заключении вскоре оказались многие активисты движения. По некоторым данным, именно анархисты или анархистствующие стали разжигать трения между уголовными и политическими. Вот что писал по этому поводу И. Брильон, социалист-революционер, арестованный 16 августа 1905 г. за покушение на могилевского генерал-губернатора Клингенберга: «До 1905 г. уголовные относились к политическим с уважением — загадочные герои. Революционеры стали не хуже, но их было много, пала завеса таинственности. Потом пошел «случайный элемент» — серые мешчане, озлобленные на всех...

Потом в тюрьму пришли люди из Одессы и Белостока, которые называли себя анархистами, хотя ничего общего с анархизмом не имели. Эти начали восстанавливать уголовных против социалистов, т. е. политических. Они им доказывали, что в дни революции социалисты вместе с полицейскими ловили на улицах воров и убивали их. Больше всех они недолюбливали социал-демократов: те отчаянные буржуи. Эсеры были чином выше, максималисты — почти совсем молодцы, а анархисты — самые настоящие люди. Они-то в их глазах были истинными защитниками интересов уголовных. С социалистами же не следует иметь ничего общего. Их нужно даже преследовать. Они наши враги. Так проповедовали люди из Одессы и Белостока. Последние, с точки зрения уголовных, и были «настоящие политические...» [32; С.56]

Эсер Брильон оставил и такое свидетельство конфликта между политическими и анархистствующими уголовными: «Езерский, из шпаны: «Да что, братцы, мы на них, б-ей, смотрим!.. Даем им голоса!.. Они нас на воле ловят... Стреляют... вешают... вбивают в голову гвозди... А мы на них тут — смотреть!.. Давить их, б-ей, нужно!.. Помните, братцы, Варшаву и Вильно... Что они там в пятом году с нашим братом делали?.. А сюда пришли распоряжаться нами... Да не бывать этому! К-ми будем, если позволим им властвовать над нами!..

— Врешь, тварь! — закричал на него не своим голосом Варламов. — Охота слушать, что всякая шваль будет говорить... Называют себя индивидуалистами-анархистами, а на самом деле они ни то и не другое, а просто агенты сыскной полиции». [32; С. 59] Столкновение закончилось массовой дракой, в ходе которой политический Варламов получил ножевое ранение. Брильон также поясняет, что в Варшаве и Вильне убивали не «политические», а рабочие из самообороны. Это не совсем так. Мы уже приводили выше свидетельства того, что и польская ППС, и Бунд вели силовую борьбу с криминалом. С угрозами в адрес и бандитов, и своих собственных деморализованных боевиков приходилось выступать и комитетам ПСР. [33; С. 5] А армянский Дашнакцутюн вообще доходил до форменной войны с анархистами.

При обосновании частью анархистов союза с преступным миром звучит уже знакомый мотив махаевщины. Однако бывший профессиональный вор Шпиндлер (Золотая Ручка), ставший идейным анархистом, принадлежал, очевидно, к другой категории людей. Вскоре после белостокского погрома

он, вместе с И. Блехером (Городовойчиком) ликвидировал полицейского информатора Э. Нежика, активно подстрекавшего к особо жестоким убийствам. Шпиндлер расстрелял его среди бела дня у загородного театра, сняв из вагона конки. В июне 1906 г. Шпиндлер участвует в покушении на начальника охранного отделения Ходоровского. Надо полагать, что Шпиндлер (Золотая Ручка) был не единственным из тех, кто, будучи изначально поставленный тяжелейшими социальными условиями за грань закона, сознательно присоединялся к анархо-коммунистам или другим радикальным течениям.

В период революции 1905 г. в российском анархизме происходит также формирование течения, которое вообще видит в преступниках одну из главных сил в деле ниспровержения существующего порядка и едва ли не противопоставляет их пролетариату. Это — уже упоминавшиеся безначальцы. «По свидетельству же самих анархистов из «Буревестника», безначальцы « всю свою тактику строили на убеждении в чудодейственной силе террора и в участии анархистов в повседневной борьбе пролетариата видели измену принципам анархизма»... Некоторые из них пытались даже «пропагандировать грабеж, как тактику». [34; С. 62-64] Бунтарские группы безначальцев, которые представляли скорее индивидуалистически-босаяцкую интерпретацию анархизма, в последующем получили некоторое распространение и в Беларуси. В частности, группа «Безначалие» действовала в Минске. Несмотря на первоначальный преимущественно пропагандистско-интеллигентский характер групп «Безначалие», от их теоретических установок до реальной криминализации анархистского движения дорога оказалась не такой уж и длинной.

Таким образом, на протяжении 1905 — начала 1906 г. сформировались и проявили себя все основные течения тогдашнего анархизма — хлебовольцы, чернознаменцы, коммунары и безмотивники, а также безначальцы. Реакцией сторонников безвластия на буржуазный и национально-демократический характер первой российской революции, была, как правило, радикализация их собственной тактики. При этом увлечение крайними формами борьбы стало приводить, скорее, к отрицательным результатам. Сами идеологи движения были вынуждены признать, что террор вел к отрыву активистских групп от рабочих масс, к росту полицейских репрессий и провокации, к разрушению анархистских организаций.

Иную тактику, пытавшуюся сочетать легальные и нелегальные формы борьбы, приняли анархисты-хлебовольцы. Ими в период «свобод» было выпущено весьма значительное количество литературы и предпринимались попытки ведения широкой пропаганды. Но выйти на уровень массовой легальной работы, имевший место, например, в странах Западной Европы, в условиях быстро начавшейся реакции кропоткинцам не удалось. В ситуации жесткого противостояния в анархо-коммунистическом движении, как и вообще в революционном лагере, по-прежнему набирали силу крайние течения.

4. Деятельность анархистов Беларуси за пределами Белостока

Если до 1905 г. анархистское движение локализовалось, прежде всего, в районе Белостока, то с началом революции его география в Беларуси значительно расширилась. Движение стало получать широкое распространение.

Крупным центром рабочего движения, влиявшим на территорию всего т. н. «Северо-Западного края», была Вильна. Анархисты-коммунисты начали активно действовать в Вильне вскоре после «Кровавого воскресенья» 1905 г. Как уже отмечалось, в Вильне, Минске и Двинске были относительно сильные позиции хлебовольцев (И. Гейцман, Х. Манковский). В течение года движение приобрело здесь значительный размах, регулярно проводились лекции, митинги, дискуссии. 27 октября 1905 г. в 12 часов дня возле губернаторского дома анархистами была брошена бомба, убит помощник исправника из Ошмян Емельянов, ранения получили полицмейстер Климович, пристав Заферанула и двое прохожих. Один из участников покушения был задержан. [29; С. 166] Одним из организаторов этой акции был И. Гейцман (Хаим Лондонский).

1 февраля 1906 г. участник покушения на полицмейстера анархист Я. Короткин был казнен в Виленской губернской тюрьме. Виселица была заменена ему расстрелом. Арестованный по этому же делу анархист Левин бежал впоследствии из тюрьмы.

В Вильне имело место несколько случаев подрыва анархистских боевиков на собственных самодельных взрывных устройствах. В результате одного из них, при попытке бросить его в полицейское управление, погибло трое анархистов.

В декабре 1905 г. Виленская группа анархистов-коммунистов (ВГАК) захватила типографию и отпечатала там прокламацию «Ко всем рабочим». Тогда же было совершено несколько экспроприаций, во время одной из них все ее участники были арестованы полицией.

К ВГАК принадлежала учительница Э. П. Пупко-Хигрина. Она родилась в 1881 г. в Орше в купеческой семье. В Вильне Пупко-Хигрина хранила у себя дома оружие и литературу, при аресте полицией оказала вооруженное сопротивление. Была приговорена к четырём годам каторги. [30; С. 453] В Виленской и Белостокской группах анархистов-коммунистов участвовал И. М. Соловьев. За участие в подготовке покушения на варшавского генерал-губернатора Скалона (по приказу последнего без суда и следствия были убиты 16 анархистов, в т. ч. и несовершеннолетние подростки), Иван Соловьев был арестован. При аресте оказал вооруженное сопротивление. Был приговорен к смерти, замененной 10 годами каторги. Участвовал в бунте в Тобольской каторжной тюрьме, бежал с каторги. [30; С. 526]

В Вильне в анархистском движении участвовал Д. Ш. Шлаен, рабочий, родился в 1888 г. в семье портного. С 14 лет работал в столярной мастерской. К революционному движению присоединился в 17 лет. С 1905 г. — анархист.

Он принимал участие в экспроприациях и освобождении арестованных политзаключенных из тюрьмы. Даниил Шлаен был арестован в Вильно в январе 1906 г. 25 февраля того же года приговорен за разбойные нападения и стрельбу в городского к смертной казни. По ходатайству родственников, смерть была заменена ему 20 годами каторги. Наказание отбывал в Тобольской каторжной тюрьме, где также принял участие в бунте заключенных. [30, С. 246; 35, С. 221]

По данным Особого Отдела Департамента полиции от 26 января 1906 г., в ВГАК состояли: 20-летний Р. Бройдо, 23-летний Х. Г. М. Андрон, 19-летний Ф. М. Берман, ученик Первой Виленской гимназии, 17-летний Л. Х. Кроник, бывший ученик Первой Виленской гимназии, 18-летний С. Н. Магидей. [36; Л. 15] В Вильне, а также в Гродно, Минске и Ковно активно вел работу известный анархист И. Г. Гуревич (Знак), уроженец местечка Лепель Витебской губернии. Он был арестован в начале января 1907 г. в Вильно и приговорен к смертной казни, замененной 10 годами каторги.

В обиход все чаще входило требование денег от представителей буржуазии через посылку так называемого «мандата» — угрожающего письма от имени «группы». В 1906 г. в Вильне группа «мандатчиков» явилась к владельцу булочной Левину. Туда же прибыл отряд полиции, но стоявший в прикрытии анархист-коммунист И. Майзель встретил его огнем из пистолета. При этом один городской был убит, двое — ранено. Майзель скрылся, но был выдан сыном хозяина булочной и предстал перед судом. И. Майзель был расстрелян в Виленской губернской тюрьме 22 января 1906 г. В 5 часов утра его привязали к фонарному столбу и дали залп из 15 винтовок. Однако сын булочника Левина был убит оставшимися на свободе анархистами. [10; С. 645]

28 января в Вильне за экспроприацию от имени группы анархистов-коммунистов был арестован Борис Бирбраер, 1887 г.р. С 15 лет — типографский рабочий. Бывший бундовец, он присоединился к анархистскому движению в 1905 г. После ареста был приговорен Военно-Окружным судом к смерти, замененной 10 годам каторги. Наказание Б. Бирбраер отбывал в Тобольске, где принял участие в бунте заключенных. [35; С. 221]

В августе 1907 г. в Вильне к Союзу анархо-коммунистов присоединился Б. А. Шимонович (Симонович), до этого участвовавший в Гродненской губернии в организациях Бунда и в Ковенской губернии — в группах анархистов под кличкой Социализм. Арестованный, он был отправлен из тюрьмы на военную службу, но бежал с нее. В Вильне Шимонович работал как боевик под кличкой Немка, был арестован и 22 января 1910 г. приговорен к восьми годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. [30; С. 509]

В июне 1907 г. в Вильне анархисты Малов и Тессен оказали вооруженное сопротивление полиции и ранили нескольких полицейских, были арестованы и преданы военно-окружному суду.

Анархистская деятельность велась также в Витебске и Полоцке, Двинске и Режице Витебской губернии. В Витебске с 1906 г. соответствующую работу проводил рабочий И. М. Усвят (Литвак), арестовывавшийся в Одессе во время

восстания на броненосце «Потемкин». По данным Витебского губернского жандармского управления (ГЖУ) на 28 января 1906 г., в конце ноября—декабре 1905 г. 18-летний С. М. Брук вел агитацию среди военнослужащих Двинского гарнизона, одновременно начал организовывать группу анархистов. После введения в Двинске военного положения Брук скрылся из города. [36; Л. 112 об] О наличии в Двинске уже в конце 1905 г. анархистов пишет в своих воспоминаниях и большевик И. Юренев. Правда, отмечая, что эсеры и анархисты «...были значительно слабее нас» — социал-демократы, по его словам, имели боевую рабочую дружину в 200 человек. [37; С. 22]

В 1905 г. к Двинской группе анархистов-коммунистов присоединился бывший бундовец А. Б. Цырин. За хранение взрывчатых веществ и распространение литературы он был арестован полицией и 13 октября 1909 г. приговорен Виленским военно-окружным судом к 6 годам и 8 месяцам каторги, которую отбывал в Псковской каторжной тюрьме. [30; С. 613]

В 1906 г. анархистами было совершено нападение на Полоцкое казначейство.

В период первой революции анархистская активность имела место и в Орше. Там вел пропаганду Д. М. Друкин, рабочий-слесарь, родившийся в Могилеве в 1882 г. К анархистам он присоединился в Екатеринославе в 1903 г. Четыре раза Друкин подвергался арестам, был приговорен к 10 годам каторги.

В 1906 г. в Минске анархистская пропаганда среди рабочих и солдат велась двумя анархистскими организациями — чернознаменной Минской группой анархистов-коммунистов (МГАК) (группа «Безвластие») и уже упоминавшейся группой «Безначалие». Обе группы действовали в тесной координации. Как мы уже отмечали, хотя многие исследователи относят безначальцев к анархо-коммунистическому направлению, есть больше оснований полагать их стоящими ближе к анархо-индивидуализму. Безначальцы ориентировались на отдельных интеллигентов и люмпен-пролетариат, поэтому в рабочем движении Беларуси особой популярности не снискали. Некоторые источники называют в Минске анархистскую группу «Земля и воля». В типографии «Безвластие» были выпущены прокламации «Выборная кампания и революция», «Чего хотят анархисты», «Как отвечать на локауты». В группе «Земля и воля» организатором и работником типографии работал Я. Б. Соломонов. Он родился в Минске в семье столяра, окончил пять классов Минской гимназии. Первоначально, как и многие другие анархисты, принадлежал к партии эсеров. 7 ноября 1906 г. Соломонов был арестован в Минске и приговорен ссылке. В мае 1912 г. Яков Соломонов бежал в Минск, а затем — во Францию. [30; С. 527] В 1906—1907 гг. в минской группе вел работу А. М. Шавельзон (Павлуша, Берлинер). Родился в 1881 г. в Минске. В прошлом он являлся членом Бунда. В 1907 г. Шавельзон был осужден на шесть лет каторги. [30; С. 631]

Минскими анархистами был произведено покушение на полковника Беловенцева.

Деятельное участие в работе МГАК принимал и упоминавшийся уже Макс Шпиндлер (Золотая ручка, Мовша Гроднер). Он прибыл в Минск из Белостока, когда по конспиративным соображениям оставаться там стало невозможно.

Минской группой с участием Шпиндлера была проведена экспроприация в банкирской конторе М. Г. Раппопорта. В январе 1907 г. Шпиндлер вместе с Б. Фридманом и Г. Зильбером выезжали из Минска в Гродно для участия в покушении на начальника гродненской тюрьмы, о чем будет сообщено далее.

Летом 1906 г. в Гродно анархо-максималистскими боевиками было осуществлено покушение на жандармского подполковника Грибоедова. Подполковник Грибоедов активно участвовал в организации белостокского погрома, в ходе которого были совершены жестокие преступления. Так, семеро рабочих были прибиты гвоздями к своим станкам. Грибоедов был переведен в Гродно, а в июле 1906 г. распространился слух, что бывший гродненский губернатор П. А. Стольпин переводит Грибоедова в Саратов. Гродненское подполье приняло решение не выпускать жандармского подполковника из города. По свидетельству участника рабочего движения в Гродно А. Льва, «революционная группа» в составе Б. Фридмана (Немка), И. Рабиновича и И. Голубя выследила и расстреляла Грибоедова на одной из центральных улиц города. В покушении должен был принять участие М. Шпиндлер, но в этот раз он не смог приехать в Гродно. [38; Л. 40] По агентурным же данным, переданным 13 мая 1908 г. в Особый Отдел Департамента полиции (ДП), в Грибоедова якобы стрелял максималист М. Длугач. Он был связан с прибывшими в Гродно из Петербурга анархистками сестрами Гельберг. Длугач работал затем в Петербурге на фабрике зонтиков, а в октябре 1907 г. выехал в Париж. Его брат, Иеремия Длугач, по сведениям полиции, принадлежал к анархистам. [39; Л. 218] По еще одной версии, приговор Грибоедову привел в исполнение известный максималист Иосиф Волах.

В 1906 г. разыскивался полицией, как скрывающийся от призыва, анархист из Гродно Бенеамин Шимонович (Симонович). Впоследствии Б. Шимонович привлекался к дознанию по делу о нападении на помещика Янишевского в начале 1907 г. Его брат, Л. А. Шиманович (Немка Социализм), был известным анархистским боевиком. Впоследствии Б. Шиманович привлекался к дознанию по делу о нападении на помещика Янишевского в начале 1907 г. В Гродно под наблюдением полиции находились также анархисты Ш. Шайковская, В. Шеватович (Башка, Бакунин), в местечке Заблудове Гродненской губернии — анархистка Кругляк, Садовник, Я.-М. З. Крепляк и другие. [40; Лл. 897, 1232] 10 мая 1906 г. в Гродно, в качестве возмездия за локаут, анархистами была брошена бомба в фабриканта Харина.

29 мая из гродненской тюрьмы бежала уже упоминавшаяся анархистка Ева Майзель, арестованная в 1905 году в подпольной типографии в Белостоке. Арестованная там же Ф. С. Новик (родилась в 1886 г. в местечке Лядки Гродненской губернии, после замужества — Новик-Шептун), была приговорена Виленской судебной палатой к двум годам каторги. В 1909 году Фрида Новик бежала с поселения за границу. [30; С.390]

Надо отметить, что для ареста и ссылки в дореволюционной России было достаточно хранения хотя бы одного номера нелегального издания. Так, 26 декабря в Белостоке, в пивной лавке Кляткевича были арестованы Чернышев и Васильев, задержанные с безвластным изданием «Черное знамя».

В Гродно в это время отбывал 20-летнее заключение анархист из Белостока Д. А. Беккер, в 1907 г. переведенный в Александровский централ. В 1906 г. в гродненской тюрьме сидел Г. М. Крючков (Коля Екатеринославский), участник нескольких боевых выступлений и «эксков» в Минске и Белостоке. В июле 1907 г. он был осужден за покушение на ограбление Таурогенской почтовой конторы к 10 годам каторги. После нескольких попыток побега Григорий Крючков был переведен в печально знаменитый Орловский централ. [30; С. 282]

Анархистская работа в Слониме с 1905 г. проводилась И. А. Савицким (Петька), рабочим-переплетчиком. Он был арестован полицией 1 апреля 1907 г. в нелегальной типографии в Минске и осужден на четыре года каторги, которую отбывал в Минской тюрьме и Бутырках. В августе 1913 г. Савицкий вышел на поселение, с которого бежал. Однако, заблудившись в тайге, он отморозил пальцы рук и ног, был задержан и пробыл в ссылке до 1917 г. [30; С. 488]

В местечке Семятичи продолжала действовать анархистская группа во главе с Симхой. В группу входили Ш.-С. Седельник, М. В. Черняк, И.-С. Скура, Х.-Г. Жолтак. Собрания проходили в школе на улице Веселой. Группа имела оружие, но открыто себя не проявляла. В разных местечках Беларуси вел анархистскую пропаганду Николай Шуев (Женька, Я. К. Бердо).

Анархистская деятельность в тот период была отмечена и в Брест-Литовске, Кобрине и Пружанах Гродненской губернии, где имели место забастовки и экспроприации. В них принимал активное участие анархо-коммунист Л. В. Лев (Лева), рабочий-слесарь. В 1910 г. за организацию побега политическим заключенным из Пружанской тюрьмы он был арестован и осужден к каторжным работам. В Пружанах и Кобрине вела работу Ф. Е. Ставская, родившаяся в 1890 г. в местечке Антоколь Гродненской губернии, она подвергалась несколько раз краткосрочным арестам. В начале 1907 г. Ставская перешла на нелегальное положение, участвовала в покушении на екатеринославского губернатора и других акциях. 24 сентября 1911 г. Ф. Ставская была приговорена в Екатеринославе к 20 годам каторги. [30; С. 532]

В 1905 г. анархисты появляются в Бобруйске Могилевской губернии. Среди них — С. Шапиро, И. Вайнер, Н. Тэпер. С одной стороны, анархисты выступали на рабочих собраниях и чтениях рефератов, как оппоненты социал-демократов и т. д. С другой стороны, анархистские настроения нашли благоприятную почву среди боевиков рабочих дружин других социалистических партий. Так, в 1906 г. бобруйские бундовцы произвели экспроприации в винной лавке и почтово-телеграфной конторе местечка Щедрин, захватив 3 600 руб., 360 марок, три нагана и одну шашку. Однако виленский ЦК Бунда не захотел признать самовольные экспроприации и грозил роспуском Бобруйской организации. При попытке произвести экспроприацию на махорочной фабрике Сатисона был убит ее владелец. Участники нападения были арестованы, часть из них — повешена. Среди казненных был и анархист Самуил Шапиро. [41; С. 65]

В 1906 г. в дисциплинарном батальоне, находившемся в Бобруйской крепости, произошло вооруженное восстание. Среди направленных в батальон солдат было немало членов военных организаций революционных партий, в частности, участники эсеровской «военки» и др. Участник восстания рядовой Белоусов был приговорен к смертной казни, однако сумел скрыться за границу. Однако через некоторое время он вновь вернулся на родину для ведения революционной работы, присоединился к анархистскому подполью, был арестован и вновь осужден к смертной казни. Находясь в Минской тюрьме, весной 1907 г. Белоусов принял участие в трагедии, разыгравшейся вокруг дела необоснованно обвиненного в провокации М. Кугель-Кавецкого (Ф. Беньковского), о чем речь пойдет ниже, и был казнен. [41, С. 63; 42, Л. 18]

Анархистская активность отмечалась в Бобруйске на протяжении довольно длительного времени. Взымание денег с буржуазии в пользу «анархистов-коммунистов» осуществлялись в Бобруйске еще и летом 1908 г. В частности, за это Виленской судебной палатой 3 октября 1909 г. бобруйчанин Ваншинский был приговорен к четырем годам каторги, Никитин, Бирулин и Ватчер — к поселению. Горелик, очевидно, автор цитируемых выше воспоминаний, как малолетний — к отдаче в воспитательно-исправительное заведение. [43, Л.л. 149, 1490б]

Своеобразной революционной «Меккой», где бывали революционеры из разных уголков Беларуси и России, было имение А. О. Бонч-Осмоловского Блонь в Игуменском уезде Минской губернии. Анатолий Осипович Бонч-Осмоловский родился 10 июля 1857 г. в Витебске в дворянской семье. К революционному движению Анатолий Бонч-Осмоловский присоединился в Петербургском университете, где учился с 1876 года. В 1879 году был арестован полицией и сослан в имение Блонь. Ветеран народнического движения, в прошлом сторонник бакунистских «Земли и воли» и «Черного передела», Анатолий Бонч-Осмоловский накануне первой русской революции придерживался уже проэсеровской ориентации. Он стоял у истоков создания Рабочей партии политического освобождения России, в 1905 г. вошел в состав ЦК ПСР. В декабре 1905 г. Анатолий Осипович с оружием в руках находился на баррикадах Красной Пресни в Москве вместе с дочерью Ириной. Как пишет Бонч-Осмоловский в своих воспоминаниях, эсеры и социал-демократы смогли удачно покинуть баррикады, но «некоторые группы анархистов оставались до конца и сложили свои головы». [44; С. 116] Тем не менее, Анатолий Бонч-Осмоловский, в будущем — один из видных деятелей белорусского национально-освободительного движения, так характеризовал свои идейные искания в этот период жизни: «Еще ранее, до 1905 г., у меня были значительные кооперативные и синдикалистские настроения, а после декабря, благодаря тому, что я утратил веру в способность политических партий руководить революционной борьбой народа, этот уклон в сторону синдикализма увеличился», «Я много ближе...был к анархизму и решительно-революционной тактике...» [44; С. 119; 45; С. 192]

Сын Анатолия Осиповича, Родион Бонч-Осмоловский, был одним из первых, кто сформулировал требование социализации не только земли, но и

фабрик и заводов, принятое в скором времени, в качестве основного, эсерами-максималистами. Бонч-Осмоловский приводит также любопытное, хоть и не совсем увязывающееся с современной политкорректностью свидетельство своего знакомого, присяжного поверенного Зарудного: «Самые красивые женщины — среди анархисток, потом — эсерки, меньше всего — среди социал-демократок». [45; С.183]

Имение Блонь часто посещали многие выдающиеся деятели общероссийского революционного движения, лидеры партии социалистов-революционеров — уроженка Невельского уезда Витебской губернии, «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, М. А. Спиридонова, Г. А. Гершуни, такой деятель искусства, как режиссер Московского Художественного театра Л. А. Суляержицкий, исповедовавший тогда разновидность «христианского анархизма» в виде толстовства. Частым гостем и другом Бонч-Осмоловских был крестьянин Кастусь Базальчук (Базыльчук) из деревни Дайнова, что в 6 км от Блони: «Яркая индивидуальность, способный, энергичный и отважный». В скором времени Базальчук присоединился к анархистам, и после участия в нескольких экспроприациях был отправлен на каторгу. Не смирившись с тюремным режимом, в Бутырской тюрьме он решил «оборвать жизнь в бою». На тюремной поверке он сообщил о намерении сделать заявление. Отличавшийся жестоким обращением тюремный служащий Сердюк грубо прервал его, и Базальчук нанес охраннику удар ножом, но только разрезал рукав. Надзиратели выскочили из камеры, и через окошко принялись расстреливать заключенного. Базальчук не прятался и был тяжело ранен, уголовный Осадчук — убит. Тяжело раненого Кастуся Базальчука занесли в карцер, где он, по одним данным, принял яд, по другим — был добит тюремщиками. [32, С. 94; 42, С. 19; 46, С. 166] Его младший брат Иван впоследствии достиг значительных постов на юге Советского Союза, хотя вслед за Кастусем долго называл себя анархистом.

Около этого времени Блонь часто посещал и жил здесь уже упоминавшийся нами Сергей Ковалик, которого по праву можно назвать первым белорусским анархистом, да и одним из первых анархистов в России. Родившись Бонч-Осмоловский был женат на дочери Ковалика, Марии Сергеевне. С. Ф. Ковалик родился 13 октября 1846 г. в имении Сватковичи Чериковского уезда Могилевской губернии в семье полковника. Был юнкером в Павловском военном училище, оставил его, поступил в Киевский университет. В 1869 году закончил университет со званием кандидата математических наук. Сергей Ковалик в Мглине Черниговской губернии был избран мировым судьей. За то, что судебные дела под его председательством завершались в пользу крестьян, местные помещики через несколько месяцев добились отказа правительственного Сената в утверждении Ковалика в этой должности. Уже в начале 1870-х гг. Ковалик самостоятельно пришел к мысли о необходимости анархического устройства общества, освобождения его от всякой власти. В 1873 г. Сергей Ковалик отправился к Михаилу Бакунину, находившемуся в то время в Швейцарии. В последующем он принял участие в «хождении в народ», был арестован и по знаменитому процессу 193-ех был одним из

главных обвиняемых. По этому же процессу проходила и жена Анатолия Бонч-Осмоловского, Варвара Ивановна Ваховская. Ковалик содействовал побегу товарища с каторги, причем необычным способом — обладая большой физической силой, Сергей Ковалик просто вынес его... под мышкой в своей постели. После этого на каторге был установлен жесткий режим, но после 13-дневной голодовки политический тюремная администрация вынуждена была пойти на его смягчение. Ковалик, отбывая 25-летнюю каторгу в Верхоянске, в течении 10 лет не держал в руках книг по математике, но смог дать в тюрьме блестящую лекцию по этой дисциплине. В 1898 г. Сергей Ковалик вернулся на родину, жил в Блони у Бонч-Осмоловских, потом на хуторе Михалово в Сенненском уезде Минской губернии.

5. Начало анархистского движения в Гомеле

Одним из крупных центров революционного движения того времени являлся Гомель. Будучи уездным центром Могилевской губернии, Гомель с прокладкой там Либаво-Роменской и Полесской железных дорог вступил в фазу быстрого развития торговли и промышленности. В городе появилось достаточно значительное количество рабочих, в начале XX века большинство из которых уже было организовано вокруг тех или иных социалистических партий, прежде всего — РСДРП, Бунда, партии эсеров. Впрочем, газета «Искра», рассказывая о раннем этапе гомельского рабочего движения, сообщала: «Здесь бывали, например, такие курьезы, что в социал-демократических комитетах участвовали анархисты». [47; С.4]

Около 1894 г. в Гомель был выслан по этапу из Полтавы Б. Столпнер. В Полтаве он был связан с группой толстовцев, и через него в Гомеле начали распространяться произведения Л. Н. Толстого «Николай Палкин», «Письмо к царю» и др. Столпнер также организовал собрание членов уже действующих в то время в городе рабочих кружков и радикальной интеллигенции, на котором предложил создать в Гомеле Общество защиты прав человека. [48; С. 18] Говоря о толстовстве, мы присоединяемся к тем исследователям, которые относят толстовство к разновидности мирного, отрицавшего любое насилие анархизма.

В начале 1900-х гг. во Францию эмигрировал один из создателей гомельского профсоюза щетинщиков Э. Забельшанский (Француз). В эмиграции он становится приверженцем анархистских идей, по возвращении на родину ведет среди гомельских рабочих пропаганду социализации не только земли, но и фабрик и заводов. Один из лидеров Союза социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ) Григорий Нестроев (Цыпин), находившийся тогда в Гомеле, так описывает, очевидно, его выступление на одном из эсеровских собраний: «Он говорил отрывисто, нескладно, но в каждом слове чувствовалась глубокая вера в возможность и близость социальной революции». [49; С. 48] В последующем Забельшанский погиб

в числе трех участников покушения на П. А. Столыпина, организованного максималистами 12 августа 1906 г. на Аптекарьском острове. По некоторым данным, последним, что прокричали боевики перед тем, как взорвать приемную премьер-министра вместе с собой, было: «Да здравствует анархия!» Вместе с Забельшанским погиб и другой участник революционного движения в Гомеле И. Г. Типунков (Иван Мишин, Ваня Брянский, Ваня Маленький).

От Гомельской группы ПСР откололись т. н. «независимые социалисты-революционеры» (Боевая рабочая дружина, Террористически-экспроприаторская дружина), действовавшая в Гомеле, Ветке, Минске и имевшая тесные связи с Екатеринославом и другими южными городами. По многим вопросам независимые социалисты-революционеры были близки к максимализму. Определенное распространение получили в этой организации и анархистские настроения. Вот как много лет спустя участник тех событий И. Г. Малеев описывает дискуссию, состоявшуюся среди дружинников на конспиративной квартире в рабочем предместье Гомеля Кагальный Ров: «Сергей» (Сергей Бочарников — Ю. Г.): «Боюсь я партийных грамотеев, опасный народ!» «Михаил» (Иван Малеев — Ю. Г.): «Ничего не поделаешь: или довольство для всех упразднит власть человека над человеком, или всякая власть своим существом будет поддерживать политическое и социальное неравенство людей». «Дядя Ваня»: «Анархический мотивчик, но продолжай...» [50; С. 112]

В 1906 г. по конспиративным соображениям большинством членов Боевой рабочей дружины, оставшихся на свободе, выехали из Гомеля в Екатеринослав, где присоединились к Украинскому боевому летучему отряду ПСР, и в Петербург — в Боевую организацию ССРМ, где участвовали в уже упоминавшемся покушении на Столыпина, в экспроприации в Фонарном переулке и т. д. Дружинники М. Майзлин и А. Куракин отправились на Кавказ, где в Баку и Тифлисе действовали в составе анархической организации «Красная Гвардия». [33; С. 5]

Наряду с этим, в Гомеле в период первой революции действовали собственно анархистские кружки, первоначально пропагандистского характера, впоследствии быстро перешедшие к радикальным действиям. Нарастание подобных крайних тенденций было связано с усилением контрреволюции. «Под влиянием реакции более пылкие и менее выдержанные молодые товарищи... пошли к анархистам и максималистам», — так описывал процесс усиления ультралевых тенденций участник гомельского рабочего движения того времени. [51; С. 85]

Большевик из местечка Добруша Гомельского уезда М. Прокопцов вспоминал следующее: «...В Переросте, Кормянской волости, и соседней с ним Васильевке также были сильные группы эсеров и анархистов, которые имели на своей стороне все население этих двух больших сел, насчитывающих не менее десяти тысяч душ, и пользовались громадной популярностью во всей округе. Все мужское население той местности уходило на юг в кирпичные и сахарные заводы, работала в шахтах и металлургических заводах Херсона, Николаева, Екатеринослава, и идея рабочего движения им не была чужда...» [52; С. 9]

Любопытно свидетельство участника тех событий в Гомеле А. Черманца: «Стали они знакомиться в тюрьме и помогать друг другу... Из некоторых

товарищей, более рискованных, стали организовываться партии человек по пять или по 10, их называли анархистами, [они] делали «руки вверх» у буржуев, и помогали товарищам, и некоторым давали деньги на дорогу на проезд в Америку..., а некоторые делают сбор у буржуев и передают... в тюрьму продукты, газеты, имея с тюрьмой переписку нелегальную». [53; Л. 13]

В 1906 г. в Гомеле, Клинцах, Новозыбкове, Почепе разворачивает свою деятельность организация «лесных братьев» во главе с А. И. Савицким, носившая анархо-максималистский характер. О ее истории будет рассказано ниже.

В конце 1906 г. полиции удалось нанести удар по Гомельской группе анархистов-коммунистов и произвести аресты. Были арестованы С. М. Бунин, Е. С. Майзлин, Новиков, Черток и др.

Самуил Бунин родился в Гомеле в 1889 г. в семье булочников, примыкавших к Бунду. Уже в детстве вступил в «Малый Бунд». Учился экстерном. Окончил Виленский учительский институт. Был членом Виленской и Гомельской организаций Бунда. Вел первоначально культурно-пропагандистскую работу. Но, по собственному признанию Бунина, «пропаганда казалась мелкой, весь целиком отдался боевой работе...» Вступил в боевую дружину Бунда. «...Моей пылкой, боевым образом настроенной натуре казалось, что Бунд и прочие социалистические партии ликвидаторского и с.р. толка отходят от революции... Познакомился с анархистами-коммунистами, учение которых пришлось мне по духу...» [54; Л. 1] Бунин принимал участие в боевых акциях, хранил взрывчатые вещества. Был арестован в конце 1906 г. (первый раз арестовывался в 15 лет, второй — в 17). В 1907 г. в Могилеве был осужден Киевской Судебной палатой к 10 годам каторги. Приговор отбывал в Пскове и во Владимирском центральном. С тюремным режимом не примирился, за что на два с половиной года был закован в ножные кандалы, 10—12 месяцев провел в одиночке и карцере, четыре раза участвовал в протестах. В 1916 г. был тяжело ранен шашкой в голову, перенес трепанацию черепа. В 1920 г. при аресте белояпонцами получил удар рукоятью револьвера по месту старого ранения, перенес вторую трепанацию. [30, С. 71]

Е. С. Майзлин (Тарантул), рабочий-столяр, родился в Гомеле в 1887 г. С 1903 г. был социал-демократом, выполнял техническую работу в Гомеле, Киеве, Екатеринославе. В 1906 г. в Екатеринославе присоединился к анархистам. В том же году он возвращается в Гомель и действует здесь уже как анархо-коммунист. В конце 1906 г. Майзлин был арестован в Гомеле и в 1907 г. в Могилеве Киевской судебной палатой приговорен к 10 годам каторги за принадлежность к группе анархистов-коммунистов и хранение взрывчатых веществ. Каторжный срок отбывал в Могилеве, Пскове и Владимирском центральном. [30; С. 328] Оставил тюремные зарисовки. После Февральской революции 1917 года и освобождения из заключения стал одним из лидеров анархистского движения на Гомельщине.

В 1907—1911 гг. в анархистских экспроприациях в Гомеле, Новозыбкове, Клинцах участвовал А. П. Шапиро, рабочий-слесарь, бывший социал-демократ. Он был приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал в Ярославской тюрьме и в отличавшемся крайне бесчеловечным обращением с политзаключенными Орловском центральном.

В 1907 г. в Гомеле во время выборов в III Государственную Думу был взорван один из избирательных участков.

В Екатеринославе в движение анархо-коммунистов пришла В. С. Казимировская-Каневская (Вера, Маруся). Она родилась в 1890 г. в местечке Брагин Минской губернии (ныне — райцентр Гомельской области). Начала работать швеей с 14 лет в Брагине, потом в Киеве, где вступила в подпольный кружок РСДРП. После переезда в Екатеринослав также работала швеей, организовала забастовку в мастерской Темкина, грубо оскорблявшего женщин-работниц. В 1907 г. вступила в Екатеринославскую группу анархистов-коммунистов. Была хозяйкой конспиративной квартиры с типографией на Успенской улице в Екатеринославе. После провала типографии скрылась от полиции в Харьков. Работала вместе с известными анархистами О. И. Таратутой, А. С. Гроссманом, а также с анархистами из Беларуси Ф. Е. Ставской и А. П. Галковским, уроженцем деревни Галковичи Могилевской губернии. Галковский оказался впоследствии скомпрометированным сотрудничеством с полицией. После провала в Харькове Боевой интернациональной группы анархистов-коммунистов выехала в Брагин с партией литературы. «В нашем уезде (Речицкий уезд Минской губернии — Ю. Г.) я организовала несколько групп. Работа была живая и интересная. Приставу нашей местности Красовскому показалось, что я взбунтовала весь уезд, и [он] всячески преследовал меня. Я все-таки действовала чрезвычайно осторожно, и это очень злило пристава, который славился своим умением вытравливать крамольников и был на самом лучшем счету у начальства». [55; Л. 8]

Однако 13 июля 1908 г. Вера Каневская все же была арестована в Брагине приставом Красовским на основании материалов, поступивших на нее из Екатеринославского ГЖУ. Один год «Вера» провела в Речицкой тюрьме, два года — в Екатеринославской. По громкому процессу «ста двух» была осуждена к шести годам каторги. Приговор отбывала в Рижской каторжной тюрьме и других местах заключения. Участвовала в протестах в Екатеринославской тюрьме, в Рижской каторжной тюрьме фактически отказывалась от принудительной работы. Семь — восемь месяцев провела в одиночке, неоднократно подвергалась заключению в карцер либо переводу на карцерное положение.

6. Анархисты — уроженцы Беларуси в революцию 1905 — 1907 гг.: от Сибири до Алжира

Многие уроженцы Беларуси в период революции 1905—1907 гг. принимали активное участие в анархистском движении в других регионах Российской империи. Так, П. А. Диваков, родившийся в 1883 г. в Горках Могилевской губернии, участвовал сначала в деятельности группы РСДРП в Горках, где учился в с/х училище, а в 1906 г. примкнул в Одессе к анархо-коммунистам. Под кличкой Макаров он работал в подпольной лаборатории

по изготовлению взрывчатых веществ, участвовал в подготовке покушения на одесского губернатора и в экспроприации на пароходе. Был арестован в Одессе в 1907 г. и приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. [30; С. 159]

В 1907 г. в Одессе в анархо-коммунистической группе В. Козловского участвовали А. Друх из Новогрудка, А. Ясеновский из Белостока, В. Дашкевич из Витебска. [16; С. 139]

Б. И. Вербловский родился в Гомеле в 1886 г., рабочий-печатник. В 1905 г. присоединился к анархистам-коммунистам. Вел работу в Полтаве. В 1907 г. был арестован и приговорен Киевским военно-окружным судом к смертной казни за нападение на фабрику Кошелева и убийство сыщика, приговор заменён на 15 лет каторги. Каторгу отбывал в Бутырьках и Владимирском центре. [30; С. 85]

Анархисты, оказавшиеся на каторге, и там были склонны к неприятию, «отрицанию» тюремных порядков. Так, в 1906 г. оказался в ссылке в Туруханском крае член Белостокской группы анархистов-коммунистов Д. И. Ермаковский. В 1906 г. Дмитрий Ермаковский принял участие в вооруженном бунте и убийстве стражника при освобождении заключенных и приговорен к бессрочной каторге. Не ужился Дмитрий Иванович и с Советской властью и был исключен из Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «как чуждый элемент». [30; С. 179]

В Белостоке, Киеве, Нежине участвовал в группах анархо-коммунистов уроженец Белостока И. Л. Кнышинский, занимался организационной и типографской работой. Был арестован в 1905 г. в Нежине, при этом оказал вооруженное сопротивление. Был осужден на 6 лет и 8 месяцев каторги. Бежал с поселения в Бельгию. В 1914—1916 гг. был интернирован в лагерь для военнопленных в Льеже. В 1916 г. Кнышинский был освобожден из лагеря и вернулся в Белосток. [30; С. 243]

Видную роль в общероссийском революционном движении играл Иосиф Иванович Жуковский-Жук, родившийся в 1889 г. в местечке Коссово Гродненской губернии. В 1905 г. он действовал в Коссово и Слониме как эсер-максималист (Саша Горный). В 1909 г. Жуковский-Жук присоединился в Харбине к объединенной группе анархистов и максималистов, был известен в подполье под кличкой Овод. Ранил кинжалом харбинского прокурора, приговорен к каторге. [30; С. 189] Играл немалую роль в максималистском движении в годы гражданской войны.

Другой уроженец Коссово, И. А. Залюсский, участвовал в анархо-коммунистических группах Гродно, Белостока, Екатеринослава, арестовывался в Екатеринославе в 1906 г. и в 1908 г., выслан на родину и приговорен к восьми годам каторги. [30; С. 196]

В Екатеринославе была арестована белостокчанка И. Ф. Зильберблат (Ида), первоначально — эсерка, затем — анархистка. Ее приговорили к шести годам каторги, которую она отбывала в Вильне. [30; С. 203] Вот как она впоследствии описывала свое состояние после получения известия об этапировании в Лукишскую тюрьму: «Я еще не знала, за что взяться и что делать, а в ушах так и звенело это проклятое слово «Вильно», где я сидела в 1905 г. Я еще помнила условия и режим того времени, будучи следственной при первом аресте, а теперь каторжный режим, наверное, будет еще хуже —

в чем я не ошиблась... Сибирь казалась нам прекрасной мечтой после пережитого в местных тюрьмах. И опять тебя зарывают заживо в виленском болоте на несколько лет». [56; С. 151, 159, 162] Положение прибывших в Вильно из Екатеринославской тюрьмы анархистов и эсеров осложнилась тем, что старшая надзирательница Виленской тюрьмы Филимонова была матерью помощника начальника Екатеринославской тюрьмы Филимонова, убитого в 1906 году боевиками за жестокую расправу с заключенными. Надзирательница Филимонова считала часть прибывших причастными к гибели ее сына, и это значительно усложнило положение заключенных. В тот период в Виленской тюрьме находились следующие анархистско-коммунистки: Дебора Сопман, рабочая-переплетчица, Эмма Хигрина, Берта Кабаш, ткачиха из Лодзи, осуждена за экспроприацию почты, Соня Боксер, учащаяся, Ольга Минаева, акушерка, Рива Рахлина, работница-портниха, Ревекка Шерешевская. Но даже в тюрьме революционеры не прекращали сопротивления и упорно отказывались произносить приветствие «Здравия желаю» при приходе тюремного начальства, за что подвергались заключению в карцер и другим наказаниям. Условия каторжного содержания были крайне тяжелы. Помывка в бане происходила два раза в месяц, но стирать белье и верхнюю одежду приходилось нелегально, и, надев ее мокрой, женщинам-заключенным в любую погоду приходилось так и возвращаться в камеру. Несколько женщин-политических заключенных в результате этого заболели скоротечной чахоткой и скончались. Питание состояло из кипятка, 1 кг сырого черного хлеба на завтрак, баланды из гнилой капусты или свеклы с салом на обед, и кипятка на ужин. После «бумажного бунта» — жалобы, поданной анархисткой С. Боксер и социал-демократкой З. Левицкой, питание арестантов было несколько улучшено.

Большую помощь заключенным Виленской тюрьмы оказывали сестры анархистки Д. Сопман, Фрума и Фанни, специально для этой цели поселившиеся в Вильне. По свидетельству Иды Зильберблат, они в буквальном смысле спасали от голодной смерти. Помощь в тюрьму поступала также от Нюты Берман и Евы Стрепунской. Эти молодые анархистки были арестованы при взрыве бомбы, пробыв в тюрьме три года под следствием и как несовершеннолетние были приговорены к трем годам заключения. После выхода на свободу в конце 1911 года Н. Берман и Е. Стрепунская организовали нелегальный Красный крест для помощи заключенным.

В 1907 г. в Харькове арестовали анархиста из Волковыска Н. М. Львовича (Альтер, Наум). За участие в экспроприациях он был осужден к 10 годам каторги. [30; С. 322]

Киевским военно-окружным судом был приговорен к четырем годам каторги А. Н. Стрелец-Пастушенко, иконописец, в 1905 г. — участник Белостокской и Киевской групп анархо-коммунистов. Выйдя на поселение, он продолжил свою революционную деятельность, и в 1914 г. был арестован за участие в конференции анархо-коммунистов в Иркутске. [30; С. 539]

В 1910 г. в Могилевской тюрьме находился Ф. А. Чмутов (Поладьев), член Брянской группы анархистов-коммунистов, арестованный за участие в экспроприациях и хранение взрывчатки. Он был осужден на шесть лет каторги, которую отбывал в Бугырях и Алексеевском центре. [30; С. 624]

В Белостоке, Смоленске, Рославле, Брянске, Орле, Москве, Екатеринославе, Киеве вел пропагандистскую и боевую работу И. А. Фомин (Ваня, Дядя Ваня, Длинный, Борис), первоначально — эсер, затем — анархо-коммунист. В 1908 г. Иван Фомин был арестован и осужден в Смоленске за экспроприацию и вооруженное сопротивление при аресте к восьми годам каторги. Каторгу Иван Андреевич отбывал в Смоленском центре и на строительстве Круго-Байкальской дороги («Колесухе»), отличавшейся чрезвычайно тяжелыми и просто гибельными условиями для заключенных. [30; С. 588]

Уроженец Витебска И. Н. Юдкин, рабочий-слесарь, в 1906 г. входил в группы анархистов-коммунистов «Земля и воля», действовавших в Александровске, Мариуполе и Бердянске (группа с аналогичным названием существовала и в Минске), участвовал в экспроприациях и транспортировке оружия. [30; С. 663]

В селе Махалино Люцинского уезда Витебской губернии, в крестьянской семье родился в 1888 г. Константин Васильевич Акашев, в будущем — один из создателей советского Военно-Воздушного Флота. Акашев закончил в Двинске реальное училище и с 1906 г. как эсер вел агитацию среди крестьян Люцинского уезда. Из-за угрозы ареста он перешел на нелегальное положение и выехал в Петербург, где присоединился к анархистам-коммунистам. Вел агитацию и пропаганду, участвовал в боевых предприятиях. Был арестован в Киеве в 1907 г. как руководитель группы анархо-коммунистов, но за недостаточностью улик выслан на родину в Витебскую губ., а оттуда — в Туруханский край под гласный надзор полиции. Оттуда Константин Акашев бежал за границу и оказался в Алжире.

7. «Надрыв» анархистского движения в Белостоке. Поражение анархистов в революции

Во второй половине 1906 г. по-прежнему продолжалась деятельность и в своего рода цитадели безвластнического движения — в Белостоке. Однако к этому времени тот «надрыв», о котором говорил главный идеолог чернознаменного движения И. Гроссман-Роцин, проявился здесь в полной мере. Хотя внешне анархистская активность по-прежнему носила высокий характер, организация несла большие потери. Это было следствием ответных мер царской полиции, особенно на действия анархистских боевиков. Но быстро восполнить состав, как это происходило раньше, теперь не удавалось, что было обусловлено как общим спадом революционной волны, так и наметившимся отрывом собственно группы белостокских анархистов от массового рабочего движения. С одной стороны, «общенациональная» революция первоначально политизировала массы, заставила их с новым интересом прислушиваться к голосу политических партий. Однако после контрнаступления абсолютизма это привело к разочарованию масс и их

деморализации. При этом, если в целом по России большое количество членов различных революционных партий, в особенности — члены их боевых формирований, хлынули в анархистские, максималистские и им подобные группы, то в Белостоке этот процесс уже не носил такого ярко выраженного характера. Пик анархистской популярности здесь был уже пройден. Неудача стачки в мае 1906 года показала ограниченность анархистских приемов борьбы — «экономического», индивидуального террора и т. п., а также то, что эти крайние действия привели к мобилизации владельцев предприятий, вследствие чего они смогли успешно противостоять стачечникам. Погром в июне 1906 г. также показал — возможности репрессивного аппарата самодержавного государства, отвечающего на индивидуальные выступления революционеров массовым террором, также далеко не исчерпаны.

Многие анархисты из Белостока продолжали в тот период активно действовать в других регионах Российской империи. Так, видные боевики-белостокчане Олик Чернецкий, Янек Гаинский и Эдек Черепинский в январе 1906 г. присоединились в Кишиневе к Русской террористической легучей группе анархистов, сформированной там под влиянием безмотивников, и оперировали в Екатеринославе. Этот крупный промышленный город на юге страны был вторым, после Белостока, крупнейшим центром анархического движения. В начале февраля Олик Чернецкий ранил мастера Каменского завода, отличавшегося дурным обращением с рабочими, и бросил две бомбы в Каменский полицейский участок. 27 апреля Олик Чернецкий в Каменске в одиночку атаковал троих городских, известных пытками над задержанными анархистами, убил одного из них и тяжело ранил двух других. Через день он попал в облаву на подпольной квартире, но смог скрыться, тяжело ранив помощника пристава и командира казачьей сотни. В этот период анархисты, своими бесконечными вооруженными акциями буквально деморализовавшие полицию и буржуазию, были на пике своей популярности и могущества. Однако и здесь, подменив массовую борьбу трудящихся своим вооруженным поединком с властями, анархисты в итоге проиграли. На фоне пассивного, пусть и одобрительного созерцания рабочих масс, дуэль группы отчаянно дерзких, но все же немногочисленных подпольщиков с полицейской машиной царского государства могла иметь только один исход.

В сентябре полиция прямо на улице опознала основателя Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов, 18-летнего белостокчанина Ф. Штейнберга (Самуила). Пламенный оратор, он просто гипнотизировал массу своей искренней и проникновенной речью. В соответствии с решением екатеринославской полиции «вывести анархистов с Амура», он был убит на месте, без всякого суда и следствия. В начале ноября белостокчане Янек Гаинский, Олик Чернецкий, Эдек Черепинский и анархист Яков Коноплев возвращались в город с револьверами, но без патронов. Попав на паровой пристани в полицейскую облаву, они единственным имевшимся патроном ранили стражника, но были арестованы и в последующем казнены. Скрыться удалось только Черепинскому. [57; С.108, 110]

Продолжалась анархистская активность и в Белостоке. В июне 1906 г. анархистами, с участием М. Шпиндлера, была брошена бомба в начальника Белостокского охранного отделения Ходорковского. В сентябре И. Н. Береком-«Городовичком» и другими было совершено покушение на секретаря охранного отделения.

13 ноября М. Шпиндлер и И. Берек (Блехер) на Суражской улице ранили филера Онацика. 14 ноября 1906 г. проходящим полицейским патрулем И. Берек был арестован. При оказании вооруженного сопротивления он ранил околоточного надзирателя Небораченко. Макс Шпиндлеру, отстреливаясь, удалось скрыться. 15 ноября 1906 г. И. Н. Берек был расстрелян по приговору военно-полевого суда. Он отказался назвать свое имя даже перед смертью. Поэтому газета анархо-коммунистов «Хлеб и воля» сообщает об этом, как о казни «товарища, не назвавшего себя». [58; С. 7]

29 ноября — 1 декабря 1906 г. в Слониме состоялся процесс над группой анархистов, арестованных в Белостоке с оружием и прокламациями. Тогда на скамье суда оказались М. Капланский, А. Ривкинд, Г. Зильбер (Зильберг). А. Я. Ривкинд, член Екатеринославской группы анархистов-коммунистов, привез в марте 1906 г. три бомбы и взрывчатые вещества в Белосток и был арестован. Суд приговорил его к 15 годам каторги. Капланский и Зильбер, как несовершеннолетние, получили по 10 лет каторжного приговора. Вслед за этим процессом к 20 годам каторги был приговорен уже упоминавшийся 15-летний (!) Бенъямин Фридман. Он еще 10 января 1905 г., во время стачки ткачей, бросил бомбу в Крынковскую синагогу. В синагоге в это время заседал союз «Агудас Ахим», образованный еврейской буржуазией для борьбы с рабочим движением. Как несовершеннолетнему, 20-летняя каторга была заменена Фридману восемью годами тюрьмы. Также прошел суд над максималистом Иваном Жмуйдиком, обвиненным в пропаганде среди крестьян и приговоренном за это к вечному поселению в Сибири.

6 декабря 1906 года всех осужденных этапировали по железной дороге из Слонима в Гродно. Во время транспортировки шесть заключенных — И. Жмуйдик, Г. Зильбер (Зильберг), Б. Фридман, М. Капланский, А. Ривкинд и Г. Грайвер — напали на конвой и скрылись, убив трех охранников и трех ранив. В историю это событие вошло под названием «Слонимского побега». В скором времени Жмуйдик, Фридман и Зильбер вернулись к активной подпольной деятельности. Об их дальнейшей судьбе будет рассказано ниже.

В Белостоке продолжались аресты анархистов. К этому времени полиции, очевидно, кроме своей излюбленной системы наблюдения с помощью филеров и дворников, удалось внедрить в ряды организации провокаторов. Способ, казавшийся первоначально сотрудникам полицейских служб чрезвычайно эффективным (как и террор — анархистам и эсерам!), впоследствии привел к дезориентации и дискредитации всего политического сыска в России. Ну а тактика индивидуального террора, в сочетании с полицейской провокацией — к дезорганизации и деморализации многих участников эсеровского и анархистского движения... Но основная причина того, что в конечном итоге царская полиция и жандармерия

проиграли борьбу с революционным подпольем, заключалась прежде всего в низкой эффективности всех служб, систем и подсистем архаичного самодержавного государства, функционально очень мало отвечающего потребностям времени.

Однако в тот период исход противостояния двух принципиально разных систем — консервативно-монархической и революционно-демократической — еще далеко не определился. Царский режим еще имел поле для социальных и политических маневров, которым он, впрочем, так и не смог эффективно воспользоваться, но при этом ему еще удавалось сохранить относительную консолидированность. Освободительное движение, весьма пестрое и неоднородное по своему составу — от конституционных монархистов до анархистов — терпело в этот период поражение за поражением, а его недавние завоевания — Государственная Дума и гражданские свободы — постоянно оказывались под угрозой роспуска и ликвидации.

В конце 1906 г. белостокской полицией на Суражской улице были арестованы анархисты Л. А. Франкфурт, И. А. Франкфурт, Ф. Я. Кулиш, Я. И. Тышлерман, М. Л. Дейч, Ц. Т. Капланский, Б. И. Ратородский, Т. Ш. Зельвянский. Часть из них была отправлена на каторгу (Лея Франкфурт), часть — выслана. Еще 17 октября 1906 года за подготовку «экса» Таурогенской почтовой конторы был взят под стражу, кроме уже упоминавшегося Г. М. Кпучкова, Мефодий Дмитриев, бывший почтово-телеграфный чиновник. По этому же делу также проходил И. В. Слесарь, надсмотрщик почтовой конторы, и другие.

В руках у полиции либо под ее наблюдением находились анархисты Г. Геллер, Д. Кравчик, Б. Циммерман, Б. Ш. Елин (административно выслан в Вологодскую губернию), М. Брамзон, Я.-М. З. Креплек из Заблудова, С. Трещанская, И. Каплецкая, Б. Шахмейстер (был задержан полицией с браунингом), Ш. Сичь, Ж. Котлович, С. Ирлинский, З. Блюменталь, Ш. Вайсман, К. Вышенград, Э. Скакун. 9 марта 1907 г. в квартире З. Блюменталья был произведен обыск, Ш. Вайсман был арестован. Тогда же были произведены повальные обыски на Суражской улице, на конспиративной квартире анархистской пропагандистской группы был арестован М. Я. Луневский с большим количеством прокламаций. В марте Луневский был сослан в Вятскую губернию.

По связи с казненным Береком-Городовойчиком в поле зрения полиции попали С. С. Новик, организовавшая группу анархистов-коммунистов, С. Б. Любоцкая, К. Турин, Б. Кафлович, Р. Олиховский, М. Рафаловский, М.-Л. Месионжик-Кемер, О. Б. Соломянский и С. А. Бортницкий.

В конце 1906 г. С. С. Новик, ее сестра Х. С. Новик и С. Б. Любавская приехали на свидание с содержащимся в Гродненской тюрьме арестованным Тышлерманом, но часовой не пустил их и был «оскорблен на словах». Первоначально полицейское управление не имело данных о привлечении девушек к дознанию. Но после того как агентура установила их принадлежность к группе анархистов-коммунистов, прямым распоряжением генерал-губернатора они были сосланы. В соответствии с законами Российской империи, для административной ссылки не требовалось

приговора суда, достаточно было решения глав местной исполнительной власти. С. Новик получила три года, С. Любоцкая — два, Х. Новик — один год административной ссылки в Вологодскую губернию. [22; Л. 1]

Как уже упоминалось, в начале января 1907 г. полицией было задержано два анархиста, по сведениям осведомителя, принадлежавшим к боевому отряду — О. Б. Соломянский (Рыжий) и рабочий-кожевник С. А. Бартницкий. По характеристике полиции, Соломянский был «серьезный анархист», наблюдению совершенно не поддавался. Его всегда сопровождали молодые члены группы, которые тщательно проверяли наличие слежки за ним. Одним из таких «партийных филеров» было обнаружено наблюдение за конспиративной встречей Соломянского. На следующий день ведший наблюдение агент полиции Булынин был ранен. Но в целом полицейские агенты окружали БГАК все плотнее.

Но не только полицейские репрессии и террор стали причиной спада анархистского движения, наметившегося к концу 1906 года. Сложным оказался и путь достижения идеала «вольного коммунизма», и формирования самого движения и выработки соответствующей тактики. В 1905—1907 гг. в анархистском движении на территории Беларуси возобладало радикальное течение чернознаменцев. Более умеренное и ориентированное на массовую и пропагандистскую работу направление хлебовольцев оказалось в меньшинстве. Не получила распространение, правда, и самая крайняя тенденция — безначалие, в силу, очевидно, присутствия ей особого индивидуализма и экстремизма. Анархо-коммунистические группы существовали почти во всех губернских центрах и многих других городах и местечках Беларуси. В них вступали, как правило, очень молодые люди, в большинстве случаев — несовершеннолетние. И не только по классификации того времени — не являлось чем-то исключительным, что в вооруженных акциях принимали участие 15-летние подростки. Подавляющее большинство анархистов «первой волны» родились в 1880-х гг., как правило, в конце этого десятилетия. Людей старше тридцати насчитывались единицы. Несмотря на это, большинство анархистов уже успело побывать в рядах политических партий, как правило, социал-демократов либо эсеров. Значительный процент среди участников движения составляли евреи. Это, в принципе, соответствовало принудительно сформированному национальному составу городов и местечек Беларуси, расположенной в черте оседлости, где еврейское население достигало 60—80%. Тем не менее, активно участвовали в движении и белорусы, поляки, русские, украинцы. В анархистском движении, как, впрочем, и в социалистических партиях, было немало женщин, подвергавшихся в тех социально-политических условиях значительной дискриминации, как бытовой, так и на законодательно-нормативном уровне. Среди анархистов были и рабочие, и безработные, учащиеся, люмпен-пролетарии, были и лица с высшим образованием. Вопреки нередко культивируемому как в прошлом, так и ныне утверждению, что анархизм распространялся прежде всего среди ремесленников, кустарей и т. д. с их патриархальным сознанием

самодостаточного индивидуального производителя, анархисты в Белостоке были тесно связаны с пролетарскими коллективами крупных предприятий.

Характерно, что центр анархистского движения в Беларуси в годы революции 1905—1907 годов находился в Гродненской губернии, в крупном промышленном центре Белостоке и в местечках его района. Именно здесь анархистам удалось обрести массовую базу в виде рабочего движения (другим подобным прецедентом в тот период был только Екатеринослав). Благодаря боевой тактике, крайнему эгалитаризму и, очевидно, импонирующему части рабочих антииерархическому принципу построения организации, Белостокская группа (федерация) анархо-коммунистов в 1905—1907 гг. располагала серьезным влиянием в массах, значительно потеснив традиционно господствовавших здесь социал-демократов, польских и еврейских социалистов и националистов. Социалисты-революционеры, чья программа и тактика была наиболее близка анархистам, вообще массово переходили в их группу. Впоследствии именно среди белостокских эсеров зародилось полуанархическое течение максималистов, выросшее вскоре в общероссийскую организацию ССРМ. Максимализму, в свою очередь, на одном из этапов суждено было оказать серьезное влияние на формирование такого феномена, как большевизм. В скором времени составной частью большевизма ленинского толка становятся так культивируемые анархо-коммунистами радикальный антикапитализм и враждебность к буржуазной демократии. Можно даже утверждать, что в ходе революции 1905—1907 гг. основной удар политической критики анархистов был направлен против либерализма и «парламентских иллюзий».

Еще одной характерной чертой анархизма стало преклонение перед радикальной тактикой «прямого действия» в рабочем движении и перенесении туда методов вооруженной борьбы. Однако после того, как организованные в свои союзы хозяева предприятий стали отвечать на всеобщие забастовки локаутами, а анархистский боевизм был нейтрализован полицейскими репрессиями и провокациями, безвластническое движение в Белостоке было локализовано. С отступлением революции уроннесли и социалистические, и национальные партии. Но, в отличие от анархистов, социалисты, в том числе и будущие коммунисты, ориентированные прежде всего на различные формы массовой работы, не исключая и легальные, профсоюзную, просветительскую, культурническую, молодежную деятельность и т.п., смогли в большей мере сохранить свои структуры для новых этапов борьбы.

В период революции 1905—1907 годов анархистское движение Беларуси значительно расширилось. Но за пределами промышленно развитого белостокского района и прилегающих регионов Гродненской губернии, безвластническое движение было представлено, в основном, множеством небольших подпольных групп, осуществлявших как пропагандистско-издательскую, так и боевую деятельность. В последующем в этих организациях все более усиливалось последнее направление, с явным перевесом экспроприаторских методов, что не могло не повлечь за собой серьезные негативные последствия.

Глава 3.

Отступление. 1907 — 1917 гг.

1. Минская группа анархистов-коммунистов в 1907 — 1908 гг.

Отступление революционного движения сопровождалось арьергардными боями. Все больше социалистов и анархистов подвергалось репрессиям со стороны авторитарного государства, хоть и прикрытого парламентским фасадом, но на фоне угрюмого молчания сел, рабочих районов и переполненных тюрем еще продолжали греметь выстрелы боевиков и полицейских. Военно-полевая «скорострельная» столыпинская юстиция, расстрельные команды и виселицы не отдыхали. Но пока еще борьба продолжалась. Для анархистов начальный этап этого периода даже сопровождался определенным пополнением их рядов за счет активистов рабочих партий, разочаровавшихся в своем политическом руководстве, и стремившихся и дальше активно действовать, невзирая на временное поражение революции. Но в этот период анархистские группировки пополнялись зачастую и деморализованными элементами. По мере того, как в результате полицейских арестов из рядов движения выбывало его первоначальное идейное ядро, в организации сторонников безвластия все чаще проникали авантюристы и чистые экспроприаторы.

Однако идейные анархисты, как могли, боролись с подобными явлениями. Так, в январе 1907 г. газета «Листки «Хлеб и воля» (ЛХиВ) напечатало следующее заявление Минской группы анархистов-коммунистов (МГАК): «В виду распространившихся слухов, будто лица, приходившие в последнее время с требованием денег к Мерлису, Каплану, Рипсу и Гуту — анархисты-коммунисты, «Минская группа А.-К.» вынуждена для восстановления истины заявить, что во всех этих мелких эксках она никакого участия не принимала и никакого отношения к ним и к этим лицам не имеет. Свой взгляд на экссы мы выскажем в одном из наших листков». [59; С. 1]

В этом же номере ЛХиВ отмечалось: «Минские товарищи продолжают развивать свою пропагандистскую деятельность. Настоящая прокламация [«Ко всем трудящимся» — Ю. Г.] посвящена вопросу о государственной Думе и предвыборной агитации либеральных и социалистических партий. Указывается на реакционную роль, которую должна сыграть Дума по отношению к начавшемуся настоящему движению угнетенных.

«...И в это революционное время, в это время, когда две грозные армии стоят лицом к лицу, готовые вступить в отчаянный бой; в то время, когда мы должны направлять все свои силы на великую народную борьбу; в то время, когда земля обагрется кровью, в то время, наконец, когда нашим идеалом и целью нашей должны быть окончательное уничтожение рабства и гнета и полное освобождение человечества, — в это время нас призывают вступить в сделку с правительством и буржуазией и вместе с ними создать Государственную Думу — создать своими руками новое правительство, новых начальников, надеть на себя новые цепи рабства!..»

Затем указывается роль парламентов в других «свободных странах» и подвергается критике принцип всеобщего избирательного права. Заканчивается прокламация призывом к отказу от выборов в Государственную Думу, к препятствованию им, к разрушению всех учреждений современного строя и к сосредоточению всех усилий на социальной революции». [59; С. 1]

В числе изданий, выпущенных около того времени МГАК, был Листок № 1 «Чего хотят анархисты?», содержащий краткий обзор истории безвластного движения, сообщение о казни шести анархистов в Риге, листовка «Выборная кампания или революция?», и другое.

Незаконная типография «Безвластие» была организована в Минске анархистом Молочниковым. По сохранившимся в донесениях по Департаменту полиции сведениям, в ней работали подпольщики Профессор, Виктор, Полужидек и Соня.

К началу 1907 г. в МГАК влились такие известные боевики, как участники нашумевшего «Слонимского побега» И. Жмуйдик, Б. Фридман и Г. Зильбер. В начале января 1907 г. Фридман, Зильбер и М. Шпиндлер (Золотая ручка) в составе боевой группы выехали в Гродно для покушения на прославившегося своей жестокостью начальника Гродненской тюрьмы. Однако 11 января 1907 г., когда боевики находились в засаде, ими был замечен старший тюремный надзиратель Кохановский, также известный избиениями заключенных. Бенямин Фридман тяжело ранил Кохановского. Фридмана попытался задержать постовой полицейский, но к нему на помощь пришел еще один подпольщик. Фридман скрылся во дворе дома. Второй боевик был задержан городовым, жандармским унтер-офицером и солдатом. Однако находившиеся рядом в прикрытии Макс Шпиндлер и Зильбер вмешались в схватку, городской был убит, жандарм и солдат ранены, задержанный освобожден. Все трое смогли скрыться. Фридман же занял оборону в находившемся рядом доме и начал отстреливаться. Оказывая упорное сопротивление, он застрелил околоточного Тавреля и городского. После того, как дом окружили войска и принялись методично обстреливать его ружейным огнем, 15-летний Бенямин Фридман покончил с собой.

На смерть Б. Фридмана в типографии «Безвластие» в январе 1907 г. была выпущена прокламация «Тиранам, палачам и насильникам — смерть» за подписью «Федеративных Групп Анархистов-Коммунистов» [Литвы и Польши? — Ю. Г.]. Последнее свидетельствует о том, что анархистское движение в Беларуси предпринимало уже к началу 1907 г. определенные попытки к объединению.

Другой участник «Слонимского побега», Зильбер, погиб в Минске в 1907 г. при взрыве собственной бомбы, брошенной в банковскую контору Бройде-Рубинштейна.

30 марта 1907 г. против минских анархистов-коммунистов была проведена полицейская операция. Скорее всего, в ее основу легли агентурные данные. В нее, в числе других, попал и третий участник Слонимского побега, Иван Жмуйдик. Ситуация, достаточно часто случавшаяся с

известными боевиками — один раз улыбнувшись и даровав жизнь, судьба повторным ударом вскоре забирала ее... Анархисты оказали вооруженное сопротивление, двое из них были убиты. Жмуйдик пытался застрелиться, но неудачно, и был арестован. Он был осужден военно-полевым судом и расстрелян в Вильно в августе 1907 г. Полицией был арестован тогда же и минский анархист М. Кавецкий (Кукуц-Кавецкий, Гугель-Кавецкий).

В ходе этой перестрелки ранения получили также околоточный, городской и полицейский агент. Во время обыска в квартире на Александровской улице, в доме Яхимовича, была обнаружена лаборатория взрывчатых веществ, три бомбы, 10 оболочек для них, динамит, пироксилин, литература МГАК. Лаборатория принадлежала на совместных началах двум анархистским группам, действовавшим тогда в Минске — безначальцам и чернознаменцам. В квартире анархиста Герберга была найдена фитильная бомба, гектограф, литература и печать группы «Безначалие». [29; С. 378]

Кавецкий при аресте назвался Феликсом Бентковским. Он допрашивался в полиции непрерывно в течение восьми часов. Сразу же после этого, в конце марта — начале апреля 1907 г., охранкой была проведена массовая ликвидация анархистских групп в Минске, Риге, Варшаве, Киеве, Москве. Вследствие этого Кавецкий был обвинен в провокации. Три смертника из Минской тюрьмы — 23-летний максималист Станислав Белоусов (С. В. Здевский), участник восстания в Бобруйском дисциплинарном батальоне, 25-летний большевик Я. Я. Соловьев и 23-летний анархист Афанасий Фомин (А. И. Подобед) — решили отомстить «провокатору». Они убили надзирателя А. Буткевича, избивавшего заключенных, завладели ключами от камер, открыли камеру Кавецкого и убили его. Однако сотрудничество Кавецкого с полицией сразу же после разыгравшейся трагедии отрицали П. А. Кропоткин и служащий Департамента полиции Л. С. Меньшиков. Впоследствии выяснилось, что Кавецкий действительно не мог иметь отношения к массовым арестам весны 1907 г., поскольку они планировались полицией намного раньше. Белоусов, Соловьев и Фомин были также казнены. [10; С. 657]

1 июня в Минске на улице было арестовано еще двое анархистов-коммунистов.

Действия полиции продолжали выкашивать в Минске наиболее видных участников движения. 20 ноября 1907 г. на Кайдановой улице полицейский стражник Нужный, ранее уже награжденный орденом Св. Анны за арест боевиков, обратил внимание на двух подозрительных лиц, передавших третьему сверток. Нужный задержал одного из них, Е. С. Раевского, попытавшегося достать револьвер. После этого пять городских и дворник начали преследовать двух других, которые открыли огонь и пытались скрыться. Полицейский Куриленко был ранен, но стражникам удалось схватить одного из преследуемых — Б. Я. Энгельсона. Третьему из попавших в облаву, некоему Павлу, удалось скрыться. У арестованных были изъяты два пистолета «браунинг», патроны, прокламации группы анархистов-

коммунистов «Ко всем крестьянам» и «Буржуазия организовывается...» В задержании «злумышленников» приняли участие также городские минской полиции Остроух, Судник, Камлюк, Мельников, тюремный надзиратель Огородников и дворник дома Шапиро по фамилии Гриб (дворники выполняли тогда функции помощников полиции).

В Минске в квартире, где проживали задержанные, была оставлена полицейская засада. В 9 часов вечера 22 ноября трое городских попытались взять явившихся на квартиру молодых людей, но последние открыли стрельбу и скрылись. В перестрелке тяжелые ранения получил городской Будай.

Арестованные Егор Семенович Раевский и Борис Энгельсон, по мнению минского полицейстера, изложенному в его докладе минскому губернатору, «без сомнения,... являются главными деятелями партии анархистов-коммунистов...» [60; Л. 421] Этот арест дал также повод большевистскому исследователю анархизма И. И. Генкину в дальнейшем написать следующее: «Для психологии анархистов, по крайней мере, большинства их, любопытно еще отсутствие расхождения между словом и делом, а также отсутствие границ между властью законодательной и исполнительной в их организациях. Если, например, кто-нибудь из анархистов теоретически признавал террор и экспроприации, то он же сам практиковал и участвовал в их совершении, какой бы высокий «ранг» он ни занимал среди членов группы, — черта, которую не всегда заметишь в отношении тогдашних террористов социалист-революционеров. Так, интеллигент Борис Энгельсон, человек, выдающийся по своему образованию и талантам, приезжает из-за границы в Минск, участвует в какой-то экспроприации и, отстреливаясь, убивает городского. Его арестовали и в январе 1908 г. повесили в Вильно». [25; С. 182]

Один из пионеров анархистского движения в Беларуси Борис Энгельсон родился в 1881 г. в Минске, присоединился к революционному движению уже в начале 1900-х гг. В январе 1902 г. примкнул к российским эмигрантам-анархистам. В июне 1904 г. организовал Парижскую издательскую группу «Анархия», с июля 1904 г. — член редакции газеты «Хлеб и воля». Как ранее уже упоминалось, в 1905 г. он работал в Белостоке в нелегальной типографии, которая была устроена на его квартире, и был арестован. 16 января 1906 г. бежал из Белостокской тюрьмы. Вел пропагандистскую работу в Риге, потом эмигрировал. В сентябре 1907 г. вновь возвращается на родину, готовит приезд эмигрантов-анархистов. Тогда же и следует вышеупомянутый арест, скорый суд и смертная казнь.

Прокламации, обнаруженные при задержании Раевского и Энгельсона, были изданы МГАК. Так, «Буржуазия организовывается — смерть буржуазии» была отпечатана в минской типографии «Безвластие» в январе 1907 г.

В 1907 г. в Минскую тюрьму был переведен арестованный в Москве при ликвидации группы «Бунтарь» видный анархист А. Г. Таратута. В 1905 г. он уже содержался в Виленской тюрьме, после нелегального перехода границы будучи арестованным полицией на станции Ландворово с грузом взрывчатых веществ и типографских принадлежностей. В апреле 1908 г. Таратута был приговорен Минским окружным судом к трем годам каторги, которую отбывал в Минской тюрьме закованным в кандалы. [61; С. 603]

2. Полесские «лесные братья». Александр Савицкий

Характерной для периода отступления революции была деятельность Организации «лесных братьев», во главе которой стоял А. И. Савицкий. Группа действовала на территории тогдашних Могилевской, Черниговской и Орловской губерний — ныне Гомельская область Республики Беларусь, Черниговская область Украины и Брянская область Российской Федерации. Вообще движение «лесных братьев» и подобных организаций были характерны прежде всего для национальных окраин Российской империи — Прибалтики, Беларуси, Украины, Молдовы, Закавказья, а также Поволжья и Урала. Как тактическое средство оно соответствовало взглядам тех участников революции, которые после первых неудачных атак на самодержавие перешли к затяжной партизанской войне.

Александр Иванович Савицкий родился в 1888 г. в г. Новозыбкове Черниговской губернии, в семье мелкого чиновника. Существует предположение, что его отец являлся участником восстания 1863 г. в Польше, Литве и Беларуси и был за это сослан. [62; С.1] Отец умер от туберкулеза, когда Александру было только 13 лет. Его старший брат, Максимилиан Савицкий, вошел в 1902 году в состав Новозыбковской группы РСДРП, к социал-демократам присоединился первоначально и Александр Савицкий. В скором времени А. Савицкий за политическую деятельность был исключен из реального училища, и лишь благодаря переходу на нелегальное положение он избежал ареста. К этому времени он уже участвовал в антиправительственных демонстрациях в Минске, Чернигове, Могилеве, а в Брянске — в попытке освобождения политических заключенных из тюрьмы.

Весной 1905 г. А. Савицкий организовал побег типографа Полесского комитета РСДРП Юровицкого (Великий Инквизитор). «За устройство и организацию побега взялся нашумевший одно время анархист, лесной разбойник Шурка Савицкий. В то время, о котором я говорю, Савицкий еще был с. д. Смелый до крайности, большей любитель всяких приключений, связанных с сильными ощущениями, Шурка ручался за успех. В помощники он взял себе некоего Янкеля Шубовича. Сорви-голова, сильный, храбрый, впоследствии экспроприатор, попавшийся на какой-то мелкой экспроприации, он радостно согласился на предложение Шурки освободить Юровицкого», — вспоминала о будущих «лесных братьях» социал-демократка Ф. Лесная. [63; С. 14-15]

Через несколько дней бежавший с помощью боевиков Юровицкий, переодетый в женское платье, в сопровождении Савицкого и Шубовича покинул Новозыбков.

Манифест 17 октября не удовлетворил Савицкого и многих других радикально настроенных молодых рабочих и учащихся. «Двуглавый орел лишь переставил когти на теле своей жертвы», — так характеризовали эту ситуацию анархисты-коммунисты в 1906 г. Савицкий выехал в Киев, где, по словам члена его группы П. Ягудина, «переживал душевный перелом». [64; С. 47] Можно предположить, что в Киеве Савицкий устанавливает контакты с активно действовавшими здесь анархо-коммунистическими группами.

По возвращению в Новозыбков, вокруг Савицкого группируются молодые рабочие, отколовшиеся от Новозыбковской организации РСДРП из-за несогласия с реформистской, по их мнению, тактикой партии. В это время процесс выделения ультралевых рабочих оппозиционных фракций весьма сильно затронул организации эсеров и эсдеков в соседних Клинцах. После разгона Государственной Думы и выступления перед клинцовскими рабочими депутата Думы Остроносова на митинге у реки Стодольской, радикальные настроения в рабочей массе возросли еще больше. Социал-демократы Павел и Петр Подлас, Ф. Щекотков, Ф. Блохин, А. Костаков, А. Гутин, Баранчик, Союкин, а также часть рабочих-эсеров создали в Клинцах внепартийную революционную группу «независимых», девизом которой стало: «Чем не жить на свободе, лучше умереть в бою!» [53; Л. 63]

Почти все «независимые» входили ранее в объединенную боевую дружину, сформированную во время черносотенного погрома в октябре 1906 г. Самодельное оружие для этой дружины изготавливалось в мастерской Павла Подласа. При расколе часть вооружения, принадлежавшего дружине самообороны, была захвачена независимыми. «Остальные револьверы, в количестве шести—семи шт., были конфискованы отделившейся от нас группой человек в 10, которые себя наименовали анархистами и стали производить экспроприации. Впоследствии они присоединились к С. Савицкому», — вспоминал один из членов клинцовской социал-демократической организации. [65; С. 64-65]

Осенью 1906 г. Ф. Щекотков и Ф. Блохин (по другим данным — Павел Подлас и А. Костаков) совершили покушение на заместителя председателя Клинцовского отделения Союза Михаила Архангела М. Рыжкова. Еврейское население ожидало нового погрома, но деморализованные черносотенцы никаких действий не предпринимали. [53, Л. 63; 66, Л.л. 4,5]

Однако это покушение спровоцировало полицейские репрессии. Был произведен ряд арестов среди эсеров, в т. ч. техников местной группы ПСР Орловых, что обострило трения между отколовшейся группой и организациями социалистов-революционеров и социал-демократов.

Один из членов Клинцовской организации РСДРП Евсей так описывает формирование здесь анархистской организации: «В это время, период 1906 и 1907 гг., в Клинцы приезжает несколько анархистов, в т. ч. и Савицкий из Новозыбкова. Часть нашего боевого отряда переходит к ним, и они организуют анархистскую группу. Первым террористическим актом этой группы было убийство председателя «Союза русского народа» Ветковского, а до него помещика Рыжкова. После этого они вынуждены были перейти на совершенно нелегальное положение». [67; С. 54]

В скором времени Павел Подлас и Афанасий Костаков отправились в Новозыбков, где познакомились с Александром Савицким и возглавляемым им «революционно-социалистическим течением». Там они договорились о совместных действиях, о ведении широкой агитации среди крестьянства и о борьбе всеми средствами против наступающей реакции. Девизом «непримиримых» стало: «Революция умерла! Да здравствует революция!»

Через некоторое время Савицкий приехал в Клинцы, где его энтузиазм и решительность произвели сильное впечатление на членов независимой революционной группы. Савицким была создана организация, в основу которой была положена «анархо-революционная программа, боевая партизанская тактика и суровая железная дисциплина». [66; Л. 5]

Организация по своему характеру была анархо-максималистской — с учетом того, что в нее входили рабочие, продолжавшие оставаться эсерами или социал-демократами, но максималистски настроенные. Да и под анархизмом среди лесных братьев понималась скорее решительная боевая тактика, неприятие слишком умеренных социалистических партий и радикальная антибуржуазность, чем особая приверженность утопической теории. Характерно, что эта независимая от политических партий организация также имела строго централизованный принцип построения. Она состояла из нескольких групп во главе с назначаемыми Савицким людьми. Во время боевых операций соблюдалось строгое единоначалие, но в мирной обстановке решения принимались коллективно. Членам организации запрещалось употреблять спиртное, заводить связи с женщинами, общаться с родными и близкими. Измена каралась смертью. Боевики не должны были живыми попадать в руки врага. Последнее суровое правило, в частности, также практиковалось у лесных братьев Латвии. [68; С. 492]

Вот как об этом говорилось в уставе организации Савицкого: «Никогда не сдаваться в плен врагам, а в крайнем случае застрелить себя; забирать, если возможно, всех легко раненых, а смертельно и тяжело раненых не оставлять живыми неприятелю и пристреливать на месте, ибо их все равно ожидает виселица; в плену или несчастье всегда помнить свою клятву и никогда не забывать своих товарищей и общего дела. На суде, на пытке крепко и терпеливо молчать, молча переносить все муки, истязания и запугивания. Не верить никаким соблазнам и обещаниям своих вероломных, хитрых и завязтых врагов, никогда не называть своего действительного имени и своей конспиративной фамилии. Ни за что не выдавать своих товарищей и своего дела, но молча, с гордостью, отважно и гордо, с высоко поднятой головой и ненавистью ко всему идти на виселицу; еще лучше покончить с собой в тюрьме.

Никогда не проливать напрасно кровь, а действовать больше страхом и совестью и употреблять оружие только в крайности — для охраны и обороны себя.

Помнить всегда, что мы не разбойники-бандиты, как зовут нас правительство и власти, а действительные партизаны-революционеры и защитники народа. А поэтому мы должны всегда и везде стараться помогать простому люду и приобретать сочувствие, симпатии и помощь его для своего дела». [66; Л. 6]

На жесткие требования, предъявляемые к членам организации лесных братьев на белорусско-российско-украинском Полесье, возможно, возможно, наложили свой отпечаток и непростые условия, в которых здесь издавна находились старообрядцы, составлявшие большинство населения посадов Клинцы и Новозыбков. Жизнь в подполье, и не только в переносном,

но иногда и в прямом смысле, часто практиковалась раскольниками, подвергавшимися религиозным гонениям со стороны царских властей в течение более чем двух столетий. Ирония истории заключалась в том, что свободу вероисповедания в большинстве своем консервативным, а зачастую и прямо реакционно настроенным старообрядцам принесла именно революция 1905 года...

После объединения новозыбковской и клинцовской групп «партизаны-революционеры», как они сами себя стали называть, активизировали вооруженную борьбу. Во время одного из многочисленных столкновений Ф. Блохин ранил черносотенца, был опознан и вынужден перейти на нелегальное положение. В июле 1906 году Блохин был арестован. Это произошло при следующих обстоятельствах — революционеры, среди которых были Подлас и Баранчик, заметили группу городских, куда-то решительно направлявшихся. Подпольщики отправились за ними следом. Городовые подошли к квартире Блохина и окружили ее. Блохин попытался скрыться, а Подлас, пытаясь помочь товарищу, выстрелил из револьвера в одного из полицейских. Но пуля, выпущенная из малоомощного «бульдога», даже не пробила шинель городского. Блохин был схвачен. [66; С. 6]

Через некоторое время клинцовской группой был убит видный черносотенец купец Ветковский, рыботорговец и владелец склада керосина. Покушение произошло в лесу, в районе Почетухи.

Однако, надо полагать, в организации многие понимали всю ограниченность и даже вредность такого метода, как индивидуальный террор. В это время организация начинает массовую агитацию среди крестьян и рабочих в Новозыбкове, Стародубе, Мглине, Новгород-Северском и Гомеле. Во многих деревнях удалось создать крестьянские ячейки, успешной была работа и среди учащихся и рабочих. Не в последнюю очередь популярность Савицкого в деревне объяснялась тем, что он хорошо владел белорусским языком и поэтому был понятен и близок крестьянам.

В Гомеле Александр Савицкий установил связи с рабочими лесопильного завода Левитина, что находился в районе Монастырек. В глухих и запутанных переулках этого старообрядческого предместья Савицкий укрывался от полиции. К организации присоединились также жители прилегающих к Гомелю деревень Прудок, Волотова, Красное.

В этот период было достигнуто единство действий с некоторыми группами эсеров-максималистов. К Савицкому примкнули два студента-максималиста из Санкт-Петербурга, через которых поддерживалась связь с петербургской организацией ССРМ. Впоследствии один из них был окружен полицией возле Новозыбкова и погиб, подорвав себя бомбой. Смерть второго, по фамилии Филоненко, была бесславной — он был расстрелян своими за присвоение денег после «экса» на сахарном заводе в деревне Орловка. [53; Л. 70]

Анархисты вели также пропаганду среди солдат Суражского гарнизона. Среди прочих, в этом участвовал рабочий Шубов, в советское время, по некоторым данным, ставший директором завода в Калинковичах. Унтер-

офицер конвойной команды Бибиков выполнял роль связного между Клинцами и Суражем. Бибикову же было приказано сопровождать арестованного Ф. Блохина по этапу в Киев, где последнего ожидал суд Киевской судебной палаты. Унтер-офицер Бибиков организовал Блохину побег и сам скрылся вместе с ним, при этом он передал партизанам несколько винтовок и два ящика патронов. Через некоторое время Ф. Блохин и Ф. Щекотков, полностью проваленные на нелегальной работе, через Либаву выехали в Америку. [53; Л. 67]

В связи с побегом из-под стражи в районе действий лесных братьев был усилен полицейский режим. Особенно активные мероприятия были предприняты полицией в Клинцах, вследствие чего подпольщики приняли решение перебазироваться в Почеп. Для организации надежных убежищ в Почеп первыми выехали Подлас, Бубнов и Савицкий. Но хозяйка квартиры, у которой остановились Подлас и Бубнов, выдала их полиции. Вечером следующего дня лесные братья атаковали полицейский участок и освободили товарищей. По лесным тропам боевая группа стала отходить в Клинцы. Против нее был послан отряд полиции, насчитывающий 50 человек, во главе с жандармским офицером Павловским. Павловский, известный как организатор погрома в октябре 1905 г., а также других карательных акций, был специально командирован из Чернигова в Сураж для борьбы с партизанским движением.

Группа подпольщиков двигалась по узкой лесной тропе, шагая след в след. В сгущавшихся сумерках идущий первым Щекотков наткнулся на засаду. Внезапно появившийся из-за деревьев стражник направил на него оружие, но шедший следом Савицкий, как всегда, сохранил полное самообладание. Атаман лесных братьев спокойно подошел к стражнику и со словами «Добрый вечер!» в упор открыл огонь. В завязавшейся перестрелке был ранен один из партизан, но Савицкий громким голосом отдал команду: «Бомбисты, вперед! Открыть пулеметный огонь!» Лесные братья стали вести стрельбу залпами и закричали «Ура!» Психологически подавленные стражники бросились бежать, но и боевая группа также предпочла быстро отойти, пока во много раз превышавший ее численностью противник не опомнился. [53; Л. 69]

20 апреля 1907 г. Суражский уезд был объявлен на положении усиленной охраны. В Клинцах полиция провела повальные аресты. Были взяты под стражу А. Губин, Боблаков, Рывкин, Рубинштейн, Семячко, Гутин и др. Из арестованных только двое были боевиками, но тем не менее, через два с половиной месяца все они были сосланы в Архангельскую губернию.

На территорию уездов Могилевской, Черниговской и Орловской губерний, охваченных партизанскими и крестьянскими выступлениями, были введены отряды иррегулярной кавказской конницы (т.н. Дикой дивизии). Официально православный самодержавный режим совершенно не брезговал использовать этих своеобразных башибузуков для борьбы со своими православными же подданными. Равно как не пренебрегали таким средством польские, русские и немецкие помещики, нанимавшие популярных тогда черкесов для терроризирования белорусских крестьян.

В перестрелке с ингушами погиб в Новозыбкове Афанасий Костаков. Ввиду усиленного патрулирования в Новозыбкове казаков и ингушей группе пришлось отказаться от намеченной экспроприации банка. Но было совершенно нападение на одного местного помещика, впрочем, не принесшее организации больших средств. Весной 1907 г. были также осуществлены экспроприации в Новгород-Северске у хозяев Лившица и Болотина. Тем не менее, организация остро нуждалась в деньгах, прежде всего, для закупки оружия. К ней присоединялись все новые и новые ячейки, и всюду ощущался сильный недостаток оружия и литературы.

4 августа 1907 г. семь партизан отправились в деревню Добрик Суражского уезда для устройства нового тайника с оружием. Одновременно боевая группа планировала ликвидировать земского начальника Дубянского (Дублянского), свирепствовавшего в деревнях Добрик и Глуховка. Несколько бойцов, вооруженных винтовками, изображали конвойных, остальные, шедшие под видом арестантов, имели при себе пистолеты маузер. Таким образом, боевая группа вошла в Добрик, где между ней и земским начальником завязалась перестрелка, причем последний, засев в своем доме, вел огонь из пулемета. Трое партизан получили ранения — один в ногу, пожилой революционер по кличке Батька — в грудь навывлет, а Савицкий был ранен в лицо. Однако к дому удалось подтащить куль соломы и зажечь здание. Освещенный пламенем, «храбрый земский начальник», как характеризуют его сами партизаны, был убит. Его семью немедленно вывели из горящего дома в безопасное место. Раненых погрузили на подводы и отправили в деревню Казачья Туросна. [53; Л. 71]

В июле 1907 г. из Суража в Клинцы был переведен известный своей жестокостью жандармский офицер Павловский. В это же время в Клинцах анархисты активно вели массовую работу, создали рабочий центр и две солдатские организации. Летом 1907 г. один из боевиков предложил организовать покушение на Павловского, но это предложение общим собранием было отвергнуто. Причем на том основании, что террор не является для организации задачей первостепенной важности. Что же касается попыток, активно применяемых Павловским, то здесь революционеры видели единственный выход — в плен живыми не сдаваться.

Одна из конспиративных квартир организации в Клинцах располагалась в доме сестер Перлиных, главной явкой была квартира санитара Путина и его сестер по улице Пушкинской. По-прежнему остро стояла проблема обеспечения оружием. Так, организации Савицкого пришлось иметь долгое разбирательство с социал-демократами по поводу раздела партии браунингов.

Под влиянием максималистской агитации, возглававшей вину за поражение революции на минимализм умеренных социалистических партий, из рядов последних продолжался переход рабочих к лесным братьям. Так, к ним решил присоединиться член социал-демократического комитета И. Гурвич. Он передал им свое оружие и предупредил о готовящихся в Казачьей Туросне арестах. П. Подлас, Баранчик и Батька оставили конспиративную квартиру и в тот же день выехали в Почеп.

Однако один из членов организации пренебрег мерами предосторожности, был арестован и подвергнут в полиции пыткам. Из-за утраты части его воспоминаний фамилия этого участника организации Савицкого осталась пока неизвестной. Арестованный революционер описывает свое пребывание на допросе у Павловского следующим образом: «Павловский сам разбивает на моей груди бруском два кирпича. «Подыми его!» Меня поднимают и берут в кулачную работу. Поколотили. «Ведите его в мой кабинет», — говорит Павловский. Меня бросили в кабинет. Я упал и лежу. «Ну что ты хочешь, жить или умереть? Если жить, то сознайся, если умереть, то я тебе, вот тебе крест господен (крестится перед иконой) если я тебя не убью». Я молчу. Павловский выхватывает свой браунинг, направляет мне в лоб и командует: «Говори. Раз — говори, два — говори, три». Я молчу. Ударив меня стволом по лбу, Павловский повернулся к иконе и стал креститься и кричать — «...Если я тебя не убью, вот тебе крест господен, три дня жизни дам. Неси гирию». Гирия представляет весом пудовик. «Клади его». Меня схватили и положили животом вниз. Павловский ударяет по позвоночному столбу так, что я думал, что рассыплюсь. «Переверни его». Берет папку, кладет мне на грудь. «Держи его». Стражники посели у меня на руках и ногах. Павловский поднял гирию и бьет меня в грудь. «Сознайся, где Савицкий? Где ваша организация? Где ваш оружейный склад? Кто убил Рьжкова, Ветковского, Дублянского (земский начальник)?» «Ничего я не знаю», — отвечаю я. «Раз, раз, раз». Гирия стала ударять по моей груди. Я кричу, мне затыкают рот, со мной делаются обмороки. Меня отливают водой... Павловский поднял гирию выше своей головы, командует: «Раз — говори, два — говори, три». Я молчу. Гирия ударяет в грудь сильнее всех разов. Меня обливают водой и ведут в каземат». [53; Л. 74]

Одновременно Павловский, рьяный жандарм и палач, не раз собственноручно убивавший арестованных на допросах, был банальным взяточником и вымогателем. За деньги он неоднократно выпускал арестованных, в т.ч. и политических. Но в вышеописанном случае он наотрез отказался вести любые переговоры об освобождении.

Около того же времени в Почепе группа партизан-революционеров имела столкновение с полицией, после чего Подлас и Баранчик вновь были вынуждены скрыться в Казачьей Туросне. Но на этот раз их убежище было раскрыто полицией. При его штурме разгорелся ожесточенный бой. Подпольщики Подлас и Баранчик не сдались живыми в руки полицейских. В перестрелке был также убит один стражник. Полиция арестовала 10 рабочих фабрики, что располагалась в Казачьей Туросне (Дурнях), после чего Павловский принялся допрашивать задержанных с помощью специальной нагайки. В результате один из подвергнувшихся истязанию, Парусов, выглядел так: «Ни спины, ни глаза нет, одна кровь». [53; Л. 75]

Несмотря на очевидное поражение революции, организация партизан-революционеров Савицкого продолжала действовать, доставляя немало хлопот полиции и помещикам. III Государственная Дума сделала запрос о «полесском Зелим-хане». Могилевский губернатор получил строжайшее

указание ликвидировать белорусских лесных братьев. Осенью 1908 г. в местности, прилегающей к линии железной дороги между Гомелем и Сновском, была начата полицейская операция. Отряды стражников были введены в местечко Носовичи и деревню Тереховка Гомельского уезда. Постоянные полицейские гарнизоны были установлены в Хоробичах и Городне, в Новом Ропске свирепствовали части Дикой дивизии. За голову Савицкого властями было обещано вознаграждение в 2 000 рублей. Однако партизанскому командиру, благодаря поддержке местного населения, удавалось ускользать от преследователей. Крестьяне звали его «батькой», считали своим заступником и защитником, живым воплощением славы атаманов былой украинско-белорусской казачьей вольницы. Имя Савицкого было окутано множеством легенд, порой самых невероятных. Крестьяне верили, что предводитель лесных братьев неуязвим и для пули, и для шашки. Значительную часть имущества, захваченного во время многочисленных экспроприаций, полесские партизаны раздавали населению. Другая часть средств шла на приобретение оружия и технические нужды подполья, определенные суммы расходовались на поддержку оказавшихся в заключении товарищей. Так, арестованный после неудачного «экса» на маслозаводе П. Ягудин, приговоренный к ссылке в Архангельскую губернию, во время нахождения в тюрьме получил от организации 50 рублей. Вместе с Ягудиным были схвачены З. Гуревич и М. Малкин, но, выпущенные по ошибке, они смогли скрыться. [64; С. 47]

В январе 1907 г. гомельский и петербургский издатель и журналист Н. И. Кулябко-Корецкий писал из Киева в Санкт-Петербург: «Успех шайки Савицкого объясняется тем, [что население], распропагандированное в последнее время на политической основе, сочувствует Савицкому и его шайке, и благодаря этому [ему удается] укрываться во время преследования. Часть же населения враждебно относится к полиции и вообще к властям, а посему не оказывает содействия. О появлении полиции в каком-либо селении Савицкому сообщают, а о месте укрытия шайки Савицкого полиция почти не бывает осведомлена, а население часто направляет полицию на ложный след... В общем, крестьяне считают Савицкого и его шайку своими освободителями от помещиков и полиции...» [66; Л. 16]

В 1908 г. в районе урочища Паломы казачья сотня производила поиск отряда Савицкого. После безрезультатной облавы сотня ушла в село Дубровку, урядник же остановился у приказчика на Шведских Хуторах и был тут же убит Савицким. Очевидно, что партизаны-революционеры действовали, получая от местного населения всю необходимую информацию о передвижении карательных подразделений.

Как уже упоминалось, Александра Савицкого укрывали от преследований полиции и жители старообрядческого предместья Гомеля Монастырек. Здесь, на лесопильном заводе Левитина, действовал рабочий кружок Михаила Кожемякина (убит черносотенцами-агентами полиции в 1906 г.), связанный с организацией партизан-революционеров Савицкого. [69; С. 60]

Продолжать вооруженное противостояние в условиях поражения революции становилось все труднее. В январе 1909 г. был арестован ряд членов

организации партизан-революционеров. Группа полесских лесных братьев, совершив неудачную экспроприацию в Сосницком уезде Черниговской губернии, возвращалась назад. В одной из деревень произошла случайная стычка с местной гуляющей молодежью, выдавшая группу. Последовали аресты. Всего было взято под стражу до 25 активных участников организации и им сочувствующих, обнаружен склад оружия и литературы. Арестованный Осадчий, «причисливший себя к максималистам», показал, что на свободе остались Александр Савицкий, Михаил Гуревич и Слеповский. [70; С. 4]

Полицейское кольцо вокруг подпольной организации сжималось. 23 апреля 1909 г. А. Савицкий с группой из трех партизан совершил нападение на имение Борки арендатора Цирилина в Гомельском уезде. Цирилин отличался весьма скверным отношением к крестьянам. В его хозяйствах в июле 1905 г. уже происходили волнения сельскохозяйственных рабочих, на усмирение которых была направлена карательная экспедиция.

В ходе налета на Борки Савицкий застрелил охранявшего имение наемника-чеченца Газзана, оказавшего вооруженное сопротивление. 27 апреля становой пристав Асмоловский арестовал крестьянина Кабкова из деревни Прудок Гомельского уезда, который уже ранее подвергался задержанию по подозрению в нападении на поезд. Кабков был опознан как участвовавший в нападении на Борки. Допрос Кабкова проводил гомельский полицейский исправник С. В. Мизгайло, отличавшийся чрезвычайной жестокостью. Так, во время одной из облав на гомельской пристани Стефан Мизгайло заставил группу крестьян, возвращавшихся с богомолья и заработков, ползти на коленях несколько сот метров в гору (Киевский спуск) до полицейского управления, беременной крестьянке шашкой отрубил ухо и пальцы. После пыток и истязаний Кабков выдал полиции убежище Савицкого. [66, Л. 17; 29, С. 276, 283]

Рано утром 29 апреля отряд, сформированный из полицейских и кабардинцев, во главе с исправником Мизгайло, прибыл в деревню Красное, что под Гомелем, и окружил двор крестьянина И. П. Пенязькова. В нем укрывался больной малярией А. Савицкий, а также максималист Д. Абрамов (Калугин), учитель с Екатеринославщины, и З. Гуревич. Однако партизаны успели занять оборону и приняли свой последний бой. После четырехчасовой перестрелки Александр Савицкий и Денис Абрамов были убиты при попытке прорвать окружение, З. С. Гуревич застрелился. В Гомеле был арестован еще один участник группы Савицкого — Я. Бирбраер. Хозяин дома крестьянин Пенязьков был осужден на каторгу, его сестра была так сильно избита полицейскими при допросе, что заболела психическим расстройством.

Исправник Мизгайло получил поздравительную телеграмму от лидера правой фракции в Государственной Думе В. Ф. Пуришкевича, и, с разрешения могилевского губернатора, лично представил доклад премьер-министру П. А. Столыпину.

В конце ноября 1909 г. полиция во главе с Мизгайло провела облаву в деревне Васильевка Гомельского уезда. Максималистская группа начала

действовать здесь с 1906 г. Полицейская операция была вызвана, по-видимому, вооруженной акцией партизан в деревне Крупец. В ходе обыска в гумне крестьянина Василия Дубцова было найдено оружие, оставленное здесь ранее Савицким. Лесным братьям Ивану Колбасенко и Юрию Шкедову, укрывавшимся в доме у крестьянина Андрея Васьковцова, удалось ночью выйти из полицейского оцепления и пробраться в село Круговец. Но здесь они были выданы хозяином дома, у которого остановились. Окруженные полицией, партизаны-революционеры Колбасенко и Шкедов покончили с собой. Крестьянин В. Дубцов был осужден в Могилеве заседанием Киевской судебной палаты на 10 лет каторги. Защитником у него на суде выступал член Гомельского комитета партии эсеров Г. Калашников. Дубцов умер от туберкулеза в Рижской каторжной тюрьме в 1911 г. [71; Л.л. 119, 120]

Однако еще некоторое время спустя от имени группы Савицкого продолжали совершаться отдельные выступления, причем как на Гомельщине и Черниговщине, так и далеко за пределами региона. Один из сосланных «за принадлежность к шайке Савицкого» Илларион Кохан бежал с места ссылки в Пермской губернии в Одессу, где принял участие в деяниях, похоже, чисто криминального характера, и был вновь арестован. Анархист из Одессы, Павел Криущенко, бухгалтер по профессии, давно поддерживал связи с организацией Александра Савицкого. Он сам выезжал в район оперирования знаменитого атамана лесных братьев. 20 июля 1911 г. Криущенко организует вооруженное нападение группы из четырех анархистов (кроме него, в нее входили рабочий-плотник Ф. Вишневский, маляр М. Кожевников, слесарь С. Яросевич) на контору «Международной кампании жатвенных машин» в Одессе. В ходе налета было захвачено 3 500 руб. Однако через час после нападения Криущенко был арестован. Он оказал при этом вооруженное сопротивление и ранил полицейского. Судьба остальных экспроприаторов поразительно напоминает последние часы жизни самого Савицкого — на следующий день они были блокированы отрядом полиции в 45 человек в одном из домов в одесском пригороде Слободка-Романовка. Операцию возглавлял городской полицмейстер Херхеулидзе и сам градоначальник Одессы генерал Толмачев. Перестрелка длилась несколько часов, в ходе ее Марк Кожевников был убит, Федор Вишневский ранен, а Станислав Яросевич застрелился, израсходовав все патроны. В октябре 1911 г. Ф. Вишневский был повешен. [16; С. 183,184]

Власти прилагали специальные усилия, чтобы убедить население Гомельщины в ликвидации популярного атамана. Так, в этих целях были опубликованы фотографии убитого Савицкого и его погибших товарищей. Однако вооруженные крестьянские группы на Полесье еще долго продолжали выступать под именем Савицкого. Память о народном герое, «полесском Робин-Гуде», бытовала в регионе многие годы. Так, по воспоминаниям Н. П. Езепенко, любимой темой разговоров молодых рабочих пивоваренного завода помещика Фаца в местечке Носовичи (ныне — Добрушский район Гомельской области) накануне революции 1917 г. были похождения лесных братьев. Имя легендарного атамана Александра Савицкого на долгое время стало символом борьбы с социальной несправедливостью, произволом полиции и помещиков.

3. Анархистское движение Гродненской губернии в 1907 г.

На спад пошло в 1907 году анархистское движение и в его историческом центре — Белостоке, и в других городах. Большой вред наносят ему в этот период полицейские осведомители.

4 января 1907 г. в Вильне был арестован известный анархист И. Гуревич (Знак). 31 января полиция задержала знаменитого Хаима Лондонского — уже упоминавшегося И. Гейцмана. 22 января в Лукишской тюрьме в Вильно был казнен И. Майзель, ранивший околоточного и двух городских. О его расстреле сообщала анархистская пресса. Приговоренный был привязан к фонарному столбу, после чего по нему был произведен залп из 16 винтовок. [29, С. 356, 364, 366; 72, С. 3]

В феврале 1907 г. в Бобруйской крепости были расстреляны А. Г. Малеев и Я. Фейгин, экспроприаторы из гомельской Боевой рабочей дружины (независимые социалисты-революционеры). Об этом писали в анархистских «Листках «Хлеб и воля». [73; С. 7]

12 марта 18-летний рабочий-ткач из Белостока М. Клармаш был приговорен в Минске к четырем годам крепости за анархо-коммунистические листовки на русском и еврейском языке.

В цитадели анархистского движения Белостоке в марте 1907 г., знаменитый М. Шпиндлер (Золотая ручка) и Я. Вассер, мстя за гибель казненного И. Н. Берека-Городовичика, совершили покушение на генерал-лейтенанта Богаевского. Генерал командовал пехотной дивизией, части которой активно участвовали в белостокском погроме. Бомба не разорвалась, и Богаевский не пострадал.

Однако вся полиция Белостока была поднята на ноги. 15 марта 1907 г. полиция вышла на след боевиков, скрывавшихся на конспиративной квартире в районе «Новый Свет», в доме Кулеша. Шпиндлер и Вассер оказали вооруженное сопротивление, третий анархист, не имевший оружия, смог скрыться. Перестрелка продолжалась шесть часов, ранение получил околоточный надзиратель Алексейчук. Когда боезапас иссяк, Шпиндлер покончил с собой (по данным полиции — был убит). Попытку застрелиться предпринял и 18-летний Я. Б. Вассер. Причинив себе тяжелое ранение, он скончался впоследствии. В квартире была найдено три револьвера и прокламация о покушении на генерал-лейтенанта Богаевского. [74; Л. 444] На смерть Макса Шпиндлера, одного из своих самых выдающихся боевиков, белостокские анархисты выпустили некролог. В нем отмечалось, что этот бывший профессиональный вор, познакомившись с идеями анархо-коммунизма, полностью порвал со своим преступным прошлым, в личной жизни отличался чрезвычайной скромностью.

В Белостоке 16 марта 1907 г. И. Н. Белянским был убит заподозренный в сотрудничестве с полицией (возможно, безосновательно) Ф. С. Литвинов.

Гибель М. Шпиндлера и его группы, возможно, стала тем переломным моментом, после которого в деятельности БГАК начинается серьезный спад.

Конечно, не сама гибель нескольких анархистов, пусть и самых активных и решительных, стало тому причиной. Кризисные явления наметились уже во всем революционном движении, причем во всероссийском масштабе. Прежде всего, это было обусловлено тем, что самодержавию удалось устоять. Лавируя между репрессиями и уступками, монархия смогла временно стабилизировать ситуацию. Правда, в самой этой неустойчивой позиции — с явным креном в сторону репрессий — уже было заложено скорое крушение династии Романовых.

Но в тот момент явным и очевидным стал неуспех как умеренной политики тех оппозиционных и социалистических партий, что возлагали надежды на эволюционный процесс в рамках Государственной Думы, так и радикально-бунтарской тактики ультралевых, с их призывом к немедленному, бескомпромиссному наступлению. При этом анархисты-коммунисты находились на самых крайних позициях этого фланга, добавляя к требованиям уничтожения всякой власти еще и свой непримиримый антикапитализм и яростную пропаганду немедленного перехода к коммунистическим отношениям. И они пытались, по своему разумению, продолжать революцию до конца.

В апреле 1907 г. владельцы сапожных мастерских в Белостоке организовали локаут. Уволенные из мастерских рабочие и их семьи были обречены на голод. Организатор локаута М. Лис 13 апреля 1907 г. был убит И. Белянским. Иосиф Белянский, в свою очередь, был арестован и казнен в Варшаве в ноябре 1907 г.

6 июля белостокская полиция взяла М. Х. Вайнтрауба, который, по агентурным данным, участвовал в покушении на полковника Грибоедова вместе с И. Белянским. Во дворе у Вайнтрауба были обнаружены № 3 и 4 газеты анархистов-коммунистов «Хлеб и воля». 8 июля был задержан на улице 18-летний анархист Б. Ш. Елин, при нем было обнаружено две обоймы к браунингу. В сентябре 1907 г. белостокская группа еще активно участвует в стачке сапожников, которая была выиграна. Однако это была одна из последних их крупных побед. Проникшие в организацию провокаторы вскоре в значительной мере парализуют ее деятельность.

Полиции удавалось перлюстрировать часть их нелегальной переписки. Так, было перехвачено письмо, предположительно написанное О. Л. Барнан (16 лет) и С. И. Непракским (17 лет) к «т. Лейбе»: «Мы в Женеве, прибыли силы от группы «Буревестник». Новомирский читает об анархическом коммунизме. Слушаем о марксизме и синдикализме. Получили письмо от С. Шлюммера, он в Париже, хочет приехать к нам. Пришли адрес «Сорки» из Сибири. Что было с Мовшей Философом, где он арестован? Что с Феней? Бурайкина и Сорка». [75; Л. 421] В последующем Лейба, по мнению полиции — «серьезный теоретик анархизма-коммунизма», был арестован в Белостоке на Пивной улице, в доме Шеффера.

В Гродно также в гостинице «Европейская» было совершено покушение на бывшего белостокского полицмейстера Мацкевича. В прокламации, выпущенной от имени «Боевого летучего отряда анархистов-коммунистов «Бунтарь», на него возлагалась ответственность за расстрел рабочих 30 июля

1905 г. и организацию белостокского погрома. На Замковой улице 23-летний рабочий-переплетчик А.-С. В. Глик стрелял из браунинга нарезными пулями в купца К. Фраина за отказ выдать 400 руб.

Спротивление существующему режиму проявлялось и в мелочах. Так, по данным гродненской полиции, принадлежавший к группе анархо-коммунистов И. Б. Голуб во время исполнения официального гимна «Боже, царя храни...» не снял шапки. На замечание генерал-майора князя Бегильдиева он ответил: «Ну, ты, не очень, а то того...» [75; Лл. 693, 694] Впрочем, по другим данным, Голуб, бывший максималист, ни к какой партии не принадлежал, поскольку его отовсюду исключали за «неблаговидное поведение»...

15 сентября 1907 г. в Гродно был задержан анархист-коммунист М. П. Мотыльский. Доставленный в участок без должного досмотра, он выхватил пистолет и открыл огонь. Городовой Гуляев успел схватить оружие стрелявшего, в результате чего произошел перекос патрона, и боевик был обезврежен. Мотыльский участвовал в нападении на помещика Янишевского в Гродно весной 1907 г. В этом же нападении участвовал и Б. А. Шимонович (Симонович, Немка Социализм). Шимонович 16 мая 1907 г. ранил городского на Городничанской улице и принимал участие в «эксе» в Ковно. 15 января Немка Социализм был арестован в Вильно, где был опознан полицейской агентурой по фотографии. Гродненскими анархистами также готовился взрыв стены местной тюрьмы с целью освобождения политзаключенных, но доставляемые для этих целей Д. Х. Адлер взрывчатые вещества были задержаны на станции Ландворово. Тем не менее, как мы уже упоминали, ряд побегов из Гродненской тюрьмы был все же осуществлен.

Группа анархистов-коммунистов действовала в Скиделе, в принадлежности к ней и к участию в «эксах», в том числе у генеральши Руссау, полиция обвиняла Н. И.-Г. Крамера, М. Г. Винницкого, И. М. Ф. Жолта. Несмотря на полицейские репрессии, влияние анархо-коммунистов среди рабочих все еще оставалось достаточно значительным. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что Гродненский и Белостокский комитеты Бунда выпустили специальное воззвание «Боритесь против анархии!» Такие воззвания были обнаружены, вместе со знаменем бундовской организации, в Ружанах при обыске у Ш. Гольдина.

По агентурным данным, в Гродно из Варшавы прибыл анархист Ш. М. Танкусь, поступивший под наблюдение полиции. Согласно переписке Отделения по охране порядка и общественной безопасности Северо-западного края и Гродненского ГЖУ, 31 декабря 1907 в г. Гродно была арестована работница табачной фабрики Шерешевского Рахиль Оберштейн, получавшая письма для гродненского анархиста Шлемки. В Белосток был послан запрос на разработку анархо-коммуниста, некоего И. Зайденвассера, проживавшего с Н. Соловейчик. Помощник начальника Гродненского ГЖУ по Белостоку дал ответ: подозреваемый является И. А. Виторжем (Содевассер), задержанным 4 ноября 1907 г. за вымогательство денег для новобранцев (своеобразный сбор «общака» для молодых солдат).

4. Конференция анархистов-коммунистов Литвы и Польши

Пиком активности анархистов в Беларуси в 1907 г., последнем году отступающей революции, стала конференция анархистов-коммунистов Литвы и Польши. Мы уже говорили, что к 1907 г. прокламации, выпускавшиеся в минской типографии «Безвластие», стали выходить от имени Федеративных Групп анархистов-коммунистов Польши и Литвы (ФГАКПиЛ). Именно таким образом организации анархистов, действовавшие на территории современной Беларуси, Литвы и Польши, предприняли попытку объединиться. 1 июля в Ковно, в гостинице «Петербургская» и на квартире Ф. Фарбер, появились четыре известных полиции анархиста из Варшавы и Лодзи, в т. ч. некто Жения. Незадолго до этого в Вильно и под Ковно были произведены экспроприации. Один из участвовавших в них, по данным охраны, утонул в Немане во время купания. Другой эксист, которому взрывом бомбы оторвало пальцы на руке, нелегально был положен в больницу «Аврум-Ицка». Участвовавший в экспроприации купца Вайнермана под Ковно анархист Молочников был арестован полицией, при этом у него было изъято семь браунингов.

Характерно, что, несмотря на непрестанное наружное наблюдение со стороны филеров, многие боевики из дружин революционных партий и организаций соблюдали своего рода «дресс-код» и продолжали щеголять в своеобразной униформе того времени — черных рубашках, черных фуражках и т. д.

Повестка предстоящей конференции в Ковно была сформулирована следующим образом:

«1) Экспроприации; 2) Отношение к экспроприаторским и комбинаторским группам (группы, которые производили грабежи, оставляя деньги в свою пользу); 3) Отношение к фракции безначалия; 4) Отношение к партизанскому выступлению; 5) Об антибуржуазном терроре; 6) Отношение к всемирному интернациональному конгрессу анархистов-коммунистов; 7) О профессиональных союзах; 8) Об установлении прочных связей с заграничными группами; 9) Внутренняя организация групп; 10) Общая федерация всех групп анархистов-коммунистов Польши и Литвы; 11) Выработка плана созыва всероссийского конгресса анархистов-коммунистов; 12) Установить непрерывную связь с Южной федерацией (юг России и Кавказа, недавно был съезд этой федерации вблизи Тифлиса).

Некоторые участники этой конференции участвовали в эксе в Тифлисе. О пропаганде среди войск и крестьян, об организации летучего отряда до тридцати человек, разведка перед крупными эксима, испытанные боевики-практики и интеллигенты». [76; Л.л. 676, 676об] Именно такая повестка предстоящей конференции была зафиксирована в Привислинском районном охранном отделении согласно донесению осведомителя.

В качестве запасного места для проведения конференции было намечено Гродно: в дачном месте Ласосно или в здании рядом с Государственным банком. В Гродно за ее проведение, видимо, отвечал некто Бакунин, проживавший у работницы табачной фабрики Шершевского Гожанской.

На конференцию из Белостока должен был прибыть Мейшке (Арон-Буржуа), «крупный боевик», с особой приметой — отсутствием пальцев на руке. Все участники конференции будут иметь при себе оружие.

Следует отметить, что т. н. «комбинаторы» — это расплывшиеся на излете революции группы экспроприаторов, «комбинировавшие» добытые в ходе налетов средства — часть денег они оставляли себе для личного пользования, другую часть отдавали анархистам и другим революционным группам. В рядах комбинаторов были и бывшие идейные анархисты и социалисты, и партийные «нелегалы», брошенные в условиях разгрома своих комитетов на произвол судьбы, и просто уголовные, прикрывавшие обычные грабежи модным анархизмом и даже использовавшие его грозное тогда имя в своих криминальных целях. Об этом — чуть ниже... Распространенность подобной практики заставило конференцию идейных анархистов заняться специальным рассмотрением этого вопроса.

В конференции приняли участие 50 делегатов от групп в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродно, Ковно, Вильне, и, возможно, Минске. От имени Федеративных групп анархистов-коммунистов Литвы и Польши конференция приняла обращение «...Ко всем рабочим!»:

«Мы понимаем под анархией не разрушение, но и оно бы было лучше, чем современный строй.

Анархия рождает смелость, инициативу, энергию, свободу и т. д. — позитивная сторона разрушения.

Русская революция — последний урок для рабочего, идущего ранее с буржуазией.

«Да, благодаря революциям, рабочие узнали демократию...»

Но в юное анархическое движение вкрались некоторые ошибки. Их надо исправить...» Далее в обращении высказывались следующие положения:

«1) Против разрозненности, призыв к образованию федерации всех групп ради планомерной деятельности.

2) Против мелких экспроприаций, ведущих к растрате материальных и моральных сил, за крупные экссы, организованные «федерацией всех групп» в казенных и частных учреждениях. Только федерация может их организовать и целесообразно и экономно израсходовать средства.

3) Социал-демократы борются с анархистами провокаторскими методами, не имея возможности бороться идейно — разъяснять это массам, а в более серьезных случаях — принимать меры, как против провокаторов.

4) Борются путем пропаганды против профсоюзов в любой форме, как против опасного и хитрого средства буржуазии для свращения рабочего с его революционного пути на путь компромиссов и сделок, затемнения его классового революционного сознания.

5) Экссы продуктов только в массовой организованной форме при всеобщей стачке, локаутах, безработице, отвергать всякую филантропическую помощь буржуазии и др. политических партий, развивающие нищенскую психологию и убивающие революционно-активную борьбу».

[75; Л. 472]

Из повестки конференции анархистов-коммунистов Литвы и Польши и их обращения следует, что накопленный опыт, в т. ч. и негативный, заставил анархистов отказаться от прежней установки на полную спонтанность и стихийность масс, абсолютизацию самостоятельности своих групп, а то и отдельных индивидов. Практика революции заставила признать необходимость общей организации. Например, делегируя только «федерации всех групп» право на экспроприацию, анархисты в этом вопросе теперь уже ничем не отличались от социалистических партий. То есть просто возвращались на ту же позицию, которая некогда стала одним из камней преткновения в их разногласиях с теми же партийными комитетами. Но все же в большинстве случаев анархо-коммунисты из ФГАКПиЛ по-прежнему оставались сторонниками крайнего догматизма — например, там, где речь шла о непризнании профсоюзов в любой, даже нелегальной форме. Определенный налет нищезанятости и индивидуалистического бунтарства сказывался и в том месте, где вообще разрушение признавалось «...все же лучшим, чем современный строй».

Тревожным был мотив о том, что с социал-демократами допустимо бороться теми же средствами, «как и с провокаторами», т. е. вооруженным путем. Впрочем, социалисты-государственники платили той же монетой. Как мы уже отмечали, в период же революции 1905 — 1907 гг. локальные вооруженные столкновения между ними тоже имели место, в т. ч. в Польше, и в особенности на Кавказе. В будущем же подобная конфронтация привела к тяжелым последствиям для обоих лагерей. Впрочем, существует мнение, что данный пункт обращения Федеративных Групп был продиктован полицейским провокатором.

Как бы там ни было, но провокация сгубила анархистов. Реальных возможностей для воплощения в жизнь решений конференции в Ковно уже не было. Сразу же по завершению работы конференции почти все ее участники были арестованы.

Массовые аресты прошли в разных местах. В Белостоке в июле 1907 г. полицией были взяты анархо-коммунисты Ю.-Л. Штейн, И. Л. Захарович (отправленные этапом на родину), Л. А. Кремер (передан виленской полиции), рабочий-пекарь Ц. Г. Капланский (обвинялся в участии в «эксах»), Н. Я. Тыш (Невзоров), В. А. Яблонин, Б. Л. Левин, Ш. Ш. Лев-Шинкевич, М. М. Иосем. В сентябре были задержаны Я. З. Крепляк, бежавший из Финляндского артиллерийского полка, С. Т. Терещанская, И. Т. Каменецкая, Х. А. Гурвич, Р. А. Шустер-Нишкин и М. Х. Брамзон. В октябре арестованы Г. Л. Турек, С. М. Кобринская, А. Л. Курлянская, Б. М. Крамер, Б. Ш. Шахмейстер, Ф. Б. Копита, Ш. М. Александрович. При последних арестах были изъяты автоматические пистолеты браунинг и маузер, и печать Боевой группы анархистов-коммунистов.

Полицией были задержаны также два немецких анархиста и один бельгийский подданный, везшие ФГАК приглашение на международный анархический конгресс, намеченный на август 1907 г. в Амстердаме. [76; Л. 677] Упомянутый в этом донесении тайного агента варшавской полиции «бельгиец» — очевидно, анархист и поэт Август Ватерлооз (Сенна Гой), уроженец Австрии, инженер по профессии, автор нескольких сти-

хотворных сборников. Накануне в Брюсселе состоялась конференция, посвященная подготовке всемирного конгресса анархистов в Амстердаме, в которой Ватерлооз принимал участие. В Российскую империю Сенна Гой выезжает по приглашению провокатора Абрама Гавенды (Абраши). [25; С. 183] Есть все основания утверждать, что именно последний и был причастен к освещению для Привислинского охранного отделения конференции ФГАКПиЛ в Ковно и последующему провалу ее участников.

Во всяком случае, полицейский агент доносит, что «бельгиец, способный интеллигент», и другие анархисты, хотят убить в Ковно генерала Неллюева. На самом деле Ватерлооз, прибыв в марте 1907 г. в Варшаву, будучи чистым интеллектуалом, занимается теорией и пропагандой. Однако группа нуждается в деньгах (возможно, на проведение конференции анархистско-коммунистов Литвы и Польши). Ватерлооз по ее поручению устраивается чертежником на фабрику Познанского в Лодзи, идет на «экс». Схваченный казаками, он был жестоко избит нагайками.

17—19 сентября 1908 г. в Варшаве состоялся суд над 24 анархистами, членами ФГАКПиЛ. Сенна Гой был приговорен к 15 годам каторги. Трое подсудимых были оправданы, остальные получили от четырех до 15 лет каторги. [10; С. 645] Ватерлооз сидел в Варшавской крепости и в знаменитых Бутырках. Не желавший подчиняться тюремщикам, А. Ватерлооз был доведен ими до сумасшествия и скончался в заключении.

Что касается международной деятельности анархистов из Беларуси, то еще в начале весны 1907 г. из Белостока и Минска в Берлин выехали четыре молодых человека и одна женщина, по агентурным сведениям — для покушения на германского императора Вильгельма II. [10; С. 645] По сути, это была попытка исполнения высказанного еще белостокчанином В. Лapidусом (Стригой) плана интернационального террора. При содействии Ватерлооза часть из «международных анархистов» поселилась в Шарлоттенбурге. Однако ехавшие на соединение с ними из Вильно еще два белостокских боевика вступили в случайную перестрелку с немецкими полицейскими, один из них при этом был убит.

Однако в международном анархистском конгрессе, состоявшемся в конце августа 1907 г. в Амстердаме, делегаты из Белостока участие все же приняли. Белосток был одним из четырех регионов Российской империи, представленных на этом конгрессе. Персонафицировать точно делегатов пока не удалось, возможно, Белостокскую Федерацию представляли анархист Каминский или Марголин. [77; С.17]

Тем не менее, минская группа еще продолжала активно действовать. По некоторым данным, в Минске в августе 1907 г. даже предполагалось проведение анархистского съезда. Летом 1907 г. в Друскиненкай из Минска выехала анархистка Соня, по прибытию она проживала совместно с сестрой некоего Профессора, который, по данным полиции, являлся «главным руководителем анархистов Северо-Западного края». 2 августа в Друскиненкай прибыл и М. Ш. Выгодский, уроженец Слуцкого уезда, «опытный бомбометатель». Полиция предполагала, что он должен выехать в Вильно для совершения крупного террористического акта.

5. Послереволюционные годы: рост комбинаторства, торжество репрессий

Спад революции не лучшим образом отражался на психологическом состоянии некоторых ее участников. Что касается пресловутых комбинаторов, то их ряды в это время продолжали расти. К стати говоря, уж не от них ли позаимствовал отчасти свое громкое имя и «Великий Комбинатор» Остап Бендер? Ведь авторы бессмертного романа были вскормлены одесской субкультурой, круто замешанной на похождениях таких известных анархо-комбинаторов, как Мишка Япончик (Моисей Винницкий), Григорий Котовский и другие. В то же время, даже в рядах самих комбинаторов происходило размежевание на «идейных» и безыдейных. На определенный налет «идейности» в это время все еще продолжали претендовать возникавшие по всей России экспроприаторские группы с эффектными названиями типа «Черный Ворон», «Мстители», «Красная Рука», «Террористы-резервисты» и т.д.

В Гродно также действовала Революционно-террористическая группа «Черный Ворон». Еще 22 сентября 1907 г. полиция доносила, что по делу о нападении на квартиру торговца Копроха были арестованы анархисты-комбинаторы М. Ю. Каллан и Д. Я. Кравчик. Очевидно, что ввиду высокой активности конкурирующих групп, гродненские «Черные Вороны» были вынуждены принять заявление о том, что их имя используют в своих целях темные личности, что они не имеет ничего общего с группами «Самооборона» и «Террористы». Группа также обещала непримиримую борьбу против шантажа, в которой не остановится ни перед какими мерами. [40; Л. 236] Как указывается в переписке начальника Гродненского ГЖУ, «Черные Вороны» откололись от анархистов из-за отсутствия работы и «лиц, могущих вести группу». По-видимому, группа «Черных Воронов» была сильно деморализована — там торговались при «эксах», спорили из-за денег, вследствие чего у них произошел еще один раскол — от «воронов» отделилась «Гродненская группа террористов». Начальник Гродненского ГЖУ в марте 1908 г. обещал Департаменту полиции и начальнику Охранного отделения, что по разработке агентурой сведений группа будет ликвидирована. У комбинаторов не было даже достаточного количества вооружения — прежде всего потому, что большая часть денег шла не на закупку оружия и литературы, как в организациях идейных эксистов, а на личные нужды ее членов. После ареста в июле 1908 г. трех видных «черных воронов» — Понемунского, Марата и Кулика — группой было послано еще два-три «мандата» — письма с требованием выплаты денег. Однако на этот раз вымогательство не удалось, и члены группы разъехались. Один из «воронов», И. Ольховский, был арестован в Белостоке. К ноябрю 1908 г. деятельность «Черных Воронов» и «Террористов» полностью прекратилась.

Как представляется, весьма объективную характеристику сложившейся ситуации дает письмо видного анархиста «Саши Шлюмпера» — Самуила Бейлина. Письмо было отправлено в сентябре 1907 г. из Варшавы

в Женеву для «Густава» (известного анархиста К. М. Эрделевского) и перехвачено полицией агентурным путем. Шлюмпер пишет: «Был «болен», «выздоровливаю», в Варшаве — симптомы холеры, боясь заразы, нахожусь в сером, скучном Гродне.

В Одессе — босячество в полном смысле, нет ничего идейного, их экспроприации доходят до кражи ботинок и т.д... Хорошие тт. отстали от работы. В Екатеринославе группа распалась, провокация. [С. Н. Бейлин прибыл в Беларусь из Екатеринослава — Ю. Г.]

Киев — вообще ничего нет, за исключением Германа [Г. Б. Сандомирский — Ю. Г.]. Бердичев — ни единого. Житомир — то же самое, так же Нежин и т. д. Теперь коснусь запада и Польши, где я в последнее время живу, или, иначе говоря, умираю. Начну с Гомеля Мл. Встретил парней, у которых, кроме экспроприаций и покупки себе за эти деньги фрачных костюмов и золотых часов, нет ничего другого. Проституция среди наших развита до невозможности... Гродно — шайка из четырех человек, настоящих хулиганов. Нет идейного на экспроприации 13 копеек. Нет революции, а только разбойничество, за исключением некоторых, которые находятся в моем предприятии. В Белостоке в буквальном смысле никого нет, осталось одно мелочное. Ужас, что стало с нашим историческим Белостоком, который проглотил столько молодых лучших сил. Ужас, когда присматриваешься ко всему, что там творится... Ковно — вся группа находится под руководством охранного отделения, так что не требуется больше, что бы говорить о ней. Вильно — группа комбинаторов. Ходят по лавкам и требуют по 10 руб., а в случае отказа бросают вправо-влево петарды. Минск — ни единого человека. Так же и вся провинция. В Варшаве — ничего нет. В Лодзи — то же самое, но в Лодзи нет возможности работать из-за отсутствия денег, что и нужно нам достать...

Многие за то, чтобы отмежеваться от грязи, что прикрывает нашим флагом. Я думал, что можем смело заявить, что у нас ничего нет, что это не Анархизм...»

Далее Шлюмпер задается вопросом — стоит ли теперь умирать? Стоило ли стольким погибнуть? Однако он делает последние усилия: «Окружил себя хорошими мальцами... Задаю и вам вопрос — что делать? Читайте мое письмо всем отъезжающим в Россию...»

Кончаю, ибо сейчас у меня находится целая куча несчастных хороших работников, и мы должны толковать: жить или не жить. Ох, как хотелось бы мне жить. Я бы умер довольным, если бы знал, что осталось хорошее. Умрем все равно, придется...»

Тяжелые ноты, звучащие в конце письма, были до определенной степени пророческими... 2 ноября 1907 г. Саша Шлюмпер был арестован в Гродно. В поле зрения местной полиции он попал через выслеженного белостокскими филерами анархиста Ю.-Л. Э.-М. Штейна.

К письму было приложение: «Густаву» от «Давида» («Давид» — очевидно, один из лидеров российского анархо-синдикализма, Д. И. Новомирский). «Приветствую вас с «сей стороны добра и зла». Ну и «добро» же здесь. А «зло» еще почище будет. Не только что «переоценка ценностей», а «переоценка...» [76; Л.л. 975, 976]

Употребляемые в письме фразы «болел», «выздоровливаю» носят характер конспиративного жаргона и означают, скорее всего, что Саша Шлюмпер попал в поле зрения агентов полиции, но все же (как ему казалось), смог уйти из-под наблюдения. Весной — летом 1907 г. в Варшаве и других городах края, как мы уже отмечали, вследствие провокации («холеры») произошли крупные провалы. Однако все письмо пронизано неким болезненным ощущением. И дело не только в смертельной, в буквальном смысле слова, усталости человека, постоянно балансирующего на грани жизни и смерти. Не только полицейские репрессии, но и сама действительность нанесла тяжелые удары по утопическим представлениям теоретиков анархизма. И последнее переживалось ими особенно тяжело. Впрочем, в письме просматривается не только обостренная реакция принципиального идеалиста, не желающего мириться ни с какими отклонениями от «должного». Взгляд С. Н. Бейлина на ситуацию все же не теряет оптимизма — как бы ни было кругом все плохо, но ему удалось собрать вокруг себя лучшее, «хороших мальцов», «несчастных хороших работников» и т.д. Анархическое движение, хоть и переживало период тяжелого кризиса, но все еще продолжало оставаться серьезным фактором на революционной сцене.

Жизнь самого Самуила Бейлина является поразительным примером бескомпромиссного следования своим убеждениям до самого конца, невзирая ни на что. В 1903 году Бейлин присоединился к Партии социалистов-революционеров, был членом боевой дружины, участвовал в ликвидации провокатора. Он был арестован в Бердичеве, но совершил побег из тюрьмы, скрывался в монастыре. После этого эмигрировал в Англию, где присоединился к анархистам-коммунистам. Вернулся в Россию, вел агитацию в Екатеринославе на Брянском заводе, отличался крайней смелостью, в одиночку разоружая полицейских на Чечелевке. В декабре 1906 года в Киеве готовит покушение на генерал-губернатора Сухомлинова. Однако в купеческой гостинице на Подоле, где размещалась боевая группа и хранились взрывчатые вещества, произошел взрыв. Самуилу Бейлину и анархистке Лине Слуцкой (Краснощековой) удалось скрыться. Бейлин уезжает в Одессу, потом — в Екатеринослав. После покушения на помощника директора Брянского завода Милова (за массовое увольнение рабочих) был задержан, но сумел вырваться из рук полиции, и, отстреливаясь, скрылся. В апреле 1907 года в Екатеринославе была арестована уже упоминавшаяся Ида Зильберблат (Ида, Ира, Соня), анархистка из Белостока. Впоследствии она оставит опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» воспоминания о Саше Шлюмпере. А тогда Самуил Бейлин готовит побег содержащимся в Екатеринославской тюрьме анархисткам Иде Зильберблат, Юлии Дембинской, Лине Слуцкой (Краснощековой) и другим женщинам-революционеркам. Однако освободить их не удалось. После этих событий Саша Шлюмпер и прибывает в Беларусь. Как уже упоминалось, гродненской полиции удается захватить его — 2 ноября 1907 года Самуил Бейлин был арестован ночью, спящим. Бейлин содержался в киевской крепости закованным в ножные и ручные

кандалы, но все равно он предпринимает попытку побега, на этот раз — неудачную. 26 января 1909 года в Екатеринославе, Харьковской судебной палатой С. Н. Бейлин был приговорен к 8 годам каторги. Многие обвинения против него не удалось доказать, но в Екатеринославской тюрьме и Орловском каторжном центре Сашу Шлюмпера систематически подвергали жестоким избиениям и пыткам. Изувеченный, но так и не покрившийся тюремщикам, Самуил Бейлин был доведен истязателями до сумасшествия и погиб в Орловском центре 4 апреля 1915 года.

На излете первой российской революции анархистская теория и тактика подвергается критике с самых разных сторон — от марксистов разных толков до либеральных деятелей и различных националистов, включая еврейских. Сионист А. М. Гольдштейн писал, что «еврейская кровь — смазочное масло на колесах революции и контрреволюции». Соответственно было и его отношение к евреям, в нем участвующим. Особое неудовольствие у Гольдштейна вызывали анархисты, по его мнению, только что и занимавшиеся мелкими «эксами». Он описывает случай, когда два молодых анархиста в Белостоке со словами «Mir expropriieren die Wurst» забрали в лавке два фунта колбасы. По словам этого еврейского деятеля, в анархо-экспроприаторы якобы шли, когда не было денег на женитьбу, на открытие лавочки и т. д. Неприятие анархизма со стороны видного сиониста Гольдштейна, возможно, объяснялось, очевидно, еще и тем, что, как мы уже упоминали, белостокские анархисты еврейского происхождения проводили свои «эксы» исключительно у представителей еврейской буржуазии — основной опоры сионистского движения. [78; С.28] «Анархисты бесстыдно стали совершать налеты на частных людей в квартирах, вязать и грабить. При малейшем сопротивлении они стреляли (одной женщине прострелили руку). В городе началась паника, и перепуганные обыватели начали совещаться, как бы положить конец этой анархии», — писали также и бундовцы. [79; С. 238] О совместной борьбе с анархистами намеревались вести переговоры с Бундом и еврейские националисты из Союза для достижения полноправия еврейского народа в России.

Как мы уже неоднократно упоминали, для борьбы с эпидемией разного рода грабительства националистические и социалистические организации применяли жесткие методы. Мы уже говорили о действиях подобного рода со стороны организованных лодзинских рабочих. В той же Лодзи рабочие фабрики Гейерова потребовали от безработного Владислава Гоздинского, чтобы он прекратил заниматься бандитизмом. Однако Гоздинский, не имея работы, по-прежнему продолжал совершать кражи. Рабочие вывели Гоздинского в поле и расстреляли. [80; С. 3] Правда, в газетном сообщении не указывается, кто были эти «рабочие с фабрики Гейерова» — бундовцы, члены одной из фракций ППС или черносотенцы-боевики из польского Национального Рабочего союза? Симпатии анархистов были бы скорее на стороне этого безработного экспроприатора. Хотя часть из анархистов к этому времени уже начала выступать за очищение своих организаций от рововского элемента.

Присоединение к анархистским и им подобным группам случайных «попутчиков» выглядело иной раз просто курьезно... В сентябре 1908 г. двинский полицмейстер доносил, что два молодых еврея намерены бросить разрывной снаряд в мануфактурный магазин купца Менделя Иоффе, отказавшегося исполнить их требования о выплате назначенной суммы. В магазине была устроена полицейская засада. Однако «мандатчики» спорили до восьми часов вечера, зайти ли в магазин с бомбой или с револьверами. В итоге мануфактурный магазин закрылся.

30 сентября тайный агент полиции явился и сказал, что в шесть часов вечера будет брошен снаряд в магазин Иоффе. Вновь была устроена засада. Однако два предполагаемых бомбиста, решив выпить для храбрости, сильно захмелели, и их не решились отпустить со снарядом. 1 октября осведомитель сообщил, что взрывное устройство установят у двери, и оно будет взорвано, когда в ней появится Иоффе. И опять полицией была организована засада. В результате были задержаны два молодых человека с подозрительным предметом в руках, один из них, пытавшийся бежать, был ранен в ногу. Арестованными оказались 19-летний М. Риц и 20-летний М. Кац, изъятую у них бомбу изготовил 21-летний Ш. М. Иголь, мастер из американских магазинов швейных машин и велосипедов. Письмо с требованием денег писал 18-летний И. Б. Цирен. Письмо было следующего содержания: «Господину Иоффе. Мы, анархисты-коммунисты, являемся к Вам во второй и последний раз и заявляем Вам, что мы говорили с Вашим человеком, но из этих разговоров ничего не вышло. Посему мы требуем от Вас, чтобы Вы завтра 24 сентября явились на то же самое место в три часа дня и дать нам точные ответы или отказ. Придти Вы должны один, а за неприкосновенность Вашу мы отвечаем; если же Вы не появитесь, то мы это будем считать за отказ и мы вынуждены будем принять наши меры, кои причинят Вам больше вреда, чем мы от Вас требуем, и тогда Вы дадите. Наша группа А. К.» У Иоффе требовали 200 рублей.

Вполне очевидно, что эта «наша группа» являлась шайкой обычных вымогателей, с идейным анархизмом ничего общего не имевших. В январе 1909 г. в Двинске Витебской губернии денежную сумму в размере тех же 200 руб. требовали у владельца магазина А. Бахраха. Вымогатели 15 января выстрелили в окно магазина, выстрел был произведен и в жену владельца заведения, С. Бахрах. Полиция все же уговорила упорно отказывавшегося идти на встречу с «мандатчиками» Бахраха, якобы страдавшего сердечными припадками, вступить с ними в контакт. На переговоры явилось четыре человека, принявшихся торговаться с владельцем магазина и стоворившихся в итоге на 100 рублях. Все они были задержаны полицией во главе с начальником сыскного отделения Дунаевым. При этом оперативные приемы полиции были заимствованы почти что из авантюрного романа — начальник сыскного отделения находился в магазине в женском платье, и когда стоявшие «на стреме» вымогатели стали убегать, выхватил из-под юбки маузер и принялся стрелять в воздух. Все четверо были задержаны — 25-летний М. Курлянд, 19-летний Р. Гиндин, 18-летний Л. Сергин, 20-летний

Ю. Данцик. Полиция пришла к заключению, что все они являются простыми грабителями. Тем не менее, их, как и привлеченных по делу Иоффе, передали военному суду со всеми вытекающими отсюда последствиями. Приговоренные Виленским военно-окружным судом по двум этим делам получили сроки каторжных работ от четырех до 12 лет. [81; Л. 2]

В мае 1908 г. в тюрьме города Режица Витебской губернии находился Я. Г. Цейтлин, уроженец Шклова, и Х.-Л. А. Хаитов, обвиняемые в хранении «оболочки для бомб и воззваний партии анархистов-коммунистов». Переписка витебского полицмейстера с губернатором дает любопытные свидетельства того, насколько запутанный и неясный характер носила иной раз и для самой охраны ее собственная провокация: «Вместе с тем ДП, по приказу Господина Товарища Министра ВД сенатора Макарова, уведомляем Ваше Превосходительство, что... Хаитов состоит, по-видимому, тайным агентом при Витебской полиции; между тем, по этому делу он оказался заведомо ложно донесшим на Цейтлина, и, таким образом является весьма неблагонадежным агентом, если таковым в действительности состоит...» И чуть позже: «...Хаитов состоял частным, а не официальным агентом при заведующим сыскной частью г. Витебска с 10 мая по декабрь месяц 1907 г., в настоящее время агентом не числится, и где находится, неизвестно». [82; Л. 1]

17 сентября 1909 г. из Ковенской тюрьмы в Двинск на два года под гласный надзор полиции «за принадлежность к партии анархистов-коммунистов» был выслан по этапу А. С. Винокур. Такой же срок гласного надзора полиции, с проживанием в «черте оседлости», за исключением Могилевской губернии, 16 июля 1909 г. был назначен и «изобличенному» в связях с группой анархистов-коммунистов витебскому мещанину М.-Я. Найхину. [83, Л1; 84, Л. 1]

Полицейские репрессии продолжали выкашивать еще оставшихся на свободе участников безвластнического движения. В ночь на 1 марта 1908 г. в Вильне был арестован 19-летний анархист Ш.-И. Руг, у которого были изъяты гродненские адреса. По ним полицией в Гродно были произведены аресты ряда эсеров и анархистов, в т. ч. в аптеке Клиновкейна — известного анархиста Малаховского. [40; Л. 222]

По данным полиции, в 1908 г. кассиром Гродненской группы анархистов-коммунистов являлась Ф. Бунович (Люба, Феня). Анархисты Вигдор, Анта Новик (из Заблудова Гродненской губернии) скрывались на нелегальном положении. «Вигдор» — В. В. Заблудовский — уехал в Париж, а затем в Женеву, где вступил в группу «Бунтарь», работал в типографии «Интернационал». По поручению Боевой Интернациональной группы анархистов-коммунистов он получил 900 руб. на закупку оружия, которое должен был доставить в Екатеринбург.

В 1908 г. аресты были произведены среди членов анархистской группы в местечке Семятичи, которые, как мы уже указывали выше, были глубоко законспирированы и, по свидетельству полиции, «открыто себя не проявляли». В Семятичах полиция арестовала Ш.-С. Седельник, в местечке Высоко-Литовск — М. Черняк. [40; Л. 810]

Полиция старалась держать под контролем все перемещения оставшихся на свободе анархистов. Так, из Петербурга в Гродно в июле 1908 г. прибыли

две анархистки, сестры Гельберг, связанные с покушавшимся на полковника Грибоедова максималистом Длугачем. Одну из них, Соню (Симу), полицейская агентура описывала как «мускулистую». Сестры Гельберг ранее были связаны с партией эсеров. При обыске у них были обнаружены письма видной максималистки А. Каган. В Гродно полиции удалось установить их связь с анархистом И. Бурде, со студентом Кенигсбергского университета Гренским, с Х. И. Дяткиным. [40; Л. 859]

Несмотря на то, что с 1908 г. деятельность анархистских организаций, обескровленных полицейскими провокациями и арестами, резко пошла на спад, леворадикальное подполье еще предпринимало попытки активизироваться. 29 июля 1908 г. на станции Новогрудок Полесской железной дороги боевой группой смешанного партийного состава была предпринята попытка экспроприации. Рано утром, во время остановки поезда с суточной вырочкой железной дороги группа в 20 человек обстреляла поезд. При этом в багажный вагон была брошена бомба, взрывом которой был убит командир группы. Пострадали также машинист и несколько пассажиров. Среди арестованных по этому делу был Э. Г. Добковский, по данным полиции — член «партии анархистов-максималистов». [85; Л. 648] Вскоре он был приговорен к повешению Виленским военно-окружным судом. По конфирмации от 10 апреля 1910 г. смертная казнь была заменена Добскому бессрочной каторгой. Находясь в заключении, Добский начал давать некие показания о якобы готовящемся покушении на великого князя Константина Константиновича и великого князя Михаила Александровича, а также на двух высокопоставленных чинов администрации Северо-Западного края. Целью данного сообщения было, скорее всего, смягчение наказания (или создание условий для побега). Однако все эти сведения, от начала до конца, оказались вымышленными. Поскольку Добский не показал ни на кого конкретно, Департамент полиции заявил, что в его показаниях не нуждается.

В январе 1909 г. начальник Виленского ГЖУ сообщал начальнику Гродненского ГЖУ, что в Брюсселе на собрании анархистов-коммунистов присутствовали члены боевого отряда, некие Сипягин и Македонский. Там было принято решение организовать серию экспроприаций силами как заграничных анархистов, так и групп в самой Российской империи. В связи с этим велись переговоры с анархистскими организациями Гомеля, Бреста и других городов, от которых и ждали окончательного ответа. Деньги, взятые на этих «эксах», планировалось употребить для организации Интернационального бюро в Бельгии, в Льеже устроить типографию и издание органа «Пролетарий будущего». [74; Л. 7] О дальнейшей реализации этих замыслов мало известно. Можно только предположить, что активность революционеров-партизан А. И. Савицкого на Гомельщине в первой половине 1909 г. имеет какое-то отношение к данным планам. Существуют косвенные свидетельства того, что Александр Савицкий тоже выезжал за границу. Возможно также, что разгром группы Савицкого гомельской полицией в апреле 1909 г. сорвал выполнение этих экспроприаций.

В последующие годы деятельность анархистов, как и других крайне революционных организаций, носила эпизодический характер. 4 сентября

1910 г. в местечке Креславка Двинского уезда был арестован мещанин М. Б. Залгалер (Яков), анархист. Он содержался в Двинской тюрьме, в дальнейшем был переведен в Виленскую губернскую тюрьму. 17 апреля 1915 г. циркуляр по ДП МВД сообщал, что проживающий за границей анархист С. М. Певзнер, уроженец Могилевской губернии, намерен прибыть в Россию. По прибытию за ним предлагалось учредить как филерское (наружное), так и агентурное (внутреннее) наблюдение [86; Л. 204]

Однако уже в годы, непосредственно предшествующие Первой мировой войне, в рабочем и революционном движении, в т. ч. и в анархистском его сегменте, наблюдается значительное оживление.

В конце 1912 г. в Белосток вернулся из Америки В.-Д. Э.-Г. Дорошинский, эмигрировавший в феврале 1908 г. По возвращению им были установлены связи с анархистами Ш. М. Гойзенбергом (Шлемкой Бердичевским) и Я. И. Тышлерманом (Лялькой). Дорошинский в прошлом принадлежал к максималистам и участвовал в подготовке покушений на коменданта станции Белосток полковника Шретера и жандармского подполковника Грибоедова. В ночь на 25 февраля 1913 г. Дорошинский был арестован. [87; Лл. 1, 10б]

В 1914—1915 гг. группы анархо-синдикалистов действовали в Витебске и Могилеве. В Витебск бежал из ссылки анархо-синдикалист из Одессы Л. Г. Симанович, где под кличкой Семен Вагач он работал как организатор нелегальных профсоюзов. В 1915 г. такую же работу по созданию Союза боевых организованных рабочих он проводил в Могилеве и Одессе. Был арестован и осужден в Одессе 17 марта 1916 г. [30; С. 509] Надо сказать, что в период назревания нового революционного подъема в начале 1910-х гг. именно профсоюзная, анархо-синдикалистская деятельность, очевидно, как более конструктивная и результативная, стала приходиться на смену анархо-коммунистическому бунтарству и боевизму эпохи 1905—1907 гг.

В это время социал-демократы и другие социалисты, используя вырванные у абсолютистского режима частичные уступки, наращивают легальную и полуполегалную деятельность в рабочих профсоюзах, прессе, различных общественных организациях — условий для радикальной анархистской тактики стало значительно меньше. В тот период имеют место также и проявления христианского анархизма — деятельность последователей Л. Н. Толстого. В частности, толстовские взгляды в Гомеле и Рогачеве в 1909—1912 гг. проповедовали А.-М. Кузнецов и С. Хавкин. [88; Л. 83]

В целом в условиях революции 1905—1907 гг. и последующего периода в Беларуси достаточно ярко проявились все как сильные, так и слабые стороны анархического движения. Сам по себе анархизм действительно был во многом реакцией на реальные и мнимые недостатки в деятельности социалистических партий — на присущие части их руководства умеренность и склонность к компромиссам с буржуазией, на догматизм, централизм и засилье интеллигенции в партийных комитетах. В результате именно своей радикальной критикой реформизма анархо-коммунизм смог привлечь к себе значительную часть бывших эсеров и социал-демократов, прежде всего — рабочих и молодежь. Именно рабочие — выходцы из социалистических партий и составляли ядро

анархистских организаций в период их первоначального становления. Боевая тактика анархистов, их присутствие во всех повседневных конфликтах с работодателями, демократизм в принятии решений на уровне организаций — все это смогло привлечь на сторону безвластного движения симпатии значительной части пролетариев. Несомненно, особо привлекательным выглядел и романтический идеал анархо-коммунизма — немедленное наступление всеобщего равенства и свободы, совершенное и гармоничное общество, где не будет места никакому угнетению и принуждению.

Однако в скором времени выявилась и обратная сторона анархического проекта. Анархистам не удалось приблизиться к своей идеальной модели — от реальной жизни ее отделило порядочное расстояние. Более того, народные массы, к самоорганизации и сознательности которых они апеллировали, зачастую своеобразно воспринимали анархический идеал. После того, как лучшие и идейные кадры анархизма погибли на виселице или оказались на каторге, безвластные организации заполонил люмпен-пролетариат, нередко смешивавший анархизм с разбоем и вымогательством.

Психология анархиста этого периода — тема отдельного исследования. Значительное внимание обращает на эту проблематику современный российский историк Дмитрий Рублев. [89] С нашей точки зрения, при том, что появление анархистского движения в Беларуси в начале XX века было обусловлено, прежде всего, экономическими, социальными и политическими факторами — такими, как развитие капитализма, вызванный этим глубокий кризис традиционного общества и неспособность архаичного авторитарного государства адекватно отвечать на эти вызовы — ментальные особенности участников движения также имели немалое значение. Во-первых, анархистами чаще всего становились молодые люди взрывного, импульсивного темперамента, о чем могут свидетельствовать и их краткие портреты, данные в воспоминаниях И. С. Гроссмана-Рощина, в автобиографиях С. М. Бунина, В. С. Казимировской-Каневской и других участников движения, в исследовании И. Генкина и т.д. Во-вторых, при выборе политического кредо в начале прошлого века определяющую роль играли не только особенности характера, но и инерция религиозных традиций и воспитания. Именно этим наследием идеалистического восприятия мира можно объяснить то восторженное, практическое квазирелигиозное культивирование общественного идеала, которое так сильно было свойственно адептам анархизма, являвшимся воинствующими атеистами. Зачастую проповедники свободы и равенства заменили тогда в сознании народной массы дискредитировавших себя раввинов, ксендзов и священников. Именно своим крайним идеализмом, хоть и слегка скрашенным биосоциальными концепциями Петра Кропоткина, анархо-коммунисты отличались от марксистов — социал-демократов, и от наполовину принявших научный социализм эсеров. В-третьих, та фаталистическая легкость, с которой многие анархистские боевики брались за оружие и с которой они относились и к своим, и к чужим жизням, во многом объясняется условиями их прежнего повседневного существования. У подростка из семьи городской бедноты шансов не только благополучно устроить свою жизнь, но иногда даже сохранить ее было не так уж и много. Нищета и

преступность, безработица, отсутствие медицинской помощи и тяжелые инфекционные болезни, произвол полиции и сильных мира сего регулярно уносили богатую жатву молодых жизней, зачастую еще подростков. Постоянное балансирование на грани жизни и смерти, крайняя жестокость полицейских, иногда специально, «для профилактики», калечивших попавших к ним малолетних беспризорных и правонарушителей, закономерно порождали ответную реакцию. Психология отчаяния вкупе с истовой верой в немедленное торжество абсолютной справедливости и порождали ту гремячую ментальную смесь, что переполняла сторонников безвластия в начале прошлого века.

Несколько особняком от пролетарской, крестьянской и люмпен-пролетарской массовой составляющей исторического анархизма стояли относительно немногочисленные интеллигенты-анархисты. Здесь, во многих случаях, основным мотивом вступления в одно из самых радикальных общественных движений становились как этический романтизм, так и чистый интеллектуализм, отрицавший любые компромиссы с действительностью и заменявший ее умозрительными схемами.

При том, что многие идейные анархо-коммунисты показали выдающиеся примеры героизма, поразительной храбрости и самопожертвования, сама анархистская тактика в период революции 1905—1907 гг. оказалась ошибочной. Индивидуальные вооруженные акции не смогли сломить государственный аппарат и уничтожить капиталистическую эксплуатацию, но привели к почти полному уничтожению лучших анархистских сил и к дезорганизации движения. Экономический террор и саботаж казались первоначально весьма эффективными в борьбе за повседневные нужды трудящихся и привлекали симпатии значительной их части. Но на практике эти методы обернулись для рабочих ролью пассивных созерцателей поединка между активным меньшинством и хозяевами, но совсем не вели к проповедуемой анархистами самоорганизации пролетариата. Более того, экономический террор и экспроприации, отвергавшиеся многими революционными организациями еще и по этическим соображениям, приводили к серьезной деморализации его непосредственных исполнителей. Допустимость же «эксков» у частных лиц, при крайней децентрализованности и раздробленности анархистского движения, прямо влекло его по пути криминализации. Упор на тактику вооруженной борьбы вел также к тому, что пропаганда и агитация идеалов «вольного коммунизма», по мере милитаризации движения, занимали все более второстепенное место в деятельности анархистских групп. Однако, при всей своей воинственности, расплывленные и небольшие группы анархистов, слабо либо никак не координируемые, с чисто военной точки зрения также не смогли стать серьезной вооруженной силой. В отличие, например, от боевых рабочих дружин эсеров или большевиков.

Однако, заплатив крайне высокую цену за свое участие в революции 1905—1907 годов, анархизм таким образом утвердил в ней несколько тенденций, сыгравших в скором времени весьма значительную, если не решающую роль — непримиримый антикапитализм и полное неприятие любых институтов буржуазной демократии. Приближающейся новой революционной волне 1917 года суждено было пройти именно под этим знаком.

Глава 4.

На переломе эпох. Анархизм в Беларуси в период революции 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции 1917 — 1921 гг.

1. Крушение царизма, установление Советской власти: 1917 — 1918 гг. Зарождение анархо-большевизма. Сопротивление немецкой оккупации

В феврале 1917 г. самодержавная империя рухнула. Монархия оказалась не в состоянии разрешить глубочайшие противоречия, разрывавшие общество — не желала это сделать путем мирных реформ, не смогла теперь подавить их силой. Часть Беларуси, включая Гродненскую губернию с Белостоком и другие крупные центры рабочего движения, к этому времени уже была оккупирована немцами. Германское командование восстановило здесь деятельность местного самоуправления, легализовало умеренные социалистические партии. На большей части Беларуси, где установилась власть российского Временного правительства, из подполья вышли все революционные организации, среди них — и те анархисты, кто избежал репрессий или отбыл уже к этому времени срок ссылки или заключения. Их ряды быстро пополнялись бывшими политзаключенными, освобожденными революцией. Сама же Беларусь представляла тогда из себя, по сути, сплошную прифронтовую зону. Города и местечки, являвшиеся тылом Западного фронта, были переполнены воинскими частями, различными тыловыми учреждениями и эвакуированными заводами и мастерскими, где было занято немало квалифицированных и организованных рабочих. Здесь также скопилось большое количество беженцев из западных губерний, которых царские войска угоняли насильственно при своем отступлении. Эсер-максималист из Слонима Якуб Куница описывал эту ситуацию на Гродненщине следующим образом: «Отступающие части, особенно последние, прикрывающие отряды казаков и черкесов, дико издевались над населением, убивали, грабили, насиловали женщин и, когда не удавалось откупиться, палили поголовно все, что попадалось им на пути». [90; С. 160]

Одним из типичных прифронтовых городов того времени являлся Гомель. Здесь находились Гомельский пересельный пункт, оружейная база Западного фронта с мастерскими, автомобильный парк и автомобильные мастерские Западного фронта, воздухоплавательный парк, Третий и Четвертый коренные парки, завод Варшавского округа путей сообщения. Среди занятых здесь солдат и мобилизованных рабочих продолжало расти недовольство войной, к

прекращению которой Временное правительство не предпринимало никаких мер. Особо взрывоопасный материал представляли солдаты Гомельского пересыльного пункта, на котором временами скапливалось до 30 000 солдат, следовавших в свои части после ранений, плена, дезертирства и т. д. В конце 1916 г. здесь уже произошло антивоенное восстание солдат и казаков, руководители которого были расстреляны. Именно на «пересылке» вела свою агитацию и добилась значительного успеха возобновившая в 1917 г. свою деятельность Гомельская организация анархистов-коммунистов. Во Втором коренном парке (2 000 человек) были сильны позиции другой организации, также в то время выступавшей с радикальных антикапиталистических позиций — социал-демократов-большевиков. Остальные социалистические партии, так или иначе, склонялись к поддержке буржуазного Временного правительства. Но именно умеренные социалисты контролировали тогда и органы местного городского и земского самоуправления, и первые Советы рабочих депутатов.

По воспоминаниям участников революции С. А. Рахлина и И. Осипа, в вестибюле гомельского дворца Паскевичей, где проходили заседания Совета рабочих и солдатских депутатов, слева от входа стоял столик анархистов с черным знаменем, на котором было написано: «Анархия — мать порядка!» За «анархистской стойкой» возвышалась «одинокая, но победно настроенная фигура...» Рядом находились столики эсеров, меньшевиков, большевиков. С правой стороны располагались агитационные «точки» националистических партий: Бунда, «Поалей-Циона», «Цеире-Циона» и т. д. По сообщаемым Рахлиным данным, весной 1917 г. в Гомеле в армейских частях вел пропагандистскую работу некто Сандомирский. Мы уже упоминали о видном деятеле анархистского движения, в последующем — анархо-большевике Г. Б. Сандомирском, но точных сведений о том, что именно он пребывал в тот период в Гомеле, нет. [91, Л. 12; 92, С. 34]

Председателя Речицкого земского комитета Паремского местный большевик А. С. Костенко характеризует одновременно как беспартийного эсера и анархиста. Костенко сообщает о наличии в Речице в период 1917 г. и других, по его образной характеристике, «разудалых головушек-анархистов». [93; Л. 6]

В связи с войной продолжал оставаться напряженным и продовольственный вопрос. 14 марта 1917 г. Гомельской городской Думой был избран продовольственный комитет под руководством бывшего полицеймейстера Фен-Раевского. Введенная еще царским правительством хлебная монополия продолжала действовать и при новой, демократической власти. Ограничения в свободной торговле хлебом, естественно, вызывали недовольство крестьян, что в скором времени послужило поводом к волнениям.

27—31 августа 1917 г. происходит выступление генерала Л. Г. Корнилова, предпринявшего неудачную попытку установления военной диктатуры. Во время этого выступления все революционные партии и организации образовали для борьбы с ним единый фронт. В Гомеле большевики Л. М. Каганович (будущий сталинский нарком), Лепский, Утевский вместе с левыми социал-демократами П. Н. Севрюком и П. А. Богдановым (в 1921—1925 годах —

председатель СНХ РСФСР) образовали «чрезвычайную пятерку». Между ними было заключено соглашение об отказе от взаимной критики. Далее произошел следующий эпизод, описанный в воспоминаниях большевика И. Т. Смаля: «Тов. Лепский в своем выступлении нарушил это соглашение, сказал: «Тов. Севрюка надо повесить на самой высокой осине вместе с Корниловым». Когда председательствующий призвал т. Лепского к порядку и напомнил ему о партийной дисциплине, т. Лепский сказал: «Возьмите свою дисциплину в карман». Партийный комитет за нежелательный выпад призвал т. Лепского к порядку». [94; Л. 10] Непримируемость Лепского к соглашателям, действительно, не могла остановить даже пресловутая железная большевистская дисциплина. Но, очевидно, чтобы последняя все же никак не препятствовала ему в проявлении своих «классовых чувств», в скором времени солдат Лепский оказался в рядах анархистов-коммунистов.

В этот период анархисты заняли наиболее крайние позиции по отношению к Временному правительству. Еще 3—5 июля 1917 г. в Петрограде они предпринимают неудачную попытку вооруженной демонстрации против правительства, приведшую к развертыванию репрессий по отношению к некоторым левым организациям, в т. ч. и большевикам, кстати говоря, не поддержавшим это выступление. Именно тогда наметилось две позиции в критике коалиционного Временного правительства «слева» — позиции анархистов и левых социалистов.

Анархисты почти всех течений выступали против Временного правительства и за немедленную социальную революцию, итогом которой должно было бы стать установление анархо-коммунизма. Лишь один П. А. Кропоткин, вернувшийся из эмиграции, на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. выступил в поддержку установления в России демократической федеративной республики. Широкий федерализм и децентрализация теперь предлагались князем-анархистом в качестве своего рода переходной формы к безгосударственному устройству общества. Такая позиция старейшего теоретика анархизма в России не без восторга была встречена значительной частью либералов.

Близкую к анархистам непримиримую позицию в отношении буржуазного правительства заняли эсеры-максималисты. Однако взгляд на будущий строй у них был иным. Максималисты подняли старое знамя своей Трудовой (Советской) республики. Мы помним, что одним из исторических центров формирования максимализма, проходившим под значительным влиянием анархистской теории и практики, был Белосток...

Большевики левое крыло партии эсеров также выступали против Временного правительства. Однако ни о каком разрушении буржуазного государства или об установлении диктатуры пролетариата большевики первоначально не говорили. Сразу после февраля 1917 г. их вышедшие из подполья руководители заявляли фактически только о проведении более последовательного курса буржуазно-демократической революции. Сдвинуться значительно левее лидерам РСДРП(б) довелось в немалой степени под влиянием левобольшевистских и анархистских настроений, широко распространившихся в массах. Следует отметить также,

что термин «левый большевик» — аутентичный, он действительно имел хождение в РСДРП(б) весной — летом 1917 г. При этом до возвращения в Россию Владимира Ульянова-Ленина большая часть старых руководящих работников партии оказалось на позициях «правых» большевиков, продолжая выступать в рамках прежней демократической программы-минимум. Но Ленина отличала способность быстро ориентироваться в настроениях масс и действовать применительно к ним, не теряя при этом собственной стратегической перспективы. Поэтому очень скоро благодаря его руководству партия большевиков выходит в своих требованиях за рамки старой минималистской программы. Теперь большевики смело заимствуют у эсеров положение о социализации земли («Земля — крестьянам!») У эсеров-максималистов, анархистов и революционных синдикалистов был взят лозунг «Фабрики — рабочим!» Из арсенала тех же максималистов большевики позаимствовали и столь знаменитое «Вся власть Советам!», и Советскую республику как форму новой государственности. Но обвинять их в плагиате не стоит — политические программы разрабатываются не для того, чтобы получить на них патент, а для того, чтобы иметь волю к их воплощению в жизнь.

Однако в первой половине 1917 г. рабочий класс Беларуси находился пока еще под сильным влиянием реформистских деятелей. Под косвенным воздействием умеренных социалистов пребывала, например, и большевистская организация в Гомеле. Фракция левых эсеров, хоть и выявилась к этому времени здесь в рядах эсеровской партии, тем не менее, тоже пока еще о себе определенно не заявляла. Поэтому для Беларуси лета 1917 г. характерна ситуация, когда авангардная роль в развертывании нового революционного движения первоначально принадлежала анархистским и максималистским группам, которые никак практически не были связаны с соглашательскими партиями.

16 сентября 1917 г. на митинге солдат Гомельского распределительного пункта, где было сосредоточено до 20 000 человек, было принято решение организовать 18 сентября вооруженную демонстрацию под лозунгом «Долой войну!» Военному начальству удалось добиться отмены проведения демонстрации. Но к вечеру на пересельный пункт пришли две женщины с жалобой на действия городских властей. В связи с уже упоминавшейся нами хлебной монополией, по распоряжению продовольственной управы железнодорожной станции у них был отобран хлеб. После этого толпа возмущенных солдат, насчитывающая, по разным данным, от девяти до двадцати тысяч человек, под руководством анархистов Е. Майзлина, А. Драгунского, Лепского и Рьжкова, направилась к Гомельскому Совету. Раздавались призывы бить «буржуев» (чему способствовал, возможно, вид попадавших по дороге магазинов богатых еврейских торговцев) и разогнать городской Совет. По свидетельству очевидца, никакого организующего начала у толпы солдат, кроме единичных анархистов, не было. Анархисты же «все больше подогревали страсти...» Местные большевики пытались охладить пыл разгоряченной толпы. Солдаты плотной стеной окружили замок Паскевичей, где происходило в это время заседание Гомельского Совета рабочих депутатов. Многие солдаты вошли в зал

заседания. Большевики опасались выступить перед радикально настроенной массой, «...и анархист, приведший толпу к Совету, насильно вытаскивает отдельных из них, заставляя выступить... Выступают: солдат-анархист Лепский (пересыпавший речь шутками), Леплевский, Каганович». [93; С. 88] Реплика начальника милиции прапорщика П. Н. Севрюка, члена меньшевистской партии, адресованная солдатам: «Ваше место не здесь, а на фронте!», вызвала взрыв возмущения. Умеренные социал-демократы П. А. Богданов, Севрюк и Ведчинский вынуждены были бежать через запасной ход. Под давлением солдат Совет отменил прежнюю резолюцию и принял новую, в которой содержались следующие требования: «1) Решительного разрыва русской демократии с империалистическими кругами, отказ от политики наступления; 2) Немедленного опубликования и объявления кровавых царских договоров; 3) Прямого и открытого предложения мирных условий демократии всего мира; 4) Немедленного объявления перемирия на всех фронтах». Некоторые протестующие солдаты требовали разогнать Совет. На следующий день солдаты избили офицеров, прибывших для их усмирения во главе карательного отряда северских драгун и казаков. Сами казаки и драгуны выступить против восставших солдат не пожелали. Власти пытались вызвать в беспокойный Гомель другие воинские части. Два дня в городе продолжался антивоенный митинг, которым руководил «неизвестный в форме военного врача». Солдаты продолжали отказываться проходить освидетельствование для отправки на фронт. Волнения на распределительном пункте не прекращались до конца сентября 1917 г. [95, Лл. 106, 121; 96, С. 2]

Какова же была реакция местной большевистской организации на это антивоенное выступление? Как ни странно это может показаться на первый взгляд — негативная. Полесский комитет РСДРП(б) выпустил листовку, в которой назвал организаторов солдатской демонстрации «темными силами» и выступил в защиту меньшевистско-эсеровского Совета. Листовка содержала, например, и такие характеристики: «В настоящее время, когда идет напряженная борьба между революционным народом и империалистической буржуазией, когда революция и страна переживает величайший политический и экономический кризис, когда контрреволюция стремится провоцировать выступления, чтобы в братской крови потопить завоевания революции, необходима особая выдержанность и организованность солдат и рабочих». [92; Л. 109] 400 членов боевых рабочих дружин различных социалистических партий во время этих анархо-солдатских волнений были приведены в Гомеле в состояние полной готовности. Очевидно, не исключалось, что ситуация могла в любой момент принять самый неожиданный оборот, вплоть до погромов.

Противоречия внутри общества, которые оказалось не в состоянии разрешить и Временное правительство во главе с умеренными социалистами, продолжали нарастать. В скором времени анархисты-коммунисты оказались по одну сторону баррикад вместе с большевиками, их бывший учитель и теоретик П. А. Кропоткин занимал несколько иную позицию. Солидарные действия анархистов и большевиков в период Октябрьской революции дали

основания реформистским социалистам ставить их на одну доску. Правая бундовская пресса в Беларуси писала в те дни: «На знаменах были слова: «Вся власть должна перейти Советам с. и р. д.» Но суть была в том, чтобы Советы подчинились вооруженной силе большевиков и анархистов... Это является преступлением вождей, великих мужей ленинизма и анархизма, которые объединились в своем заговоре против революции». [79; С.465]

Схожую позицию занимали и эсеры, говоря о зарождении в 1917 г. феномена анархо-большевизма: «Революционно-социалистическая народно-низовая стихия с экстремистским уклоном... несла первые месяцы большевиков, а не они, как и все демагоги, руководили массой. На местах, в Советах, верховодили местные люди». [97; С.15]

В Бобруйске в 1917 г. образование первой большевистской группы происходило с активным участием анархистов. Первое собрание инициативной большевистской группы проходило на квартире И. Вайнера, анархиста с 1905 г., в то время уже сочувствовавшего большевикам. [98; С. 140]

Во время выборов в Учредительное собрание в Витебске профессор Гизети называл присутствующих на собрании большевиков и анархистов бандитами, идущими против поставленного народом и демократией министра Керенского...

Сильные анархистские настроения, видимо, прежде всего благодаря их антимилитаристской направленности, имели распространение среди солдат многих частей Северного (5-я армия) и Западного фронта. После попыток Временного правительства ужесточить дисциплину в армии 869 участников антивоенных выступлений были арестованы и заключены в военную тюрьму в Двинске Витебской губернии. Этапированные после этого в Бутырскую тюрьму в Москве, эти арестованные так и сохранили за собой название «двинцы». В Бутырке арестованные солдаты объявили голодовку. Под давлением все более революционизировавшихся масс двинцы 22 сентября были переведены из тюрьмы в Савеловский и Озерковский военные госпитали для лечения. В последующем, в ходе уличных боев в Москве в октябре 1917 года двинцы сформировали отдельный отряд, наиболее решительно поддерживавший революцию. Двинский отряд полностью находился под влиянием анархистов. 27 октября в ходе столкновения с юнкерами на Красной площади командир Двинского отряда Е. Н. Сапунов был смертельно ранен. Но двинцы, понеся значительные потери, все же пробились через кольцо окружения контрреволюционных частей. 28 октября двинцы вместе с солдатами революционного 55-го полка и рабочими отрядами начали наступление из Замоскворечья на занятый подразделениями Комитета общественной безопасности (КОБ) центр Москвы. 29 октября спецотряд под командованием левого эсера Ю. В. Саблина, в который входили и двинцы, захватил здание Градоначальства на Тверском бульваре. К 3 ноября упорное сопротивление сил контрреволюции в Москве было сломлено.

Первые известия об Октябрьской революции в Петрограде, поступившие в Беларусь, были противоречивы. 28 октября, во время заседания Гомельского Совета, была получена телеграмма о том, что Ленин арестован, что сильно

демо-рализовало многих приверженцев Октябрьского восстания. Но 30 октября была получена радиотелеграмма за подписью Л. Д. Троцкого о победе вооруженного восстания. Тем не менее, меньшевистско-бундовский Исполком Гомельского Совета не желал признавать происшедших перемен, что на самом деле означало для него — брать власть в свои руки. Тогда 16 ноября состоялись перевыборы в Гомельский Совет рабочих и солдатских депутатов. Большевики увеличили в нем свое присутствие со 109 депутатов до 300, но вынуждены были пока зависеть от поддержки своих союзников — левых эсеров и радикально настроенных элементов из других партий. Небольшое представительство в Совете имела и Гомельская организация анархистов-коммунистов. Ее представители вошли и в состав нового Исполкома Гомельского Совета, анархист Лепский занял пост комиссара народного образования. [99, С. 2; 100, С.1, 3] В этот период анархисты входили в Советы и даже в органы исполнительной власти при них во многих городах Советской России и Украины. Так, в январе 1918 г. в составе Исполкома Одесского Совета рабочих депутатов работали наряду с 36 большевиками и 10 левыми эсерами и пять анархистов, один анархист входил в его Президиум. А когда был образован краевой СНК (правительство) Одесской республики, то среди 13 его комиссаров два поста имели анархисты — охрану города возглавлял анархист Д. Гурьев, анархист В. Белый был председателем... Ревтрибунала. [101; С. 74]

Схожая ситуация складывалась в это время и в не оккупированных немцами городах и местечках Беларуси. В первые месяцы после Октябрьской революции анархисты разных направлений получили возможность для расширения своей легальной деятельности — проведения собраний, выпуска своих печатных материалов, ведения массовой работы. Анархисты активно вели свою пропагандистскую работу при Гомельском Совете. После февраля 1917 г. в местечко Брагин Минской губернии вернулась после восьмилетнего пребывания на каторге анархистка В. С. Казимировская-Каневская. В Брагине она возглавила Бюро профессиональных союзов, заведовала социалистическим клубом, участвовала в культурных комиссиях. [55; Л.1]

Однако бунтарски настроенная часть анархо-движения, значительно усилившаяся за счет деморализованных солдат и деклассированных элементов, стала причастна в этот период к целому ряду эксцессов. Так, в конце осени 1917 г. в Клинцы из Брянска прибыл поезд под черными знаменами с анархистскими лозунгами. В Клинцах анархисты произвели ряд «экссов», однако пробиться на одно из крупнейших местных предприятий — Стодольскую фабрику — им не удалось. Сюда их не пустила фабричная рабочая дружина, которую возглавлял Филарет Костаков. Приезжие анархисты ограбили заведующего фабрикой Самойлова, взяли заложников и наложили контрибуцию на ряд фабрикантов, после чего отбыли назад в Брянск. [66; Л. 7]

В той части Западной Беларуси, что оказалась под немецкой оккупацией, также происходил процесс политической активизации населения. Заигрывая с общественностью, немецкие оккупационные власти еще по занятию этих территорий в 1915 г. разрешили здесь создание органов самоуправления и «народной» милиции, позволив войти в них правосоциалистическим

партиям. Революционные элементы саботировали мероприятия оккупантов, однако так же использовали ситуацию для наращивания своей деятельности. В Слониме и других районах Гродненщины после февраля 1917 г. активизировалась левая группа, в которую входили анархисты, максималисты, левые бундовцы и большевики. Ее идеологом выступал максималист Б. Волах. Группа создала свой боевой отряд, максималист Я. Куница приобрел для этого у немецких солдат несколько десятков винтовок и браунингов. При этом большевиков здесь первоначально насчитывалось всего два — три человека, но в последующем они быстро смогли стать доминирующей силой. Но и после освобождения Слонима от немецкой оккупации в апреле 1919 г. анархисты-коммунисты еще входили в состав Исполкома, избранного Съездом Советов Слонимского уезда. [90; С. 161-162]

Схожая ситуация сотрудничества всех левых революционных сил, включая анархистов, сложилась и в других регионах Беларуси, оккупированных германской армией. Так, 1 марта 1918 г. Гомель был занят немецкими войсками. Вскоре вслед за немцами сюда вошли и войска украинской Центральной Рады, оккупировавшей значительную часть территории южной Беларуси. После того, как в апреле 1918 года при поддержке немецких оккупантов на Украине произошел переворот, власть оказалась в руках монархического режима гетмана Павло Скоропадского. В Гомеле в этот период был создан подпольный Ревком, фактическое руководство в котором принадлежало анархисту Майзлину (Фриц Тарантул) и Драгунскому, хотя формально в него входили и большевики. Анархо-коммунист Е. С. Майзлин участвовал в последних боях за Гомель, прикрывая его с красногвардейским отрядом со стороны Буда-Кожелева от наступающих немцев. Значительную роль в повстанческом Ревкоме играли также левые эсеры, примыкали к нему и меньшевики-интернационалисты. «Объединенные повстанческие ревкомы» с участием коммунистов-большевиков, анархистов, левых эсеров, украинских эсеров-боротьбистов и т.д. создавались тогда по всей Украине.

Коммунисты-большевики сами признавали, что их влияние в городе в то время было невелико, подавляющая масса рабочих шла тогда за умеренными социалистами, меньшевиками, бундовцами, эсерами и т.д. Анархисты же пользовались большей популярностью среди белорусских крестьян, это и заставляло пойти на союз с ними. Большевик Ермак вспоминал: «С анархистами у нас произошли маленькие трения. Среди анархистов остались самые активные элементы. Среди коммунистов таких элементов не было. Влияние в этом подпольном Комитете имели, главным образом, анархисты. В нашей Коммунистической партии поднялся вопрос о том, чтобы развязаться с ними и подчинить их нашему влиянию. Многие из наших т. коммунистов были против этого, потому что они думали, что наша главная задача... создание боевой силы, в целях чего мы должны использовать все обстоятельства... Следовательно, если бы мы разошлись с анархистами, мы бы лишились опытных боевиков, что явилось бы для нас большой потерей...» [102; Л. 31]

Анархо-коммунист Е. С. Майзлин, первый председатель повстанческого ревкома, вспоминал, «...что будучи рабочими, будучи крестьянами,

анархисты вообще плохо и мало разбирались в философии анархизма и марксизма, и были воодушевлены определенным энтузиазмом — желанием ниспровержения власти гетмана и немцев и восстановления Советской власти... И все эти расколы, о которых говорилось, возникли в умах, когда пришлось пережить полосу некоторого застоя, т. е. безделья, когда именно коммунисты задумались над тем, что они коммунисты, а анархисты — анархисты». [102; Л. 45]

Однако сами коммунисты смотрели на это сотрудничество весьма расчетливо: «...образован объединенный ревком, в который входили большевики и анархисты. С последними большевикам пришлось блокироваться по той причине, что анархисты, как боевой элемент, так же как и большевики, преследовали цель восстановления Советской власти, и имевшие в деревне довольно крепкие связи, представляли собой довольно ценных работников. Впоследствии (в июле 1918 г. — Ю. Г.) произошел разрыв на почве, главным образом, убийства в Москве Мирбаха, и ввиду дополнительных причин укрепления организации, которая могла уже обойтись без анархистов, и того обстоятельства, что последние стали прибирать в свои руки комитет, им было предложено принять участие в работе персонально на правах технических работников, на что они не согласились, и организовали свой Ревком». [102; Л. 69]

Характерно, что за разрыв с анархо-коммунистами в Гомельской организации большевиков выступала тогда ее правая часть, в то время как левое крыло коммунистов были против.

Анархисты Гомеля поддерживали связь с Москвой, где в это время находилась их товарищ Рыжкин. Его связным в Гомеле был анархист Павлов. [103; Л. 28]

Из семи районных партизанских отрядов, действовавших в регионе, как минимум пять состояли под командой левых эсеров или анархистов. Во многих районах, до этого сильно пострадавших при отступлении Красной Армии, крестьяне соглашались поддержать красных повстанцев только когда узнавали, что в его состав входят анархисты, левые эсеры и беспартийные.

При этом деятельность Гомельского повстанческого ревкома, по свидетельству самого Майзлина, «...ввиду некоторой анархии в самой организации...», охватывала территорию Гомельской, а также части Смоленской и Черниговской губерний. [103; Л. 77]

Ситуация с явным преобладанием в антигерманском подполье левых социалистов и анархистов сложилась в т. ч. и потому, что большинство коммунистов, являвшихся партией правящей, спешно эвакуировались на восток вместе с государственными учреждениями. Анархо-синдикалист Евсей Шейдлин (Днепров), с сентября 1917 г. — секретарь профсоюза металлистов Гомеля, также примкнул к гомельскому Ревкому. Шейдлин, эмигрировавший в 1912 г. в Америку по политическим мотивам, в 1917 г. был делегирован анархистским Федеративным Союзом русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады для поездки в Россию. Впоследствии он вспоминал, как некоторые из оставленных для подпольной работы теоретиков-марксистов уклонялись от активной деятельности в подполье под предлогом того, что они... заняты изучением «Капитала». По свидетельству самого Шейдлина, в

этот период к большевикам он относился до известной степени враждебно, считая их демагогами и революционерами на словах.

Ревком активно вел боевую и агитационную работу. Анархисты и левые эсеры в Гомеле провели ряд боевых операций против оккупантов и сотрудничавших с ними гетмановцев. В частности, объединенным подпольем был осуществлен взрыв в сыском отделении полиции. Буржуазия подверглась «обложению», боевиками-подпольщиками производились многочисленные «экссы». В частности, была захвачена обувь для бойцов партизанского отряда. У буржуа Дебкина «революционным путем» потребовали деньги. Когда же он отказался от их выплаты, в его доме была взорвана лестница, причем все непричастные жильцы были заранее предупреждены и выселены. Случаи бандитизма или разложения на почве «эксизма» среди боевиков ревкома пресекались. Но здесь, как и в 1905 г., не обошлось без некоторых эксцессов. Большевистское руководство выступило против экспроприаций, обвиняя в них анархо-коммунистов и утверждая, что «...группа анархистов была, хоть и приличной, но бандой, которая занималась грабилькой». [103; Л. 78] Впрочем, впоследствии выяснилось, что анархисты не имели к «комбинаторским» экспроприациям никакого отношения. «Экс» для «своих нужд» произвели большевистские боевики во главе с Марком Хавкиным.

В июле 1918 г. левым подпольем была организована забастовка железно-дорожников, проходившая в рамках всеукраинской стачки. Забастовщики требовали восстановления восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты, прекращения насильственной украинизации. В телеграмме, направленной в Киев главнокомандующему германскими войсками на Украине Эйхгорну (вскоре был убит левым эсером матросом Борисом Донским), рабочие настаивали на созыве съезда делегатов от всей железной дороги и передачи дороги под контроль рабочих союзов. Надо сказать, что последнее требование, по духу вполне анархо-синдикалистское (левые эсеры стояли тогда уже также на схожей синдикалистской платформе), было не случайным — после революции, до прихода оккупантов, гомельские железнодорожники активно практиковали рабочее самоуправление, решая все вопросы на общих собраниях либо через постоянно сменяемых делегатов. Членами гомельского стачкома железнодорожников были анархисты Моисеенко и Саранчук. По предложению Моисеенко, при забастовочном комитете был создан боевой отряд. Для борьбы со штрейкбрехерами анархистами было изготовлена партия самодельных бомб, хранившихся в доме у Саранчука.

Немцы назначили за голову каждого из стачкомовцев по 40 000 рублей и ответили на забастовку жестокими репрессиями, массовыми увольнениями и облавами в рабочем Залинейном районе. За отказ перевозить немецких солдат было задержано в ходе облавы и согнано на пожарный двор несколько сот рабочих. 72 железнодорожника были арестованы и отправлены в концлагерь в Брест-Литовске. Однако сопротивление продолжалось.

В начале июля 1918 г. в Гомеле состоялся съезд повстанцев, в котором приняло участие 40 крестьянских делегатов, выдвинутых волостными конференциями, и представители города. Съезд принял решение о подготовке восстания на Гомельщине, назначенного на 9 августа.

Оно должно было стать частью всеобщего восстания на Украине. Повстанцы южной Беларуси также должны были присоединиться к нему. В Гомеле выступление готов был также поддержать Союз печатников, в руководство которого входил анархист Шпринц, и некоторые другие левые профсоюзы.

В 12 км от Гомеля под откос был пущен поезд, везущий из Киева двух немецких генералов. Группу подрывников, осуществлявших диверсии, возглавлял анархист Моисеенко. Этот взрыв должен был послужить сигналом к восстанию. В местечке Горваль Речицкого уезда повстанцы взяли в плен вдвое превосходящий их по численности гарнизон из немецких солдат и гайдамаков. Но в целом попытка восстания закончилась неудачно. Часть отступивших с Гомельщины партизан влилась затем в состав знаменитой повстанческой дивизии левого эсера Николая Щорса.

Тем не менее, партизанская война разгоралась. Основной ее причиной были, конечно же, не идеологические установки кого бы то ни было — анархистов-коммунистов, коммунистов-большевиков или левых эсеров. Основания, как всегда, были более материалистическими — немецкие и австро-венгерские войска на Беларуси и Украине занимались как организованным вывозом продуктов и сырья, так и просто мародерством, чем и сумели очень быстро восстановить против себя население. Особенно было недовольно крестьянство, страдавшее как от продовольственного грабежа, так и от восстановления власти бывших помещиков. Страдали и рабочие, лишённые восьмичасового рабочего дня и большинства завоеванных прав. Недовольство выражали даже мелкие предприниматели, подвергавшиеся постоянным вымогательствам со стороны коррумпированной гетманской полиции-«варты». Гомельские повстанцы ликвидировали варту в Носовичах, Федоровке, Переросте, Огородне.

В октябре 1918 г. общее собрание офицеров бывшей царской армии, Союза домовладельцев, лесопромышленников, Гомельского комитета кадетской партии (Партии народной свободы) и т. д. избрали даже Комиссию для борьбы с анархо-большевизмом. 27 ноября в Речице был образован Городской комитет по организации самоохранны, который выпустил следующее воззвание: «Граждане! Анархии и произволу, подорвавшему все устои жизни обывателя, приближается конец. Это чувствуют слуги анархии и произвола и мобилизуют свои темные силы: им хочется отдалить наступление часа общественного и государственного порядка, а, следовательно, и часа своей гибели... Не преследуя классовых и партийных интересов, она [городская самоохранны — Ю. Г.] выставляет на своем знамени девиз: охрана имущества и личности граждан и борьба с анархией. Кому дорог этот девиз, тот пусть поспешит записаться в ряды добровольческой городской самоохранны...» [104] В листовке, правда, точно не указывалось, кто имеется в виду под именем «слуг анархии и произвола» — все тот же анархо-большевизм, уголовный

бандитизм или потворствующие ему коррумпированные гетмановские власти и варта...

Активность анархо-подпольщиков вызывала уважение даже у их политических противников. Самуил Хавкин, посланный руководством КПУ(б) в Гомель со специальным заданием «вытурить анархистов», все же признавал впоследствии: «...т.т. Майзлин и Моисеенко — наши «правые руки». Если нужно произвести взрыв, то делали они. Я был очень доволен, что приходится работать с такими людьми: ведь даже среди нас, коммунистов, имеются такие, которые трех грошей не стоят, которые, прежде чем начать действовать, вспоминают, сколько у них жен, сколько детей и т.д., а эти люди были готовы отдать свою жизнь за общее благое дело». [103; Л. 21]

В декабре 1918 г. гомельская инициативная группа анархистов-коммунистов, левые эсеры, а также ревком большевиков, который, по свидетельству анархиста Ермака, испытывал острый недостаток в опытных работниках, вновь объединились. К новому объединенному ревкому примкнула и левая часть профсоюзов, и некоторые другие революционные элементы. 18 декабря объединенный Ревком осуществил в Гомеле дерзкое вооруженное выступление. Всего лишь 60 плохо вооруженных повстанцев захватили почту, телеграф, телефон, банк, здание городской Думы. Их поддержало 30 переодетых красноармейцев из Третьего полка Украинской Красной Армии под командой одесского матроса Чижикова. Был арестован командир добровольческих формирований генерал Н. И. Иванов и начальник сыскной полиции И. И. Пушкарев. Правда, вскоре в Гомель из Мозыря прибыли части немецкой 47-й пехотной дивизии, установившие над городом свой контроль и осуществившие временные аресты, в т. ч. и среди революционных немецких солдат. Вскоре все они были освобождены, отчасти благодаря усилиям правых социалистов, входивших в городскую Директорию УНР (С. Петлюры).

Что касается поведения самих немцев, то в оккупацию 1918 года оно было, конечно, несравнимо со Второй мировой войной. Но и для их идеализации, которая имеет место у некоторых исследователей, также нет никаких оснований. Даже при эвакуации немецких частей с территории Беларуси происходила стрельба из проходящих эшелонов по железнодорожным служащим, которая велась ради развлечения, но влекла за собой гибель людей.

21 декабря 1918 г. в Гомеле состоялась Вторая рабочая конференция. Ее председателем был коммунист Гулло, секретарем — анархист Драгунский. Несмотря на сопротивление правых бундовцев, была принята резолюция о восстановлении Советской власти. [105; С. 2] Вслед за этим объединенный ревком объявил всеобщую стачку, поддержанную левыми бундовцами и стоящими за ними профсоюзами. Под давлением забастовавших рабочих и подошедших к городу частей Красной Армии 14 января 1919 г. немецкие войска покинули Гомель.

2. Анархисты на гражданской войне

Сповторным установлением Советской власти, в условиях разгоравшейся гражданской войны, взаимоотношения внутри объединенного революционного фронта стали развиваться совсем по-другому. «...Первые дни существования Советской власти привели к отпадению, или правильно, к отведению и анархистов, и с.р. На опыте совместной редакции с с.р. ...мы сразу увидели всю незаконность подобного сожительства», — вспоминал большевик Цырлин. В середине января 1919 г. гомельские коммунисты приняли решение о том, чтобы в соглашении с другими партиями, в т. ч. и советскими, не входить, а лишь использовать их членов, в случае необходимости, в качестве технических работников. [106; Лл. 37, 61]

Однако в составе Гомельского Ревкома, 15 января 1919 г. взявшего власть в свои руки после отступления немцев, еще входило два анархиста-коммуниста — Е. Майзлин (жилищный отдел) и А. Драгунский, возглавлявший народное образование. В скором времени, правда, они оказались в рядах коммунистической партии.

17 января в Гомеле была образована ЧК. С 24 января город был объявлен на военном положении, любые митинги и собрания воспрещались. Состав Президиума Объединенного Ревкома был изменен без согласия всех прежних членов Ревкома и стал исключительно большевистским.

Особенность деятельности анархистских организаций на оккупированных территориях Беларуси в 1918 — начале 1919 гг. заключалась в том, что здесь все левые элементы были принуждены к солидарным действиям перед лицом иностранной оккупации и окрепшей под ее покровительством внутренней реакции. Но эта ситуация, несколько отличавшаяся от положения дел на свободной советской территории, была временной.

А положение дел в Советской России, к которой в это время относилась и большая часть неоккупированных земель Беларуси, была совершенно иной. После временного союза с анархистами в октябре 1917 г. между правящим большевистско-левоэсеровским блоком и анархистами наметились все более увеличивающиеся расхождения. Во-первых, анархисты обвиняли своих союзников в умеренности по отношению к буржуазии (а вовсе не в «тоталитаризме») — в первое время большевики и левые эсеры в большинстве случаев ограничивались рабочим контролем, а не прибегали к национализации или социализации предприятий. Во-вторых, по мнению анархистов, установление новой власти, даже от имени пролетариата, также вело к угнетению личности. Большевики же, в свою очередь, утверждали, что под крышей анархистских клубов и организаций находят убежище уголовные и просто контрреволюционные элементы.

Существует версия о том, что под прикрытием Московской Федерации анархистских групп (МФАГ) в Москве весной 1918 г. белогвардейско-савинковским офицерским подпольем готовился заговор с целью свержения Советской власти. Есть сведения, что тогда же 18 «диких» анархистских отрядов намеревались совершить нападение на идейных анархистов, орга-

низованных в МФАГ, и на ВЧК. [107, С. 233; 108, С. 831] По утверждению большевиков, именно для пресечения этого заговора, а также дальнейшего разгула бандитизма, в апреле 1918 г. в Москве, Петрограде, Брянске, Смоленске, Вологде, Воронеже и других городах ВЧК была проведена массовая операция по ликвидации ряда анархистских вооруженных формирований. [109; С. 156-159]

В ходе этой зачистки в Витебске произошло столкновение между большевиками и отрядом Мартыненко, находившемся под влиянием анархистов. Отряд Мартыненко прибыл в Витебск в марте 1918 г. Конфликт разгорелся из-за нежелания военной комендатуры города зачислить это формирование на свое довольствие. По мнению властей, анархисты, отказывавшиеся нести гарнизонную службу, не имели права и на довольствие. Тогда бойцы анархистствующего отряда принялись заниматься «самоснабжением». Губвоенком во главе с С. Крыленко и другие органы власти готовили ликвидацию анархистов, но те, по словам Крыленко, «каким-то образом узнали о готовящемся разоружении и поспешили предупредить нас своим выступлением». [4; С. 215] Узнать о предстоящем разоружении, даже невзирая на перебои с телефонной и телеграфной связью, было можно и получив информацию из других регионов — уже несколько дней, как по всей стране проходило разоружение анархистов и тех, кто просто прикрывался их именем.

29 апреля 1918 г., прямо во время заседания губисполкома и горисполкома, анархистствующий отряд со стрельбой двинулся в центр Витебска и захватил Вокзальную и Замоктовую улицы, театры «Художественный» и «Интимный». Штаб отряда Мартыненко с самого начала находился в привокзальной гостинице. Согласно докладу начальника милиции Плиса, это выступление было массовым. К нему присоединились и некие «уголовные элементы», как было сказано в милицеском докладе. Или просто горожане, недовольные властями? У милиции не хватало сил ликвидировать начинающийся бунт, решено было организовать Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюционным мятежом. Ее возглавил Крыленко.

Срочно мобилизованные бронеполк, Четвертый Варшавский полк и Латышский кавалерийский отряд отгеснили мятежников к Двине и блокировали их. Костяк отряда в 40 человек сумел все же занять оборону в привокзальной гостинице. Однако утром 30 апреля под угрозой артобстрела сдался и этот отряд. Командир отряда Мартыненко был ранен. Характерно, что наличие у большевиков артиллерии и другого тяжелого вооружения, в большинстве случаев, становилось решающим аргументом при ликвидации анархистствующих отрядов, как это произошло и в Витебске, в Москве и других городах.

Официальная версия обвиняла в случившемся в Витебске выступлении анархистствующие элементы отряда Мартыненко. Однако то обстоятельство, что развязка конфликта пришлось на конец апреля, когда повсеместно происходило массовое разоружение анархистских отрядов, может говорить и о том, что ликвидация в Витебске имела место в рамках операции, проводившейся по всей республике, а не было спонтанной реакцией большевистских властей Витебска на реальные или мнимые бесчинства анархистствующих боевиков.

Следующий инцидент произошел также в Витебской губернии, на этот раз — с анархистствующим отрядом Пашкевича, стоявшем на демаркационной линии. Отряд этот якобы прикрывал контрабанду, занимался грабежами и торговлей оружием. После того, как он отказался выступить на Восточный фронт, отряд был окружен частями того же 4-го Варшавского полка и разоружен. Его командир Пашкевич по постановлению Витебской ЧК был расстрелян. [4; С. 217]

Однако большинство идейных анархистских организаций, действовавших в Советской России в 1918—1919 гг., хоть и подвергались давлению, но продолжали существовать легально. В отличие от территорий, занятых интервентами, белогвардейскими формированиями либо некоторыми национальными правительствами, где анархисты и их организации, наряду с большевиками, левыми эсерами, максималистами и другими левыми социалистами, как правило, подлежали немедленной ликвидации. В Вильне в начале января 1919 г. польские легионы, не признавшие власти ни литовской Тарибы, ни БНР и белорусской Виленской Рады, совершили нападение на Виленский Совет рабочих депутатов. В Совет входили не только коммунисты, но и представители Бунда и других левых партий. После продолжительного боя депутаты Совета были арестованы польскими оккупантами, часть из них при этом была убита либо покончила с собой. Одним из них был 40-летний рабочий Аз, по свидетельству участника тех событий, будущего белорусского писателя Максима Горещкого, являвшийся ранее анархистом. [10, С. 521, 525, 533; ш, С. 4]

В 1919 г. в советской части Беларуси, наряду с другими безвластными организациями, легально действовали и их молодежные структуры. 11 марта 1919 г. Секретариат Всероссийской Федерации анархистской молодежи (ВФАМ) решил созвать в апреле Первый съезд анархистской молодежи. Как писала газета «Вольная жизнь», в связи с этим Секретариат ВФАМ утвердил в качестве организаторов кружков анархической молодежи на местах: Грина (Минск), Крукова (Бобруйск), Петрова (Могилев) и Цейтлина (Горки). [12; С. 29-30] Но в конце 1919 г. ВФАМ была запрещена.

Некоторые анархистски настроенные авторы еще публиковались в советской прессе. Так, 6 марта 1919 г. «Известия Революционного комитета г. Гомеля и уезда» опубликовали стихи, подписанные криптонимом «Б—ин»:

Догорает,
Умирает
Мир ненастья, мир крови
И как птица
К людям мчится
Из тумана мир любви.
Но живые
Старцы злые
Холод, голод — царь земной
Тратят силы,
Чтоб мир хилый

Удержать во тьме ночной.
Тьма редет,
И уж веет
Утра теплый ветерок,
И зарею
Золотою
Загорается восток.
Солнце встанет,
И настанет
День веселого труда.
Злую долю
И неволю
Позабудет род людской.
Радость счастья
И безвластья
Воцарятся над землей.
[13; С. 3]

В тоже время, например, делегат Гомельской уездной конференции РКП(б) от Добрянской парторганизации Максимов призывал энергичнее бороться с анархическими тенденциями в деревне.

Анархисты в этот период продолжали работать в советских учреждениях и избирались в Советы рабочих и крестьянских депутатов. В Гомеле 13 марта 1919 г. был созван уездный съезд Советов крестьянских депутатов. В его президиуме находился анархист Н. И. Барабанов. Уроженец деревни Покозь Гомельского уезда, Николай Барабанов эмигрировал в свое время в Америку, где, очевидно, и присоединился к анархистскому движению, достаточно сильному среди рабочих-иммигрантов. Впоследствии служил в Красной Армии, но в 1920 г. был арестован и находился в тюрьме.

Многопартийным пока оставался и состав Гомельского Совета рабочих депутатов. Весной 1919 г. в него, наряду с представителями других социалистических партий, входили избранные от железнодорожного узла анархист Анахим и беспартийный Моисеенко (бывший анархист). Одновременно в этот период происходит вступление многих видных анархистов в ряды партии коммунистов-большевиков. Значительный толчок этому дал происшедший в Калинковичах, Речице и Гомеле стрекопытовский мятеж.

В марте 1919 г. 67-й и 68-й полки 8-й дивизии Красной Армии («Тульская бригада»), находившиеся на советско-петлюровском фронте между Мозырем и Овручем, отказались воевать и погрузившись в эшелоны, двинулись в тыл. Беспорядками на почве антивоенных настроений воспользовались реакционно настроенные группы комсостава бригады из бывших офицеров и гомельское контрреволюционное подполье из числа чиновников и служащих железной дороги. Мятеж возглавил полковой интендант, бывший штабс-капитан В. В. Стрекопытов, представитель крупной купеческой фамилии из Тулы. Стрекопытов объявил себя «командующим Первой армии Русской

республики» и сторонником Учредительного собрания. Советская историография приписывала мятежу эсеровский характер, но это явно не так — несмотря на декларируемые мятежниками демократические ценности, по своей общей направленности выступление носило чисто белогвардейский характер. Скорее всего — подпольная офицерская организация, его подготавливавшая, была савинковского толка. Текстуальный анализ воззваний стрекопытговцев позволяет предположить, что в своей основе они вообще напоминали воззвания, составленные Б. В. Савинковым, и как минимум могли быть скопированы с подобных образцов. По некоторым данным, в «Тульской бригаде» ранее действительно служили члены подпольной организации Бориса Савинкова Союз защиты Родины и Свободы — например, бывший офицер Лауниц.

После того, как мятежники приступили к захвату Гомеля, часть советского актива заняла оборонительные позиции в гостинице «Савой». Несмотря на то, что стрекопытговцы освободили из тюрьмы всех политзаключенных и вступили в контакты с представителями правых социалистических партий, левые эсеры и анархисты прибыли в распоряжение коммунистического руководства города, оборонявшихся в «Савойе». Для них реакционный характер этого выступления, особенно на фоне начавшихся в городе погромов, был очевиден. Однако большевики выдать оружие «политически сомнительным» левым эсерам отказались. Однако недавние анархо-коммунисты Е. С. Майзлин, А. Драгунский и другие приняли активное участие в обороне «Савойи». Следует отметить, что обладавшие большим опытом боевой работы, бывшие участники подпольного объединенного ревкома не поверили обещаниям стрекопытговцев сохранить жизнь коммунарам в случае сдачи. И предпочли просто выйти из окружения. Сдавшиеся же повстанцам коммунисты — руководители обороны «Савойи» — подверглись жестокому издевательствам, а несколько дней спустя были зверски убиты. Действия контрреволюционеров в отношении плененных в «Савойе» партийных и советских лидеров отличались чрезвычайной даже для гражданской войны жестокостью — перед смертью жертв скальпировали, женщинам вырезали груди и т.д. Однако мятеж был быстро и жестко подавлен красными курсантами, частями Красной армии и прибывшими с Брянщины крестьянскими отрядами.

Стрекопытовщина подтолкнула РКП(б) к еще более форсированному установлению однопартийной диктатуры на Гомельщине и Могилевщине. При этом партийная пропаганда постоянно подчеркивали исключительную роль компартии в подавлении опасного контрреволюционного мятежа, что служило дополнительным стимулом для перехода в ее ряды выходцев из других левых организаций. Именно в 1919 г. в РКП(б) вступает немало бывших анархистов. Процесс этот носил достаточно сложный характер. Одни полностью переходили на позиции большевизма, безоговорочно признавая его правоту и эффективность в кровавом хаосе гражданской войны. Другие и в этих сложных условиях сохраняли веру в будущую самоорганизацию общества, надеясь, что по окончании вооруженного противоборства партийную диктатуру сменит власть свободных Советов. Характерен в этом отношении пример анархиста А. Л. Шпитальского.

Он родился в гомельском предместье Ново-Белица в 1875 г. Еще в 1894 г., будучи на заработках в Екатеринославе, Шпитальский вступает в марксистский кружок. В 1895 г. он работает в Гомеле, ведет агитацию среди рабочих, в декабре же этого года арестовывается царской полицией и находится в тюрьме в Гомеле и Могилеве до марта 1897 г. После выхода на свободу Арон Шпитальский в течении нескольких лет не принимает участия в революционном движении. Но в начале 1904 г. в Могилеве вступает в контакт с группой марксистов-искровцев, летом 1905 г. участвует в забастовке на предприятии Гросберга в Могилеве и ведет агитацию среди батраков на винокуренном заводе в имении Рогина под Гомелем. Из-за преследований ему в обоих случаях пришлось оставить работу. После погрома в Гомеле в январе 1906 г. он уезжает в Америку, где присоединяется к организации социалистов в Кливленде. В 1910 г., разочаровавшись в умеренности реформистов, Шпитальский переходит к анархистам, под влиянием которых тогда находилось значительное количество рабочих-иммигрантов из Российской империи. В июле 1917 г. Шпитальский возвращается в Россию, в ноябре 1917 г. приезжает в Гомель и присоединяется к организации анархистов-коммунистов.

Впоследствии, будучи в сентябре 1935 г. арестованным Гомельским УНКВД, Шпитальский дает по этому поводу следующие показания:

«В октябре 1919, в время партийной недели, я вступил в партию, идейно не порвав с анархизмом.

Вопрос: Для каких целей вы вступили в партию, не порвав с анархизмом?

Ответ: Я пошел на компромисс. Я принципиально был против всякой власти, но считал, что, поскольку власть существует, то лучше Советская власть, чем какая-либо другая власть. Однако я не был согласен с налоговой политикой Соввласти. Особенно по отношению к с/х (крестьянам).

Вопрос: ...В чем выражались ваши действия против этой политики?

Ответ: Несогласие было в период 1922—1924 гг. и выражалось в том, что я считал, что обкладывание с/х налогом советским государством тормозит развитие сельского хозяйства и вызывает недовольство крестьян. Хотел сдать свой партбилет. Разговаривал с рабочим завода «Пролетарий» Слободовым о том, что налоговый пресс ведет к разрыву рабочих с крестьянством в 1927 г.» [14; Л. 7]

Несмотря на далеко не добровольный характер этих признаний, Шпитальский, скорее всего, здесь вполне искренен. Действительно, для зародившегося около этого времени течения анархо-большевизма был характерен именно такой подход. Советская власть и Коммунистическая партия, соответственно, признавались наименьшим злом. Полное уничтожение государства откладывалось на потом, но в диктатуре пролетариата, по крайней мере, такой, как она была описана в работе Владимира Ленина «Государство и революция», анархо-большевиками виделось уже «полу-государство, отмирающее государство, государство-коммуна». Однако сама практика большевистской власти в обстановке хозяйственного хаоса и гражданской войны давала слишком мало оснований для такого идеалистического взгляда.

Таких, как Арон Шпитальский и многих других, невозможно назвать ренегатами анархизма — хотя бы потому, что свою революционную деятельность они и многие анархисты первой волны начинали как марксисты-социал-демократы. Да и потом они продолжали верить в безгосударственное устройство будущего общества. Поэтому, скорее, можно говорить о том, что под влиянием практики и обстоятельств у многих из них произошло возвращение к научному социализму. Но на этот раз — в форме ленинизма, весьма своеобразно соединившего в себе наследие классического марксизма с революционным народничеством, и, до определенной степени — с анархо-коммунизмом.

Тем не менее, анархизм все еще продолжал пользоваться популярностью в рабочей среде, несмотря на все меры, которые принимались против него новой властью. Так, в сентябре 1919 г. среди 397 делегатов Гомельского губернского съезда производственных союзов было три анархо-коммуниста и два анархо-синдикалиста. Анархо-коммунисты представляли на этом съезде профсоюзы Гомеля, Орши, Горок. При этом коммунистов там было 86, самую же большую «фракцию» среди рабочих составляли беспартийные — к ним принадлежало 133 делегата. [53, Л. 607] Следует отметить также, что нередко «беспартийными» предпочитали записываться многие бывшие или действующие анархисты и социалисты.

В 1919 г. органы большевистской власти в Беларуси переходят к непосредственному репрессивному давлению на анархистские организации. Определенное запаздывание этого процесса в большей части белорусских губерний, по сравнению с собственно Россией, было связано с немецкой и польской оккупацией Беларуси и с тем, что еще недавно анархисты-коммунисты и коммунисты-большевики являлись союзниками по подполью, боровшемуся против интервентов. Но неумолимая логика гражданской войны всем навязывала свою жесткую волю...

Характерный пример — ночью 23 сентября 1919 г. ЧК Стародубского уезда Гомельской губернии была арестована К. В. Буддина. При аресте у нее было обнаружено воззвание анархистов Стародуба к рабочим с призывом к свержению Советской власти. Как доносил помощник начальника Стародубской ЧК М. Эпштейн, на вопрос, кому она разослала это воззвание, Клавдия Буддина отвечать категорически отказалась, заявив: «Я анархистка и не признаю никакой власти».

25 сентября на допросе у следователя 20-летняя Буддина, руководитель Второго детского сада, отказалась признать себя виновной в контрреволюции: «Я анархистка уже второй год. Все свои убеждения я пропагандировала, и старалась организовать в Стародубе группу анархистов, но это мне не удалось. В моей квартире было лишь одно собрание анархистов». Ранее она состояла в партии левых эсеров. По мнению Буддиной, воззвание было направлено не против Советской власти, а против большевиков. По данным следствия (в его руки попал протокол собрания), в анархистском собрании 24 августа участвовали П. Г. Харьков, Ф. А. Поляков, В. П. Будаев, М. П. Сергунов. [115; Л.л. 5, 6]

30-летний Федор Александрович Поляков работал фельдшером в Стародубской советской больнице. 28-летний Михаил Петрович Сергунов, «штатный инструктор Стародубского уезда», в контрреволюции себя виновным также не признал, но сообщил, что с июля 1919 г. «я принадлежу к партии анархистов-коммунистов». Однако он откололся от местной группы, так как был против ее активных выступлений. Шашка и патроны, найденные у него, по его словам, принадлежали брату. 21-летний Василий Петрович Будаев, заведующий мастерской при школьном отделе Наробраза, виновным себя не признал. Заявил лишь, что считает себя сочувствующим группе анархистов. При обыске у него была обнаружена анархистская литература и воззвание анархистов Стародуба. 34-летний Петр Григорьевич Харьков, школьный инструктор, виновным себя не признал, свое участие в съезде анархистов в Москве отрицал, хотя мандат делегата был обнаружен у него при обыске. Характерно, что Петр Харьков, как и Буддина, был ранее левым эсером, и поддерживал связи с бывшими левыми эсерами Яковом Харьковским из Картушина и Павлом Вальковым из Харькова.

Полностью отрицал свою принадлежность к группе анархистов брат Петра Харькова, 26-летний Степан Григорьевич Харьков, учитель деревни Долботово и председатель волостного культурно-просветительного кружка. К делу был также привлечен военный комиссар Гарцевской волости Василий Иванович Чижов. Однако он сообщил следствию, что считает себя сочувствующим коммунистам, а анархистскую литературу брал у Буддиной просто «из интереса».

О том, что он ничего общего не имеет с анархистами, заявил и бывший левый эсер Филипп Петрович Булавин, председатель Чаусовского волостного Совета народного образования. Он был арестован в полночь 26 сентября после возвращения из Трубчевска с репетиции спектакля. Однако при обыске у него было изъято большое количество литературы: «Анархия» и «Критика религии» Э. Малатесты, «Учитель анархии» Г. Сандомирского, «Мужики без начальства» С. Зайца, «Коммунизм» В. Климова, «Великая Революция» и «Хлеб и воля» П. Кропоткина, «Отец анархии» Ю. Стеклова, «Как жили крестьяне» А. Карелина, «Революция» К. Оргениани, «Моему брату» Э. Рекло, «Революция в опасности» Д. Ньювенхейса, «О веротерпимости» Л. Толстого, «Свободный человек» А. Андреева, «Анархия» Гордина. Достаточно обширная библиотека, свидетельствующая об активной легальной издательской деятельности анархистов того периода. Часть перечисленной здесь литературы принадлежала перу классиков анархистской мысли, некоторая часть — авторам, малоизвестным, наверное, даже специалистам. Кроме этого, были обнаружены журналы «Труд и Воля», издание Украинской партии левых социалистов-революционеров-борьбистов (УПЛСР-борьбистов) «Украинская партия», и другие.

Допросы Клавдии Буддиной продолжались. Следствие выяснило, что семья ее живет в Погаре, отец — милиционер, мать — учительница. В Стародубе находится с апреля 1918 г., до этого была в Петрограде, где до революции работала на Невской мануфактуре, затем окончила курсы по дошкольному образованию. Еще до революции Клавдия вступила в

партию эсеров, после раскола партии осталась в ее левом крыле. Буддина показывала, что «Воззвание...» было составлено исключительно ею, разослать его она никуда не успела. Часть воззваний хранилась в Москве. «Все упоминаемые в деле лица почти никакого участия не принимали, ссылаясь на недостаток времени и тому подобные основания. Но я замечала, что они почему-то опасаются. Созвать собрание мне никогда не удавалось. Бывало, созываю я человек десять, но собираются всего несколько, человека два — три», — так описывала активистка непростую атмосферу, в которой тогда приходилось работать.

Буддину, Булавина, Будаева, Сергунова, Полякова, Чижова и П. Харькова постановлением Стародубской ЧК заключили в арестный дом. Но через некоторое время Ф. Булавин был освобожден под поручительство Чаусского волостного исполкома, под подписку о невыезде были выпущены также П. Харьков и Будаев. Чижов, как член партии, был направлен в распоряжение Укома РКП(б). За освобождение Сергунова до суда также ходатайствовало под свое поручительство правление Стародубской городской ячейки Союза работников просвещения и культуры, указывая на плохое состояние его здоровья. Однако он был оставлен под стражей ввиду того, что против него было возбуждено дело за хранение шашки и патронов.

3 октября для рассмотрения дела анархистов собралась коллегия Стародубской уездной ЧК в составе Булавко, Эпштейна, Турова, Лейбовича и следователей Дятлова и Середы. Ими дело было передано в Ревтрибунал. Характерно, что даже среди этих членов Стародубской ЧК были люди, в недавнем прошлом разделявшие те же взгляды, что и подсудимая Буддина. Позволим себе по этому поводу некоторое отступление. Упомянутый А. И. Лейбович — рабочий 1888 года рождения, образование низшее, в прошлом принадлежал к Стародубской группе эсеров-максималистов, осуществившей ряд террористических актов и экспроприаций, в т. ч. покушение на пристава Тихоржевского. [30; С. 306] В эту группу входила также Мария Никифорова, ставшая впоследствии знаменитым командиром анархистского партизанского отряда. В 1907 г. Лейбович был арестован, зверски избит полицией, и вместе с Никифоровой, Г. Н. Ритманом-Брагинским и другими приговорен к каторге. Он получил бессрочный приговор, сидел в Бутырьках и Ярославской тюрьме. Другой член экспроприаторской группы И. Веревченко был казнен, Малече — убит в тюрьме. Группу максималистов выдал некий Н. Поручко, расстрелянный в 1918 г. Стародубской ЧК. [16; Л. 3]

Что касается участницы Стародубской максималистской группы Марии Григорьевны Никифоровой, то она в числе других политкаторжанок бежала в 1909 г. из Таганской женской тюрьмы (в организации побега участвовал Владимир Маяковский, очевидно, в молодые годы также сочувствовавший анархизму), после побега участвовала в Первой объединительной конференции русских анархистов-коммунистов за границей в 1913—1914 годах в Лондоне. Никифорова училась в Париже на художника, во время первой мировой войны вступила во французскую армию, принимала участие в боях на Салоникском фронте. В годы гражданской войны Мария Никифорова

составляла на юге Украины конкуренцию самому Н. И. Махно. Член Секретариата Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК). Арестовывалась красными за самоуправные действия. По одной из версий, выехала в Крым для покушения на генерала А. И. Деникина, была схвачена белой контрразведкой в Симферополе и повешена по приговору Севастопольского военно-полевого суда осенью 1919 года.

Лейбович пошел по другому пути. В 1918 г. он едет к Ленину за оружием для повстанцев. Командует Стародубским повстанческим отрядом, оперирующим против немцев и гайдамаков. Вступает в Коммунистическую партию большевиков, работает в органах ЧК и милиции Гомельской губернии. Следует отметить, что этот случай достаточно типичный — немало анархо-большевиков, анархистов и бывших анархистов, также как и левых эсеров и максималистов, пошли работать в органы ВЧК. Как правило, в недавнем прошлом они были боевиками, зачастую подвергались жестоким репрессиям царской полиции. Это было обусловлено не только их значительной идейной близостью, но и психологическими особенностями, склонностью к крайним, силовым методам борьбы. Наиболее известный пример — Я. Х. Петерс, латышский лесной брат, в 1905 г. партизанивший в районе Либавы. По версии советской историографии, эти лесные братья находились под влиянием социал-демократов, но вот арестован Екаб (Яков) Петерс в марте 1907 года был за покушение на жизнь директора завода во время забастовки — фактически, за акт экономического террора. Подобная тактика правоверными социал-демократами не признавалась, но вот анархистами и максималистами применялась часто... Эмигрировав в Великобританию, будущий чекист присоединяется к полуанархистской группе «Лиесма» и участвует в попытке ограбления ювелирного магазина в лондонском районе Ист-Энд, которая закончилась знаменитой осадой на Сидней-стрит 3 января 1911 года. В результате настоящего боя полиции с экспроприаторами, которой руководил министр внутренних дел У. Черчилль, был убит двоюродный брат Петерса Фриц Думниек. Сам Яков Петерс в ходе тех событий был арестован, но впоследствии все же смог выйти на свободу. Тесть brutального латышского эмигранта, английский предприниматель Фримен в тот период характеризовал своего зятя как «террориста, анархиста и коммуниста». [117]

Характерно, что в 1915—1917 годах в Англии находился и Т. С. Самсонов-Бабий, анархист-коммунист с 1907 года, организатор и лидер Ливерпульской группы русских анархистов, в последующем — также видный чекист. Арестованный английской полицией, Петерс, правда, отрицал свою принадлежность к анархистам. Уже как большевик, Я. Петерс в 1917—1919 г становится председателем Ревтрибунала, заместителем председателя и и.о. председателя ВЧК. Именно он был автором знаменитой статьи в журнале ВЧК, в которой говорилось — не следует искать доказательств вины в деле подсудимого, их следует находить в его классовом происхождении. Своеобразная интерпретация идей анархистов-террористов-безмотивников, только на этот раз уже в рамках классового террора со стороны боевых отрядов диктатуры

пролетариата — ЧК. Однако следует отметить, что подобные крайние интерпретации были свойственны только отдельным представителям новой власти, а отнюдь не всем органам рабоче-крестьянского государства.

Самсонов-Бабий дольше, чем его будущий руководитель, оставался на позициях анархизма. В апреле 1918 года он был арестован чекистами в Москве в ходе массовой операции по анархистам, но вскоре был освобожден (возможно, не без вмешательства Я. Петерса), работал в органах военного контроля (контрразведки) Третьей армии Восточного фронта в 1918—1919 годах, начальником Секретно-оперативного отдела ВЧК в 1920—1926 годах и т. д. Специализировался на борьбе с анархистами. Что касается А. И. Лейбовича, то впоследствии, за допущенные во время работы в ЧК и милиции злоупотребления, он подвергался партийному взысканию.

Возвращаясь к делу стародубских анархистов, стоит отметить, что следствие, проведенное уездной ЧК, и заседание местного Ревтрибунала выяснили, что Буддина и ее анархистская группа вели агитацию в Погаре, были связаны с Бежицей и Клинцами. Анархист Трунов из Бежицы и Иванченко из Клинцов письменно приглашались приехать в Стародуб. Буддина также ездила в Москву, Харьков и Гомель. Следователи также именуют ее членом «Московской партии анархистов-коммунистов», возможно, имея ввиду Московскую федерацию анархистских групп или ВФАК. На Первом съезде ВФАК в конце 1918 г., по-видимому, должен был участвовать и делегат от Стародубской группы П. Г. Харьков. Было установлено, что Буддина не признает существующую власть, заявляет, что управлять должны все, а не кучка; что государство не в состоянии заботиться о трудящихся; что «буржуев стало больше» и что появилась советская буржуазия; что крестьяне живут так же, как и раньше жили, получили права, но этими правами пользоваться им не дают.

Сергунов признал себя анархо-коммунистом кропоткинского толка, указав, что воззвание стародубских анархистов к рабочим — результат нервного состояния Буддиной после расстрела 14-летнего мальчика. Этот мальчик был расстрелян чекистом Л. И. Черноморцем-Рудминским за какое-то незначительное антисемитское выступление.

Остановимся несколько подробнее на этом персонаже, поскольку зачастую именно такого рода люди несли ответственность за многие эксцессы времен гражданской войны, вызывавшие справедливые протесты как населения, так и левых социалистов, анархистов и т. д., что не снимает, конечно, вопроса, о создании ситуации, в которой такие злоупотребления были возможны. Черноморец-Рудминский — личность достаточно примечательная. Оказавшись в Гомеле летом 1919 г. вместе с волной беженцев от Деникина с Украины, среди которых находилось немало разномастных авантюристов, он устраивается на работу в местное ЧК. При этом сложно сказать, чем он занимался до этого и насколько его «революционная» автобиография, представленная гомельским большевикам, соответствует действительности.

Однако очень скоро этот авантюрист проявил свои подлинные наклонности на новой службе. За упомянутый расстрел несовершеннолетнего

Черноморец-Рудминский был арестован и осужден к заключению в колонии на 15 лет без права в дальнейшем занимать ответственные должности. Однако, будучи досрочно освобожденным, он вновь используется на оперативной работе. Возглавляет в Речицком уезде т.н. «контрбанду» — псевдоповстанческое формирование для борьбы с антибольшевистскими вооруженными группировками. Однако деятельность контрбанды выливается в настоящий разгул бандитизма. Для прояснения ситуации на встречу с ним в охваченный «контрбандитизмом» уезд выезжает заместитель председателя Гомельского ЧК Н. И. Эйтингон — в прошлом левый эсер, а в будущем — организатор убийства Троцкого. Тогда же, на встрече с Черноморцем-Рудминским Эйтингон получит ранение в ногу, едва не закончившиеся для него ампутацией. Вскоре после этого главарь контрбанды, авантюрист и сотрудник ЧК Лев Черноморец-Рудминский, захватив оружие, лошадей и любовницу, скрывается в неизвестном направлении.

Совершенный Черноморцем-Рудминским расстрел и побудил Буддину выступить с резким воззванием. Обвинитель Ревтрибунала Медведев заявил: «...зная анархистов, он среди них не знал такого, который бы был против Советской власти. Буддину он считает отроском реакции». Защитник Буддиной Брыкин, тем не менее, утверждал: «Можно с уверенностью сказать, что все обвиняемые люди честные, ищут правды, но, к сожалению, не могут найти и не знают, где найти». [115; Л. 49] По мнению защиты, главный состав преступления составляет «Воззвание...», но доказательства того, что оно было распространено, отсутствуют.

Ревтрибунал вынес приговор по делу Клавдии Булдиной и стародубской группы анархистов 11 октября. В приговоре говорилось: «Она [К. В. Булдина — Ю. Г.] произвела впечатление, не соответствующее идеям учения анархизма, а просто навела впечатление, как просто контрреволюционерка, стремящаяся к достижению свержения Соввласти и играла втемную (врагам социалистического государства и европейским буржуазным государствам)». Стародубские же анархисты «...старались ослабить силы пролетарского государства своими мнимо-анархистскими идеалами и созданными Булдиной воззваниями, направленными не к просвещению рабочего люда, как это делает истинный анархизм, а к заблуждению пролетариата». [115; Л.л. 51 об, 52]

К. Булдина была направлена в дом общественных работ на три года (возможно, туда же, где отбывал наказание и виновник расстрела, послужившего поводом к «Воззванию...», Л. Черноморец-Рудминский). П. Харьков и М. Сергуненко (Сергунов) — в концентрационный лагерь на один год, В. Будаев — на фронт для искупления вины, через местный военкомат, а Ф. Поляков был приговорен к одному году условно. В. Чижов, Ф. Булавин и С. Харьков были по суду оправданы.

Характерны пассажи в приговоре Ревтриба о том, что дело «истинных анархистов» — исключительно просвещение рабочих масс. Именно к такого рода функциям партия большевиков пыталась свести деятельность анархистов в первые послереволюционные годы. Несмотря на репрессии в отношении нелояльных активистов, в целом отношение коммунистов к

идейным анархистам первоначально было значительно более терпимым, чем к правым социалистам, эсерам и меньшевикам, не говоря уже о контрреволюционных организациях. Большинство анархистских групп и федераций действовали легально до начала 1920-х гг., а анархистский кружок при Доме-музее П. А. Кропоткина в Москве и анархо-синдикалистское издательство «Голос труда» — до конца 1920-х гг. Вызвано это было несколькими причинами. Во-первых, в 1917-ом и в первую четверть 1918 г. (а на оккупированных территориях — и позже, иногда до начала 1920-х гг.) большевики и анархисты были ближайшими союзниками. Во-вторых, анархистские организации были одним из источников, откуда ряды коммунистической партии и комсомола пополнялись боевыми кадрами, немало анархистов занимали ответственные посты в Красной Армии — В. И. Чапаев, Д. И. Фурманов, Г. И. Котовский, Н. И. Махно, Н. А. Каландаришвили, А. Г. Железняков, А. В. Мокроусов, В. С. Шатов, К. В. Акашев, и в ЧК — Я. Х. Петерс, Т. П. Самсонов-Бабий, Е. Г. Евдокимов и многие другие. В первом составе коллегии ВЧК служило 17 большевиков, 10 левых эсеров и два анархиста. В-третьих, в еще большей степени именно из анархистов и близких к ним «левацких» элементов происходило формирование иностранных коммунистических партий, входивших в Коминтерн. В некоторых романских странах анархистские, анархо-синдикалистские и революционно-синдикалистские организации являлись едва ли не основной кадровой базой при образовании структур компартий. В-четвертых, на первоначальном этапе идейные анархистские группы (но не вооруженные отряды типа «Черной гвардии») все же рассматривались большевиками как значительно менее вредные для своей власти, чем централизованные структуры других партий — в силу их идеологической близости, преимущественно теоретически-пропагандистского уклона и слабой организации.

Если можно говорить о том, что в годы гражданской войны все анархистское движение разделилось на два течения — анархо-большевистское, ориентированное на тесное сотрудничество с Коммунистической Партией (большевиков), вплоть до слияния, и активистское, противостоящее, вплоть до вооруженной борьбы, Советской власти, то в 1917—1918 гг. в Беларуси позиции первого очевидно преобладали. Связано это было прежде всего с тем, что для Беларуси иностранная интервенция, сопровождающаяся социальной реакцией, являлась в этот период не просто угрозой, но и свершившимся фактом. Присутствие на белорусской территории немецких, гетмановских, петлюровских и польских войск, таких белогвардейских формирований, как савинковская и балаховская «армии», разномастных банд, постоянное наступление контрреволюции в первый период гражданской войны — все это заставляло действовавших тут анархистов, равно как и левых эсеров, максималистов, левых меньшевиков и левых бундовцев, наряду с Белорусской партией социалистов-революционеров (БПСР), придерживаться тактики «единого революционного фронта» с большевиками.

Очевидно, в силу этих же причин и активистски настроенная часть анархистов в Беларуси, как правило, не шла в этот период в своем противостоянии большевистской власти дальше агитации, пропаганды и других мирных форм борьбы.

3. Уроженцы Беларуси: от Фанни Каплан до анархо-большевиков

Однако уже в первое время существования Советской власти отдельные представители социалистического движения вступили на путь вооруженной борьбы с нею. Были среди них и бывшие анархисты. В августе 1918 г. происходит покушение на петроградского комиссара печати М. М. Володарского, в сентябре — на председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого в Петрограде и на Владимира Ленина в Москве, на снаряженном и машиностроительном заводе А. М. Михельсона. Эти выступления связываются с деятельностью Боевого отряда ПСР Г. И. Семенова-Васильева. По некоторым данным, сам Семенов-Васильев, как и его помощника Л. В. Коноплева, в 1906—1912 гг. примыкали к анархистам. Анархистом был в прошлом и рабочий Сергеенко, стрелявший в Володарского. [118; С. 164]

Анархисткой-коммунисткой в период революции 1905—1907 гг. являлась и участница покушения на Ленина Фанни Ефимовна Каплан (Ройтблат, Ройдман, Ройтман), предположительно — уроженка г. Речицы Минской губернии. В 1906 г. она в составе группы анархо-коммунистов прибыла в Киев для участия в покушении. Здесь 22 декабря в ее гостиничном номере на Подоле, на Волошинской улице, произошел взрыв самодельной бомбы. Раненая анархистка была арестована по паспорту Ф. Каплан и приговорена военно-полевым судом к бессрочной каторге. Наказание она отбывала в Мальцевской женской каторжной тюрьме, потом в Акатуе. [118; С. 240, 241]

Можно предположить, что в данном случае речь идет об уже упоминавшейся подготовке покушения группой анархистов-коммунистов С. Н. Бейлина (Саши Шлюмпера) на генерал-губернатора Сухомлинова.

Что касается участия Фанни Каплан в террористическом акте против Владимира Ленина, то сегодня многое в этом запутанном деле ставится под сомнение. До сих пор не ясно, в какой мере действия отряда Семенова—Коноплевой были санкционированы ЦК ПСР, было ли это самодеятельностью оторвавшихся от партии авантюристов или кто-то из членов ЦК, в индивидуальном порядке, все же дал свою санкцию на организацию террора против руководителей большевистской партии и Советского государства. Некоторыми современными исследованиями опровергается и тот факт, что в председателя Совнаркома Владимира Ленина стреляла именно Ф. Е. Каплан, которая после взрыва в киевской гостинице имела проблемы со зрением. Спорным остается место рождения Каплан-Ройтблат — существуют версии, что она является уроженкой Одессы, в ином варианте — Волыни, но впоследствии проживала с семьей в Одессе, и т.д. Во всяком случае, родители Ф. Каплан на момент ее ареста в 1906 г. находились в эмиграции в Нью-Йорке. Тем не менее, есть свидетельство ее внучатого племянника А. Полеева, профессора Института психоанализа при МГУ, что Ф. Каплан училась в Гомеле в частной женской гимназии, а затем за отличную учебу особым решением была переведена в государственную Гомельскую женскую гимназию. [120; С. 195]

Однако следует отметить, что если Фанни Каплан и была причастна к покушению на Ленина, то в это время уже однозначно не могла являться анархисткой. В августе 1918 г. не существовала ни одной анархистской группы, проповедовавшей индивидуальный террор против большевистских лидеров. Общее же идеологическое поле, в котором пребывали боевики отряда Семенова—Коноплевой — это, скорее, крайне правая тенденция в ПСР, более близкая к савинковщине, чем к какой-либо разновидности анархизма.

В целом можно отметить, что анархисты, перешедшие в ряды правых эсеровских и т.п. организаций, скорее составляют исключение, в отличие от случаев их перехода на сторону Советской власти. Из последних можно привести еще пример К. В. Акашева, уроженца деревни Михалино Витебской губернии, о деятельности которого в качестве боевика в годы революции 1905—1907 гг. мы уже говорили. Бежав в марте 1909 г. из ссылки, он сначала оказался в Северной Африке, потом проживал в Германии, Франции, Италии. Согласно сведениям, предоставленным нам преподавателем МГУ, д.и.н. Я. В. Леонтьевым, в 1910—1911 г. Константин Акашев учился в военно-авиационной школе Капрони в Милане, в 1912—1914 гг. — в Высшем училище аэронавтики в Париже, получил диплом инженера-аэронавта. Одновременно участвовал в анархистских кружках вместе с И. Гроссманом-Роциным и Г. И. Гогелия (К. Оргениани). С началом Первой мировой войны вступил добровольцем во французскую действующую армию, в Первый авиаполк. В 1915 г., по окончании французского летного училища, командирован в российскую армию. Был арестован на границе, освобожден через три месяца, но прошение об отправке на фронт удовлетворено не было. Работал инженером-летчиком на авиазаводах, в 1916—1917 гг. являлся секретарем Петроградской группы анархистов. Как указывает Акашев в своей биографии, представленной во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев (ВОПиС), в декабре 1916 г. он, по предложению меньшевиков-интернационалистов, готовил авианалет на императорскую резиденцию в Царском Селе. Принял активное участие в Февральской и Октябрьской революции. Выступая в июне 1917 г. на конференции фабзавкомов Петрограда от авиазавода Слесаренко, отстаивал идею производственного самоуправления, доказывая, что после того, как заводские комитеты получили свободу действий, производство увеличилось на 100 и даже 200 процентов. После вооруженного выступления анархистов в июле 1917 г. скрылся от ареста. В октябре при штурме восставшими Зимнего дворца вывел две батареи юнкеров Михайловского артиллерийского училища из дворца, участвовал в разгроме войск Краснова. С ноября 1917 г. — военный комиссар управления Военно-воздушного флота (ВВФ), с декабря — председатель Всероссийской коллегии по управлению ВВФ Республики. Фактически Акашев стал одним из создателей советской военной авиации. С июля 1919 г. — начальник авиации Южного фронта и одновременно — начальник ВВФ Республики. В августе—сентябре 1919 г. лично возглавляет авиагруппу, которая нанесла серьезный ущерб рейдирующему конному корпусу белогвардейцев генерала К. К. Мамонтова, создавшего серьезную угрозу Советской Республике

и ее столице — Москве. С 1921 по 1923 гг. — «в секретной заграничной командировке», очевидно, выполняет разведывательные задания ГРУ и ВВС. Трудно сказать, какую в точности эволюцию претерпели в эти годы политические взгляды Акашева. Известно одно — в коммунистическую партию он не вступал, в анкетах предпочитал именовать себя беспартийным.

Жизни революционера из Беларуси Константина Акашева хватило бы на многотомный приключенческий роман. Финал ее был трагичен — в 1929 г. он, помощник директора авиационного завода №1, преподаватель Академии Воздушного Флота, был арестован ГПУ. Освобожден после голодовки. Но следует второй арест. По официальной версии, Константин Акашев был расстрелян по приговору Коллегии ГПУ 9 апреля 1931 г., по другой — погиб прямо во время допроса. Возможно, бывший боевик просто решил дать последний бой допрашивавшим его жандармам, хоть и переодетым в новую, советскую форму. [121; С. 223]

Также активное участие в событиях Октябрьской революции в Петрограде и Кронштадте принимал Е. З. Ярчук, анархист из Белостока. В 1903—1905 гг. он участвовал в Белостокской группе анархистов-коммунистов «Хлеб и воля», бежал с военной службы, был арестован в Житомире, где создал анархо-коммунистическую группу. Работал в эмиграции в Федеративном союзе русских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. В 1917 г. организовал анархистскую группу в Кронштадте, избран членом Исполкома Кронштадтского Совета. В октябре 1917 г. — член Петроградского Военно-революционного комитета от Союза анархо-синдикалистской пропаганды (САСП). Командовал одним из отрядов кронштадтских моряков, участвовавших в штурме Зимнего дворца. Был делегирован кронштадтцами на исторический II Всероссийский съезд Советов, где протестовал против создания Совнаркома сразу же после объявления о его создании, увидев в образовании нового правительства угрозу революции. После этого отправился с отрядом на фронт против генерала А. М. Каледина. Избран от Кронштадта на III Всероссийский съезд Советов. Издавал в Петрограде газеты «Голос труда» и «Вольный голос труда». Весной 1918 г. выходит из САСП, будучи не согласен с его курсом на сотрудничество с большевиками. На Первой Всероссийской конференции анархо-синдикалистов избран в состав Секретариата. Арестован ВЧК в ноябре 1918 г. на Второй Всероссийской конференции анархо-синдикалистов, рекомендовавшей «...товарищам обратить особое внимание на то, чтобы противопоставлять репрессивной деятельности, творческому бессилию и ложной, губительной экономической программе большевиков яркую программу анархического строительства». [11; С.277]

В 1919 году Ярчук работал в антиденикинском подполье в Киеве. Входил во Временное Исполнительное Бюро Российской Конфедерации анархо-синдикалистов (РКАС). Неоднократно арестовывался ВЧК. Один из организаторов похорон П. А. Кропоткина 13 февраля 1921 г. на Новодевичьем кладбище. В марте 1921 г. Ярчук выступил в поддержку Кронштадтского восстания. После очередного ареста и заключения в Бутырской тюрьме был

выслан за границу. В Берлине участвовал в организации Заграничного Бюро РКАС, член Комитета защиты анархо-синдикалистов при Международном Товариществе Рабочих. В 1925 г. Ефим Ярчук вернулся в СССР и публично заявил о признании диктатуры пролетариата. В 1928 г. занимался подготовкой ликвидационного съезда анархистов. Был репрессирован в годы «большого террора».

Не менее выдающуюся роль в подготовке Октябрьской революции сыграл И. С. Блейхман (Н. Солнцев). Он родился в 1868 г. в местечке Видзы Ковенской губернии. В 1904 г. примкнул за границей к анархистам-коммунистам. По возвращении до 1913 г. вел анархистскую работу в Двинске Витебской губернии. Организовывал профсоюзы двинских портных, булочников, кожевников. В 1914 г. работал в Петрограде. После ареста в 1914 г. был сослан в Сибирь. С марта 1917 г. Иосиф Блейхман — член Петроградского и Кронштадтского Советов, неоднократно выступал там с требованием допустить анархистов в Совет. Один из организаторов вооруженной демонстрации солдат и матросов 3 июля 1917 г. В 1917—1919 гг. секретарь Петроградской федерации анархических групп. Преследовался Временным правительством. Член Петроградского ВРК в дни Октябрьского восстания. Служил в Красной Армии. В 1920 г. Блейхман являлся председателем Московского губернского отдела профсоюзов. Был арестован большевиками в октябре 1920 г. за связь с Нестором Махно, отправлен на лесозаготовки, где тяжело заболел. Будучи освобожденным по состоянию здоровья, Блейхман-Солнцев умер в 1921 г. от болезни легких. [122; С. 139]

Иначе сложилась судьба в после победы революции у некоторых других участников анархистского движения в Беларуси в 1905—1907 гг. И. М. Гейцман сразу стал тесно сотрудничать с большевиками, именно в отношении его едва ли не впервые стало употребляться понятие «анархо-большевик». В 1923 г. он, после соответствующего обращения в советской печати ко всем анархистам, вступил в РКП(б). В 1928 году Гейцман — представитель НКВД на Дальнем Востоке, затем — директор Центрального Военного архива. В 1938 году был репрессирован.

В 1917—1918 гг. в работе ряда легальных анархистских организаций и печатных изданий участвует идеолог белостокских чернознаменцев И. С. Гроссман-Рошин. В 1919 г. он приезжает к Махно, встречается там бывших товарищей по Белостоку, но позиционирует себя в штабе Революционной повстанческой армии Украины (РПАУ) им. Батьки Махно как анархо-большевик. В своей написанной в 1924 г. работе «Думы о былом», как мы уже упоминали, Гроссман-Рошин пытается представить разрабатываемое им чернознаменное направление в анархизме как своего рода предтечу большевизма.

Лояльное отношение к Советской власти некоторое время сохранял и Александр Беркман, видный деятель международного анархизма, уроженец Вильны. В декабре 1919 г. он был выслан в Советскую Россию за антиамериканскую деятельность, в 1920 г. был одним из организаторов Всероссийской Федерации анархистов. Однако в 1921 г., под влиянием кронштадтских

событий, Беркман становится в оппозицию большевистскому режиму. В декабре 1921 г. вынужден был эмигрировать в Берлин, занимался оказанием интернациональной помощи заключенным на советской территории анархистам.

Уроженцы Беларуси приняли участие и в махновском движении — наиболее крупном анархистском детище времен гражданской войны и одном из наиболее значимых явлений в истории международного либертарного движения. Немалую роль в махновщине сыграл Макс Чередняк (Чередняков), родившийся в Гродно в 1883 г. в семье городского бедняка. Парикмахер по профессии, он стал соратником видного безмотивника В. Лапидуса-Стриги. В 1917 г. Чередняк вернулся в Россию из эмиграции и организовал в Макеевке отряд Красной Гвардии. В январе 1919 г. его отряд вместе с формированием левого эсера Саблина первым вошел в Харьков. Чередняк был арестован ЧК через несколько дней. В РПАУ им. Батьки Махно командовал полком, затем бригадой. Был начальником контрразведки (Комиссии противомохновских дел) в Бердянске. Попал в плен к белым, был подвергнут пыткам, но сумел бежать. В 1930 г. уехал из СССР, участвовал в деятельности анархистских групп за рубежом.

В махновском движении и в работе Конфедерации анархистов Украины (КАУ) «Набат» принимал участие уроженец Гродно анархист Бутовецкий. Проживая в Миргороде Полтавской губернии, Бутовецкий возглавляет здесь местную группу набатовцев, осенью 1919 г. становится политическим руководителем Полтавской группы РПАУ махновцев. [123, С.584, 589; 124, С.598]

Махновское движение является, между тем, наряду с Кронштадтским восстанием 1921 г., одним из многочисленных примеров вооруженной борьбы анархистов с коммунистами-большевиками. Причем вооруженная конфронтация была развязана, скорее, по инициативе правящей партии. Существует предположение, что вдохновителем нанесения превентивного удара по РПАУ им. Батьки Махно был, прежде всего, председатель РВС Республики Л. Д. Троцкий, известный своим настороженным отношением к крестьянству и нелюбовью к популярным крестьянским «полевым» командирам (ему приписывают не только травлю Н. И. Махно, но и ответственность за разгром и гибель В. И. Чапаева и т.п.) В большинстве же случаев анархистское противостояние давлению коммунистического государства носило преимущественно мирный характер, несмотря на весьма жесткие репрессии.

Для Беларуси в особенности характерно стремление анархистов в период 1919—1921 гг. к максимально возможной легальной работе и ненасильственным формам борьбы с новой властью. Однако и здесь, в условиях «военного коммунизма» и эксцессов ЧК, существовали предпосылки своего «Кронштадта». Особенно после того, как степень угрозы белогвардейской реставрации была значительно снижена решающими победами Красной Армии и Флота в гражданской войне...

4. Днепровская военная флотилия в Гомеле. Гомельские анархисты в первые годы Советской власти

В августе — сентябре 1919 г. ввиду наступления Деникина из Киева на Гомель и на стоянки по р. Припять вынуждены были перебазироваться корабли Днепровской военной флотилии (ДВФ). Днепровская флотилия была образована в марте 1919 г., ее организатором и первым командующим стал революционный матрос А. В. Полупанов, донбасский шахтер, личность колоритная и бунтарская. Отчаянный партизан, Полупанов в 1918 г. командовал бронепоездом «Свобода или смерть», пересекался на фронте и с отрядом Маруси Никифоровой, и с махновцами. Личный состав флотилии формировался в Киеве, частично из черноморских и балтийских матросов, частично из «клевашников» — лихой братвы-вольницы с киевского Подола. По свидетельству начальника Политотдела ДВФ Т. И. Рьльского, флотилия была создана снизу, еще до прибытия «спецов» из Морского штаба. Пароходы, которые переоборудовались в канонерские лодки, явочным порядком захватывались революционными моряками у киевских судовладельцев. Рьльский вспоминал, что при «эксах» пароходов в Киеве буржуа заявляли: «Что такое — анархия? Кому нужна такая власть?» Андрей Полупанов, сам в прошлом заключенный плавучей тюрьмы, предпочитал суровым дисциплинарным мерам разъяснительную работу. Однако это далеко не всегда давало положительный результат. Самовольные экспроприации составляли фирменный почерк днепровцев и в Киеве, где от них стонала местная буржуазия, и в селах и местечках белорусского Полесья...

В сентябре 1919 г. председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий, не терпевший партизанщины, снял Полупанова с командования флотилией. При этом произошла следующая сцена. «Полупанов уходит, а полупановцы остаются», — сказал на прощание старый командующий принимавшему у него флотилию П. И. Смирнову. На что Смирнов, интеллигент с дореволюционным партстажем, ответил «с присущим ему задором»: «Не беспокойся за полупановцев, они уйдут вслед за тобой!»

И действительно, выгравить мятежный дух из военморев сразу не удалось. Смирнов докладывал об этом следующее: «Личный состав продолжает быть разнородным, партизански настроенным. Политическая работа велась слабо. Процент коммунистов был незначителен (в 1919 г. на 2 300 краснофлотцев — 63 коммуниста и 40 сочувствующих. — Ю. Г.) Флотилия жила махновскими идеями, и было много таких, которые, побывав у Махно и попав во флотилию, не прочь были попасть к нему снова. Снабжение продолжало ползти по всем швам. Бесформенность организации и отсутствие знаний и политической жизни у руководителей флотилии способствовало укреплению партизанщины. Это не могло не служить основанием развитию того недоверия к флотилии, которое создавалось у штарма XII и тем взглядам на нее, как на вооруженную силу». [125; Л.17]

Однако Смирнов, которого во флотилии недолюбливали за заносчивость и еще за любовь, вслед за Троцким, к офицерам-военспецам, все же постарался выполнить свое обещание. Во флотилии была произведена чистка. 65 процентов матросов было списано. Но и зимой 1920—1921 гг., которую флотилия провела в Гомеле, командование Гомельского укреп-района по-прежнему было настроено к личному составу флотилии весьма настроенно. По свидетельству бывшего военмора И. Г. Васильева, «среди руководства Укрепрайона о флотилии думали плохо и даже видели в ней анархистскую организацию, чем пугали своих противников...» [126; Л. 1]

Помимо военспецов, часть из которых служило честно, а часть встала на путь измены (бывшие офицеры флотилии Шашкевич и Киперман перебежали на сторону белополяков), на службу к большевикам шли и идейные анархисты. Политотдел расквартированной в регионе XII армии возглавлял бывший анархист Валентин, по свидетельству сослуживцев, отличавшийся чрезвычайной строгостью и требовательностью к подчиненным.

А бесшабашная матросская вольница постоянно давала повод для беспокойства местным властям. Иногда случались просто курьезы: «В один из теплых вечеров лета 1919 г. матросы Сожской флотилии заходят в Александрийский военный госпиталь и организуют в нем танцы (клуба и «красного уголка» в госпитале тогда не было). Дежурный персонал растерялся, воздействовать на своих сотрудниц-танцовщиц не смог.

Когда я с комиссаром эвакупункта Е. М. Спельман прибыл на место этого происшествия, танцоры погасили электрический свет. Раздались окрики: «Выбросить их в Сож, через окна». Однако уговаривать пришлось недолго. Матросы покинули госпиталь. Сегодня это чудовищно, но это было так», — вспоминал впоследствии, очевидно, уже в размеренные годы «застоя», член правления Гомельского губотдела профсоюза медработников. [127; Л. 9]

Впрочем, не только неписанный морской кодекс поведения служил причиной матросского бунтарства. Были основания и более серьезные. В предшествующие десятилетия была заложена и еще одна флотская традиция — особая революционность матросов. Так, в ДВФ служили моряки, принимавшие участие еще в революции 1905—1907 гг. В частности, днепровцем стал М. В. Седнев, матрос с крейсера «Аскольд», отбывавший каторжный приговор за выступление моряков во Владивостоке в 1907 г. Также повышенный радикализм моряков был связан с тем, что многие из них, будучи высококвалифицированными рабочими и посещая заграничные порты, обладали достаточно широким кругозором. Это и делало их особо неконформистской группой. Свою роль играл и своего рода элитаристский, корпоративный дух, поощряемый у военных моряков еще в царское время самим командованием, впоследствии трансформировавшийся в революционный авангардизм.

Частые случаи произвола ЧК, продразверстка, милитаризация труда и многое другое стали вызывать в 1920—1921 гг. протесты в разных слоях общества. Многие краснофлотцы также считали, что революция сбилась с верного пути, и пытались ее поправить по собственному разумению.

Так, в один из дней пребывания флотилии в Гомеле трое военморов буквально разогнали отряд молодых комсомольцев из местного ЧОНа, проводивших облаву на городском рынке и стрелявших при этом в воздух. Начальник милиции, руководивший облавой, был при этом избит. Попытку адъютанта коменданта города Д. И. Погуляева задержать моряков они проигнорировали, и, несмотря на его угрозу личным оружием, спокойно удалились. О происшествии днепровцы доложили своему начальнику флотилии и были арестованы им. Таких эпизодов было немало.

К сожалению, были эксцессы и другого рода. Матросы ДВФ зачастую не получали от советских органов ни продовольствия, ни обмундирования, и вынуждены были заниматься снабжением на свой страх и риск. Что, конечно же, не могло не вызвать многочисленных нареканий. Дисциплина среди личного состава флотилии по-прежнему оставляла желать лучшего. Особенно процветала партизанщина в десантном отряде Прокофьева. Командиру Особой роты А. Петрову и комиссару роты Т. Н. Стасюку (впоследствии — комиссару канлодки «Молодецкий»), оставившему воспоминания об этом эпизоде, в декабре 1919 г. в течение недели пришлось собирать свою роту для выступления на фронт. Десантники гуляли по частным квартирам и вспоминали «старые дни», когда они были под началом Полупанова. В ходе выдвижения на фронт, после пребывания в Калинковичах, Мозыре и деревне Прудки, имели место многочисленные эксцессы в отношении местного населения. Некоторые краснофлотцы были арестованы, некоторые, избегая ареста, дезертировали, но потом добровольно вернулись обратно в часть. [125; Лл. 42, 99-104]

Тем не менее, в бою матросы всегда представляли грозную силу. Стоило той же Особой роте ДВФ в декабре 1919 г. все же появиться на фронте под Калинковичами, как в рядах противника началась легкая паника. Лихой штыковой атакой матросы-десантники взломали сильную оборону польских частей у деревни Копковичи. Бетонные доты, которые построили здесь польские части, не помогли им. Особый героизм проявили краснофлотцы в боях весной—летом 1920 г., в связи с наступлением армии Пилсудского на Киев. Тогда флотилия была разделена на три отряда — Березинский и Сожский, с общей базой в Гомеле, и Южный, базировавшийся в Екатеринославе (район оперирования армии Махно). В ожесточенных боях с формированиями последнего днепровцы также принимали участие.

Особую известность получила операция флотилии под названием «Лоевский прорыв» и участие днепровцев в боях за Киев. 11 июня 1920 г. одними из первых в Киев вошли, выбивая оттуда белополяков, военные моряки-днепровцы. Однако боевые заслуги краснофлотцев в борьбе с контрреволюцией отнюдь не ослабляли прежней подозрительности ЧК и Особых отделов по отношению к ним. Впрочем, определенные основания для этого были.

Среди военных моряков, как и среди части красноармейцев, буденовцев, махновцев, среди рабочих и крестьянства вообще, были широко распространены ожидания смягчения военного режима после победы в гражданской войне. Многие рассчитывали, что после того, как

угроза реставрации будет снята, правящая партия все же пойдет на отмену продрозверстки, восстановление свободных Советов и профсоюзов, легализацию деятельности анархистов и социалистов и т.д. Пока шла борьба с вооруженной реакцией, необходимо было любой ценой сохранять единство революционного фронта. Но по мере того, как гражданская война стала близиться к завершению, в победоносной Красной Армии и Флоте, в деревне и на фабриках и заводах, стало усиливаться недовольство по поводу перегибов новой революционной власти.

8 декабря 1920 г., выступая на заседании Гомельского губкома РКП(б), его руководитель Пестун сообщил об усилившейся в губернии анархистской агитации. Один из участников заседания Романовский возмущался, упрекая Губчека в том, что Губком сам сообщает ЧК о нахождении и действиях анархистов, а не наоборот. [127; Л. 8]

В отношении неспокойных матросов-днепровцев решено было сыграть на опережение. Приказом РВС от 22 декабря 1920 г. ДВФ расформировывалась (по другим данным — только сокращалась до одной канлодки, пяти сторожевых судов и пяти катеров). В любом случае, в Гомеле в начале 1921 г. продолжал находиться ряд военных судов вместе с экипажами и береговыми подразделениями. Сосредоточено в этот период здесь было и большее количество других воинских частей.

В один из весенних дней 1921 г. в Гомель из Киева на гоночной машине крайне спешно выезжают начальник Особого отдела ДВФ Г. Хоменок и член Особого отдела и Следственной комиссии Т. Н. Стасюк. Им в руки попали сведения о существовании среди военморов Днепровской флотилии и красноармейцев гомельского гарнизона подпольной организации, якобы готовившей вооруженное выступление. В последующих отчетах гомельских чекистов эта организация получила название «Черная маска». Наименование, характерное скорее для какой-нибудь экспроприаторской, комбинаторской группы, а не для «идейной» организации, и, возможно, не соответствующее действительности.

Все дело в том, что немалое напряжение у правящей партии вызвало вспыхнувшее в марте 1921 г. восстание военных моряков в Кронштадте. Балтийские матросы, как и в октябре 1917 г., выдвинули лозунг «Вся власть Советам!» Использование в новых условиях этого лозунга свидетельствовало о протесте широких народных масс против бюрократизации государственного советского аппарата, однопартийной системы политической власти, милитаризации всех сфер жизни, в т.ч. и экономики, и других «перегибов». Но одновременно это выступление было чревато и угрозой активизации социальной реакции, далеко еще не сломленной и выжидающей удобного момента для нового наступления, и повторным вторжением оккупантов с Запада. Представить себе, что аморфный строй «вольных Советов» смог бы эффективно противостоять внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, было достаточно проблематично. В этом противоречии заключался весь трагизм и Кронштадтского восстания, и других левых антибольшевистских движений.

В Гомельской губернии тоже распространялись листовки с призывом к поддержке кронштадтских повстанцев. По данным Губчека, за этим стояла уже упоминавшаяся подпольная анархо-эсеровская организация. Заговорщики опирались на ДВФ и части гомельского гарнизона и также готовили вооруженное восстание. Советские власти приняли соответствующие меры. Так, 6 марта город Жлобин, крупный железнодорожный узел, приказом по гарнизону № 5 был объявлен на военном положении. Реальной причиной послужил Кронштадт, формально — бандитизм. По воспоминаниям И. Н. Магидина, он особенно имел место со стороны «анархистствующих элементов» из среды военнослужащих. На станции задерживали матросов, бегущих из Кронштадта в солдатской форме. Их выдавали морские тельняшки, с которыми военморы не хотели расставаться ни при каких обстоятельствах...

28 апреля Гомельской Губчека были произведены массовые аресты среди красnofлотцев и «видных лиц местного гарнизона». [128; Л. 4] В то же время силами гомельского отряда ЧОН, состоявшего из курсантов губпартшколы, была арестована группа моряков, проживающая на улице Советской. ДВФ была окончательно расформирована, к концу ноября 1921 года большинство ее судов было передано в народное хозяйство.

Именно в этот период, на завершающем этапе гражданской войны, репрессии со стороны ВЧК в отношении анархистов достигли своего пика. Что, очевидно, свидетельствовало о кульминации борьбы между большевиками-коммунистами и левыми социалистами и анархистами за определение вектора будущего социального развития страны. По данным, приводимым в анархистском источнике, в 1921 г. анархист Дивногород, возвращавшийся с беспартийной крестьянской конференции в Новозыбковке Гомельской губернии, был арестован в поле и расстрелян на месте. Дивногород — эмигрант 1905 г., в Америке примкнул к анархистскому рабочему движению. По возвращению в 1917 г. «обошел большую часть Украины и Великороссии пешком, с целью анархической пропаганды и организации рабочих и крестьян. Много раз был арестован Советской властью. На Урале просидел несколько месяцев в тюрьме... Организовывал многочисленные трудовые артели. В Черниговской губ. ЧК пыталось несколько раз арестовать его, но крестьяне не выдали его...» [129; С. 30] Также в 1919 г. был расстрелян анархист из Белостока Александр Сидельников (Сидельник).

Впрочем, в 1921 г. некоторые анархистские группы еще имели возможность для легальной и полужелальной деятельности. Анархисты в Гомельской губернии вели работу среди молодежи и на ряде предприятий, в т.ч. на Наспенском стекольном заводе. В начале марта 1921 г. на стекольном и лесопильном заводе «Возрождение» произошли забастовки. 3 марта 1921 г. состоялось заседание губернского правления Всероссийского союза рабочих и служащих химической промышленности, где сильны были позиции анархистов. Представителем этого союза в Губернском Совете производственных союзов еще в апреле 1921 г. оставался анархист К. Герасименко, он же был членом комиссии по улучшению быта рабочих.

Правда, когда в 1919 г. Герасименко работал на фабрике «Ипутъ» (бывшая фабрика Родионова) в Злынке, то в пылу ожесточенной борьбы с социал-демократами на рабочем собрании предложил местной ЧК просто арестовать меньшевиков вместе с их лидером Круглянским. [130, С. 1; 131, С. 45-48]

Председатель собрания фракции Гомельского губуправления профсоюза химиков Овчинников, в марте 1921 г. анализируя причины забастовки на стекольном заводе, заметил, что заведующий заводом на своем месте оставаться не должен — он запугивает рабочих, вызывает на предприятие воинские подразделения и производит аресты. По его вине завод целый год простаивает, а секретарь местной партячейки Гургитель на самом деле является сексотом, составляет списки неблагонадежных рабочих, где невинных называет бандитами и т.д. [132; Л. 83]

Комячейка Гомельского губотдела Союза пищевиков в августе 1922 г. отмечала, что у одного из руководителей этого профсоюза, Гинзбурга, несмотря на тесную связь с массой, имелся анархический уклон, но теперь он изжит.

В двухнедельной сводке Гомельской Губчека за 15 марта — 1 апреля 1921 г. отмечалось, что «зарегистрированы» две новые группы анархо-синдикалистов: первая в Злынке Новозыбковского уезда, среди рабочих спичечной фабрики, вторая группа анархистов — в Покотской волости Гомельского уезда, при этом она состояла из вернувшихся из эмиграции активистов движения. Любопытна характеристика последней: «среди крестьян эта группа пользуется авторитетом [возможно, как состоявшая из видных участников первой революции, побывавших за границей земляков и т.п. — Ю. Г.], но распространяемые ею идеи крестьянской массе почти не прививаются». [133; Л.7] В Рогачевском уезде группа анархистов, по мнению чекистов, начала разлагаться из-за отсутствия связи с другими группами.

Однако деятельность анархистов на стекольном заводе «Возрождение» в течение нескольких лет все же продолжала носить достаточно оживленный характер. Настолько, что местная пресса была вынуждена печатать заявления такого рода: «Я честный рабочий, а не анархист. Некоторые граждане почему-то считают меня анархистом. Всякому известно, что современные анархисты не являются друзьями трудящихся. Я человек честный. Анархистом никогда не был и не собираюсь быть. Рабочий стекольного завода «Возрождение» П. Гладков». [134; С. 3]

В 1921 г. происходит переход к НЭПу. Одной из главных причин расширения сферы товарно-денежных отношений в советском государстве принято считать крестьянское повстанческое движение, в т.ч. и махновское, находившееся под руководством анархистов, и Кронштадтское восстание. Однако ни анархисты-коммунисты, ни левые эсеры или максималисты никогда не выдвигали требований развития рыночных отношений, частной собственности на средства производства и введения иностранных концессий. В последующем, в период перестройки в СССР ряд либеральных авторов и даже некоторые деятели Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) пошли на явную подмену исторической правды, приписывая анархистам и махновцам такие намерения. Наоборот, даже в

период «военного коммунизма» анархисты и максималисты критиковали большевиков именно слева, за недостаточно радикальные, по их мнению, меры по полному разрыву с логикой капиталистического производства. НЭП и развертывание рынка вызвали у анархистов и левых социалистов полное неприятие, при этом они характеризовали его как «чекистский капитализм»...

Но стоит признать — по-своему перестроечно-либеральные «апологеты» Кронштадта и махновщины были правы. На деле вооруженная крестьянская оппозиция, как и оппозиция части квалифицированных рабочих советскому государству, кто бы ни пытался руководить ей — левые анархисты, эсеры и меньшевики, или крайне правые савинковцы и балаховцы — в то время объективно вела к восстановлению капиталистических отношений. И, к сожалению, совсем не к «свободному коммунизму» или «конструктивному социализму».

Как бы там ни было, но и анархисты-коммунисты, и Объединение Партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов, оценили НЭП как капитуляцию перед капитализмом и выступили против него. Острое недовольство отступлением перед буржуазией прокатилось тогда широкой волной и по правящей коммунистической партии. Происходящий откат к капитализму усилил влияние в партии «рабочей оппозиции» и левых коммунистов, вновь заговоривших о бюрократическом перерождении РКП(б). В декабре 1921 г. на Гомельском учредительном съезде Союза транспортных рабочих из партии вышел председатель «Учпрофсожа» (профсоюз железнодорожников) Голоскок, член РКП(б) с 1917 г., в 1920 г. возглавлявший Политотдел на Гомельском участке Западной железной дороги, и видные местные коммунисты Химаков, Косцюк, Ржеуский и Сенекан. В своем выступлении Голоскок заявил: «Я крестьянин, с 17 года — рабочий-пролетарий. В 1906 г. за произнесение речи среди крестьян меня выслали... Последние полгода вижу, что в партии... есть рабочие воли и люди: не руководители-вожди, а часть верхов — погоняльщики, служащие не делу, а лицам, стремящиеся к власти ради власти. Их ошибки не должны критиковаться низами партии, ибо тогда репрессии и закулисная травля». [135; С. 19]

В отношении Голоскока Залинейной парторганизацией давалась характеристика как на давно допустившего синдикалистский уклон и опиравшегося в профсоюзной организации железнодорожников преимущественно на беспартийных. В связи с этим райком принял ранее решение о переводе Голоскока и о назначении на его место проверенного большевика Бастынца. В связи с этим известный партийный публицист и поэт Г. Лелевич писал: «Залинейная организация РКП оказалась достаточно здоровой, чтобы отмежеваться от вредного анархо-синдикалистского уклона, ведущего прямо в объятия Кронштадта». [135; С. 19] Правда, несколько лет спустя, сталинское руководство в партии точно так же «отмежевалось» и от самого Лелевича, обвинив его в принадлежности к троцкистской оппозиции.

В 1921 г. из РКП(б) вышел (по другим данным — был исключен) А. А. Можейко. Он родился в 1892 г., в деревне Амелковщина Хойникского района, в семье лесного сторожа. Работать начал с 13 лет. Уехал в США,

работал на заводах Форда. В 1912—1917 гг. принадлежал к революционно-синдикалистскому профсоюзу Индустриальные рабочие мира (IWW) и анархистскому Федеративному союзу русских рабочих организаций в Америке. В 1917 г. Адам Можейко, по некоторым данным, был гласным земской управы, потом примкнул к большевикам. В годы гражданской войны и иностранной интервенции — активный участник красного партизанского движения. Командовал партизанским отрядом деревни Амельковщина. За его поимку немцами было назначено вознаграждение в 3 000 руб. Был схвачен немцами, полевой суд оккупантов приговорил его к смертной казни, но Можейко бежал из-под стражи, перешел демаркационную линию и вступил в Богунский полк украинских повстанцев-щорсовцев. Участник боев с белополяками в 1920 г., у Волчьей Горы, под Речицей. В 1921 г. Можейко, поверив в НЭП, арендовал на паях лесопилку, но потерял банкротство и пошел работать в советское учреждение. С компартией расстался из-за отказа работать в Ревтрибунале, неподчинение уездному комитету партии и «сближение с бандитами и мелкобуржуазными элементами». С 1932 по 1958 г. Можейко трудился на автозаводе им. Лихачева. С 1958 года — персональный пенсионер. В 1960-х годах белорусская советская пресса писала о нем, как о героическом земляке, отличившемся в годы гражданской войны. Все прежние обвинения оставались теперь только на пожелтевших страницах архивных дел. [136, Л.23; 137, Л. 16; 138, С. 3; 139, С.2]

В период НЭПа вышел из коммунистической партии и бывший анархист Шпринц, в 1918—1919 гг. — один из лидеров Союза печатников в Гомеле.

В ходе партийной чистки был исключен из РКП(б) участник революционного движения с 1905 г. Савочкин. Отбывая срочную службу в царской армии, он завязал контакты с РСДРП, содействовал побегу политзаключенных из-под конвоя. Попал за это под полевой суд, четыре месяца провел в Бобруйской крепости. Участвовал в распространении нелегальной литературы. Был сослан в Кутаисскую губернию, арестован там и провел три года в тюрьме. В 1917 г. Савочкин в Петрограде участвовал в анархистских выступлениях, не был арестован только благодаря вмешательству рабочих. Служил в Красной Армии, в 1919 г. был арестован в Рогачеве по «подозрению в контрреволюции», содержался в Бутырках. После освобождения служил в Политотделе Западного фронта. В начале 1920-х годов работал в Рогачеве секретарем профсоюза Рабземлес. Резко выступал против политики НЭПа, что и послужило одной из причин его исключения из партии. [140; Л. 60б]

Таким образом, мы можем говорить, что в период революции и гражданской войны в 1917—1921 гг. анархистское движение можно было условно разделить на два лагеря — анархо-большевики, почти полностью поддерживавшие политику РКП(б), и собственно анархисты разных тенденций, критически относящиеся к Советской власти. Мера оппозиционности последних была разная — мирная критика и пропаганда анархо-коммунизма как идеала, жесткое идеологическое противостояние, нелегальная деятельность, вооруженная активистская борьба. Как мы

уже отмечали, для Беларуси последняя тенденция была почти не характерна. Возможно, потому, что здесь почти все антибольшевистские выступления легко могли быть использованы силами внутренней реакции и враждебными капиталистическими государствами. Что касается последних, то «демократии» Запада в тот период особой разницы между анархистами и коммунистами не видели, и даже отправляли своих активистов анархистского рабочего движения на электрический стул (сфабрикованное дело Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти 1920—1927 гг. в США). И кажется, что большинство оппозиционных коммунистам групп социалистов и анархистов в Беларуси хорошо осознавали эту специфику и старались не переходить определенной грани в своем идейном противостоянии с большевиками. К сожалению, противоположная сторона не отличалась такой же терпимостью к своим критикам слева. Но при том, что повстанческое движение крестьян в советской Беларуси находилось преимущественно под влиянием «бело-зеленых», существовали примеры и обратного рода. Такие, например, как крупнейшее в Беларуси антибольшевистское вооруженное выступление — Слуцкое восстание, проходившее под руководством левых — белорусских эсеров.

Характерной тенденцией этого времени является и то обстоятельство, что в условиях, когда открытая деятельность либертарных групп зачастую подавлялась, анархистские взгляды и настроения начали проникать в ряды самой правящей коммунистической партии и приводить там к формированию «рабочих оппозиций» и анархо-синдикалистских уклонов. Это говорит о том, что путь репрессий не является лучшим способом для победы над идеологическим оппонентом, что рано или поздно любая подавляемая тенденция может проявить себя в весьма трансформированной и даже неожиданной форме. А также свидетельствует, что для существования антиэтатистских настроений в начальный период Советской власти по-прежнему существовали определенные объективные предпосылки.

Одновременно первые постреволюционные годы угроза иностранной интервенции и реакционной реставрации в Беларуси заставляла многие небольшевистские социалистические тенденции, в т.ч. и анархистов, блокироваться с коммунистами, вплоть до формирования своих военных подразделений или партийной мобилизации в Красную Армию, и оказывать коммунистической партии критическую поддержку.

Глава 5.

Новое время. Анархизм в советской Беларуси (1921 — 1927 гг.)

1. Репрессии против анархистов и псевдоанархистских банд

Однако относительная «лояльность» анархистов в Беларуси по отношению к большевистской власти была характерна только для ситуации открытой гражданской войны. Многие из прокоммунистически настроенных левых социалистов и анархистов в тот период полагали, что после военной победы над классовым врагом большевики пойдут на демократизацию власти, допустят все левые организации к участию в Советах и т.д. Но эти их ожидания не сбылись — с одной стороны, большевики по-прежнему считали, что угроза контрреволюционного переворота велика. С другой стороны — слишком сильна была при этом инерция, кажущаяся простота и эффективность волевого, чрезвычайного стиля управления. Но все же репрессивное давление на левые группы по окончании гражданской войны было несколько смягчено, что не могло не сказаться на их активности.

Все это, вкуче с социальными противоречиями, обострившимися в условиях НЭПа, рассматривавшегося левой оппозицией как откат к капитализму, привело к усилению анархистской критики существующего порядка. В 1921—1922 гг. анархистские организации, как легальные, так и подпольные, начинают активизироваться.

Одновременно ВЧК-ГПУ стремится взять под систематическое наблюдение всех анархистов, периодически проводит их массовые «изъятия» и отправляет наиболее активных в ссылки и политизоляторы. Так, в 1921 г. по спискам учета ГПУ по анархистам проходил уроженец деревни Сидорж Гродненской губернии В. И. Добровольский, работавший в Александровском продкомитете Владимирской губернии.

Представитель Губчека В. П. Алексеев-Железняков (в будущем — резидент ИНО ГПУ в Японии, был репрессирован в 1938 г.) отмечал на заседании Бюро Гомельского губкома РКП(б) оживление деятельности анархистских групп в восточной части губернии в конце 1921 г.

В тоже время в месячной сводке Гомельской Губчека за ноябрь 1921 г. указывалось, что в Новозыбкове имеется группа из 16 анархистов. Однако активности они не проявляют и находятся в разработке. Двухнедельный Бюллетень Гомельской ЧК за 15 декабря 1921 — 1 января 1922 г. сообщал, что в Клинцах «довольно распространено анархистское движение, с центром из эмигрировавших из Америки». [141; Л.л. 40б, 21]

Также по оперативным чекистским данным, весной 1922 г. в Минске существовала анархистская федерация, имевшая связь со Смоленском и осуществлявшая весьма оживленную работу. Минская федерация проводила лекции, вела агитацию среди рабочих. Однако в целом отчеты ГПУ давали

деятельности анархистов на тот момент весьма невысокую оценку: «ПЛСР, если не считать абсолютно бездеятельных анархистов — первое место среди антисоветских партий по дезорганизованности, бездеятельности и безвредности», «деятельность анархистов за май — июнь 1922 г. — крайне мизерна, ...раздроблены на множество разлагающихся групп...» [142; С. 190, 191]

Однако там же отмечалось, что одновременно активные анархистские «подпольники» связаны с уголовниками и заняты подготовкой эксов. В это время в стране, на фоне перехода к НЭПу, нарастала социальная напряженность, и это не могло не создавать для активности анархистов, эсеров и других левых оппозиционеров потенциально массовой базы. В том же 1922 г. рабочие Главных железнодорожных мастерских Западной железной дороги в Гомеле объявили забастовку и выдвинули ряд требований. Первым забастовал сборочный цех, за ним — другие производственные подразделения, от участия в стачке отказался только котельный цех. По мнению большевиков, это выступление носило явно политический характер.

Среди анархистов в этот период развернулась дискуссия по поводу тактики — одна часть стояла за легальные формы работы (что частично в то время было еще возможно), другие призывали к уходу в подполье. Однако среди подпольщиков наблюдалась деморализация из-за постоянных обысков и арестов.

Примером легализма может служить участие анархистов в Гомеле в «суде беспартийной рабочей молодежи над комсомолом». «Суд» был организован 11 мая 1921 г. Гомельским губкомом РКСМ, и, по мысли его устроителей, этот процесс должен был послужить развенчанию всех нападок на комсомольцев. Надо сказать, что подобная инициатива носила довольно смелую и небюрократическую форму, что было не редкостью для относительно демократических 1920-х гг. Обвинителем над комсомолом выступил секретарь Федерации анархистов Нилов. Защитниками были комсомольцы Леонид и Дорохов. [143; С. 2] Газета Гомельского Совета «Полеская правда» опубликовала также статью Л. Чернявского «П. А. Крапоткин» [sic], в связи с кончиной выдающегося ученого, теоретика и лидера международного анархо-коммунистического движения. [144; С. 1] К сожалению, подобные формы взаимодействия между правящей коммунистической партией и анархистами и иными сторонниками Советской власти, хотя бы в форме конструктивной критики, не получили распространения. Очень скоро их сменили репрессии и взаимная конфронтация.

Весной 1922 г. была выслана на два года в Архангельскую губернию уроженка Мозыря, анархистка с 1917 г. Хая Альтшуль и ее сестра Люба Альтшуль. Хая была женой знаменитого А. Г. Железнякова, во главе анархистского отряда моряков разогнавшего в январе 1918 г. Учредительное собрание. Следует отметить, что сами анархисты ставили разгон Учредительного собрания в заслугу исключительно себе. При этом сторонники безвластия не без определенных оснований утверждали, что большевики относились к Учредительному собранию «двусмысленно», и «...лишь признали свершившийся факт. Самая идея Учредительного собрания разрушалась ос-

новательно принципиально единственно анархистами». [129; С. 18, 33] Х. Альтшуль до этого неоднократно задерживалась ЧК, последний раз была арестована в Москве, на железнодорожной станции.

15 июня 1922 г. начальник Гомельского ГПУ Ремизов в своем докладе указал, что в губернии, по оперативным данным, насчитывается до 930 анархистов. Это было достаточно большее количество для этого, в лучшем случае, полулегального движения. Особенно если учесть, что традиционно влиятельных в рабочей среде меньшевиков на чекистском учете было только 240 человек, а эсеров — 400. В то же время в докладе отмечалось, что у анархистов «...федерации нет, но отдельные члены работают среди крестьян и на заводах. Они популярны благодаря своим красивым фразам. Ничего существенного они, однако, собой не представляют...» [145; Л. 200]

В июле 1922 г., судя по отчетам чекистов, в Гомельской губернии усилилась работа меньшевиков, эсеров и анархистов. Им, видимо, в первую очередь социалистам, удалось добиться определенного успеха на пере-выборах фабзавкомов в Главных железнодорожных мастерских, на ряде заводов, на Глуховской фабрике и различных предприятиях Клинцов. В то же время анархисты направили свою работу, главным образом, в деревню. При этом Гомельская губерния осенью 1922 г. являлась самой беспокойной в отношении политического бандитизма. Так, в октябре этого года в Чериковском уезде известная банда Савицкого совершила очередной налет, напав на деревню Амчихи.

Об этой группировке стоит сказать отдельно. Мы уже отмечали, что большинство повстанческих антисоветских формирований в Беларуси находилось под руководством белогвардейских элементов. Так было и в Гомельской губернии — командир одного из отрядов Прудников-Костин был бывшим поручиком царской армии, по совместительству — сотрудником Второго (разведывательного) отдела штаба Четвертой польской армии, помощник атамана крупного формирования Ивана Галака (Васильченко) некто Ходько (Добрый Вечер) являлся бывшим жандармом. [106; С. 281] Все они, как и другие местные главари группировок, как правило, отличались погромной практикой и были связаны с савинковскими, балаховскими и петлюровскими центрами и польской разведкой. Однако группа Савицкого стоит здесь несколько особняком.

Некоторые официальные источники того времени называют Ляшко-Савицкого «анархистующим матросом». [147; Л. 145] Его настоящая фамилия — И. В. Ляшко, он являлся местным уроженцем. Ляшко служил в Красной Армии, но в октябре 1920 г. дезертировал, получив известия от отца о конфискации имущества. Отец Ляшко был убит, и месть за это стала для будущего главаря повстанческого формирования сильным побудительным мотивом. Возможно, когда-то Ляшко-Савицкий действительно имел некое отношение к анархистским идеям. Можно также предположить, что свой псевдоним «Савицкий» он взял в память знаменитого анархистского атамана лесных братьев А. И. Савицкого, слава о котором долго гремела в этих местах. Впрочем, в деятельности формирования Ляшко-Савицкого не просматривалась ничего собственно анархистского, кроме того, что он пытался некоторым образом поддерживать порядок и

дисциплину в своей группировке. А когда это не удалось — «хлопцы начали озоровать» — то демонстративно покинул ее и уехал в Киев. Одновременно савинковская газета «За Свободу» выдает (или пытается выдавать?) отряд Лешкова-Савицкого за свое подразделение. Впрочем, гомельский регион действительно являлся одной из опорных баз савинковских формирований, именно в Гомеле располагался Западный областной комитет Народного Союза защиты Родины и Свободы.

Только с мая по сентябрь 1922 г. группировка Ляшко-Савицкого уничтожила 33 человек и совершила 23 крупных ограбления в Клинцовском, Ново-зыбковском, Стародубском, Чериковском, Климовичском, Рогачевском и Гомельском уездах. В 1923 г. тактические учения ЧОНа (именно он являлся основной силой в борьбе с повстанчеством, поскольку милиция находилась под влиянием местного населения и была ненадежна) в лесах под Гомелем инспектировал командующий Западным военным округом Михаил Тухачевский. [147; Л. 8]

Отряд Ляшко-Савицкого и его брата Герасима Ляшко (Контроля) состоял из постоянного ядра в 9—10 боевиков. К нему, в случае проведения крупной операции, например, нападения на волостной центр, могло присоединиться еще 30—40 человек «резерва», легально проживающих в селах. Подобная тактика часто являлась типичной для сельской герильи. Отряд Ляшко-Савицкого имел на вооружении винтовки, револьверы и пулемет Льюис. Это формирование, по некоторым данным, считалось наиболее крупным, даже в сравнении с бандгруппами Медведева, Прудникова, Примакова, Ханкелева, Фица, также оперировавшими в регионе.

В ночь на 12 сентября 1922 г. группа Ляшко-Савицкого атаковала конный отряд 39-го отдельного батальона войск ГПУ в селе Перелазы Красногорской волости (ныне — Могилевская область). Нападение на это подразделение специального боевого участка по борьбе с бандитизмом было отбито, один человек был убит, двое — тяжело ранены. В середине ноября группа Ляшко-Контроля совершила налет на почтово-телеграфное отделение в селе Выдренка Краснопольской волости. Была изъята денежная касса и уничтожена аппаратура. Это произошло в семи км от села Полесье, где располагался штаб спецбоеучастка.

Тогда из Полесья в сторону сел Выдрик и Хуторов вышел красный отряд. Повстанческая группа пропустила его мимо себя, пользуясь наступившей темнотой и укрывшись под мостом, и после этого напала на Полесский волисполком, оставшийся без прикрытия. Однако хитроумный партизанский маневр завершился неудачно. Догадавшись о ловушке, чекистская боевая группа вернулась в село Полесье и разбила повстанцев. Последние потеряли убитыми 10 человек. В этом боестолкновении были захвачены киевские адреса группировки. По этим конспиративным явкам 21 октября в Киеве был арестован укрывавшийся там Ляшко-Савицкий и другие члены его группы. Савицкий уже арестовывался в январе 1922 г. в Брянске, но после этого сумел бежать из Гомельской тюрьмы. Но на этот раз удача отвернулась от лихого атамана — И. Н. Ляшко был доставлен в Гомельскую Губчека и там расстрелян. [147, Л.л. 146, 147; 148, Л.л. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24]

За время своего существования в 1921—1922 гг. группировка Ляшко-Савицкого, оперировавшая на территории современных Могилевской и Гомельской областей Беларуси и Брянской области России, совершила более 50 нападений, в результате которых было убито 80 человек. Однако после разгрома формирования Савицкого издававшаяся в Варшаве газета «За Свободу» утверждала, что «основная часть повстанческого отряда уцелела и продолжает наводить панику на коммунистов». [149; Л. 120]

Впоследствии некий И. К. Савицкий в 1927—1936 гг. в одиночку проводил вооруженные акции в Костюковичском р-не БССР, в т. ч. взрывом гранаты убил в 1934 г. в д. Братьковичи председателя сельсовета, председателя колхоза «Красный Маяк» и сельского корреспондента. По крайней мере, об этом сообщает Ю. Витьбич. Впрочем, достоверность сведений у этого тенденциозного автора зачастую вызывает сомнения. [150; С. 214-215]

К числу псевдоанархистских группировок можно отнести также банду «Черного Ворона», действовавшую в 1922—1923 гг. в Гомеле, Киеве, Николаеве, Одессе, Харькове, Екатеринославе, Москве. В начале 1923 г. в Гомеле была произведена серия дерзких вооруженных ограблений. 28 февраля был проведен налет на квартиру Фальковичей по Полевому переулку, 6. В ночь на 4 марта были ограблены квартиры Лейтес, Гомон и Малевых на Спасской площади, 4. Взято было большое количество золотых монет и украшений, жемчуг и т.д. В ту же ночь наряд милиции, патрулировавший беспокойный рабочий Залинейный район, наткнулся на трех подозрительных лиц на углу Борисовской и Спасенковской улиц. При попытке проверить документы завязалась перестрелка. Стрелявшие скрылись. Гомельский Губрозыск заработал в чрезвычайном режиме. Вспомнили и причастных к недавно раскрытой группировки «Черная Маска»... Однако агентурная разработка новой банды выявила, что одним из ее лидеров является налетчик из Ново-Белицы М. Ф. Васильев, в недавнем прошлом — сотрудник Кременчугской и Харьковской ЧК. В то же время его брат Александр служил начальником агентурно-розыскного отделения Черниговского Губрозыска, затем там же — в ГПУ. И все это несмотря на то, что при царском режиме, в 1914 г. он являлся секретным сотрудником Минского сыскного отделения. А 15 мая 1923 г. А. Васильев пишет заявление на поступление на службу уже в Гомельскую милицию! Одновременно по возвращению, как свидетельствуют жалобы жителей, он сразу же начинает терроризировать и избивать своих соседей. В июле 1924 г. этот двойной «оборотень» будет объявлен в розыск Киевским Угро...

В Киеве, в конечном итоге, и было арестовано ядро банды, в т.ч. и ее лидер Яремчук-Добровольский-Домбровский (Данька). Его опознали гомельские сыщики, после того, как 9 июня, после ожесточенной уличной перестрелки, Данька был задержан в Киеве под именем «Николай Добровольский». Фото задержанного было разослано в шесть союзных городов, отличавшихся тогда наиболее высоким уровнем бандитизма, в т.ч. и в Гомель. После чего Данька и был установлен как наиболее активный и жестокий участник весенних ограблений в Гомеле.

Так вот, именно в Киеве при налетах участники группировки стали называть себя «анархистами». Так представлялись они, например, при нападении на киевскую контору МСПО. Это была одна из наиболее масштабных операций «Черного Ворона». В ней участвовало 14 налетчиков, которые под угрозой оружия загнали около 40 посетителей в одну из комнат. Но добыча оказалась невелика — всего 79 червонцев. Однако уже 22 августа 1923 г. при налете на комиссионную контору Ценелленбогена на Крещатике, где располагалась также и нелегальная «черная биржа» валютчиков, «воронам» фантастически повезло — они захватили золота в слитках и монетах, червонцев и просто валюты на сумму в... один триллион рублей.

Одновременно приехавшей из Москвы любовницей Даньки Домбровского некой Андриевской (содержательницей принадлежавшего там группировке трактира) готовилось вооруженное нападение на киевскую тюрьму. С применением ручных гранат дерзкие налетчики намеревались освободить лидера своей банды. По некоторым данным, «Черному Ворону» приписывали также и нападение на поезд, в котором ехали члены ЦИК Украины.

Однако постепенно все участники группировки оказались в руках милиции. Следствие выяснило, что в Киеве группа «Черный Ворон» была создана в 1923 г. прибывшими из Гомеля ворами — Данькой Гомельским (Домбровским), Мишкой Носом (Васильевым), Чижиком Зубатым (Ленькой Чижиком). 14 декабря 1923 г. пять наиболее активных членов банды, в т.ч. и Михаил Васильев и Данька Домбровский, были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение прямо в здании ГПУ в отношении всех, кроме Домбровского. Последнему удалось симулировать сумасшествие, а затем бежать из психиатрической лечебницы Кашенко. Будучи вскоре повторно арестованным, Данька продолжал притворяться невменяемым. В 1928 г. Гомельский губернский суд признал, что есть «все же больше оснований считать Домбровского душевнобольным» и постановил направить его в соответствующую лечебницу. [15; Л. 235]

Кем являлись эти налетчики? Изучение их анкет показывает — средний возраст 22—23 года, почти все — бывшие красноармейцы, некоторые — участники Первой мировой войны. Люди, не успевшие научиться ничему, кроме как держать в руках оружие. Жестокость, с которой они совершали свои ограбления, впечатляет. Но ведь они ничего другого и не видели в своей недолгой жизни. Национальный состав группировки также был смешанный — белорусы, русские, украинцы, поляки, евреи. В нее входил даже итальянец, уроженец Сан-Марино — некто Жорж Пирокетти, попавший в Россию как австро-венгерский военнопленный (расстрелян в числе других наиболее активных участников группировки).

Характерно, что почти все они на допросах показывали себя «сочувствующими Советской власти».

Демобилизованные красноармейцы, оказываясь зачастую безработными, на фоне развернувшегося «угара НЭПа» чувствовали себя вновь

отверженными. И поэтому опять брались за наганы и кольты. Один из лидеров группировки, бывший чекист Михаил Васильев — почти биографический дублер знаменитого питерского налетчика и тоже чекиста Леньки Пантелеева. Только без всякого романтического флера...

Таких банд «пантелеевского» толка тогда насчитывалось по стране десятки и сотни. Имела ли рассматриваемая нами группировка «Черный ворон» какое-либо отношение к анархизму как политическому течению? Нет. Даже анархо-комбинаторские группы периода 1905 г., впервые сделавшими достоянием публики известным театрално-зловещее название «Черный ворон», имели определенный «идейный» багаж. У «Черного ворона» образца 1923 года ничего подобного уже не было. Анархистами его участники называли себе, скорее всего, для большей звучности и из «бандитского форса». Но, как отмечали наблюдательные сводки ГПУ, и в этой среде в этот период идейные анархисты-активисты, настроенные на экспроприаторскую тактику, пытались искать себе сторонников.

2. Старые анархисты в советской Беларуси

В то же время в среде анархистов продолжала набирать силу и противоположная тенденция. Немало из них вступили в РКП(б), либо абсолютно лояльно работали на советской службе, на производстве, в сфере образования и даже в силовых структурах. О некоторых из них — И. Гроссман-Рощине, К. В. Акашеве и др. — мы уже писали. В 1920-ых годах продолжалась работа в советских структурах и многих других.

Старейший из белорусских анархистов, С. Ф. Ковалик в 1917 г. был близок к партии эсеров, был заместителем председателя Минской городской Думы и председателем Минского губернского земельного комитета. В 1920—1922 гг. преподавал высшую математику в Минском политехникуме. Являлся председателем Минского отделения ВОПиС.

А. О. Бонч-Осмоловский в 1917 году был гласным Московской городской Думы, депутатом Владимирского губернского Совета, делегатом Всебелорусского съезда в Минске. С установлением Советской власти Анатолий Осипович активно участвовал в кооперативном движении, стал директором одного из первых совхозов в Минской губернии. Его сын Родион Анатольевич, в прошлом — член ПСР и Украинской партии социалистов-революционеров, был близок к максимализму, в 1907—1910 гг. отбывал каторжный приговор в печально знаменитом своим жестоким обращением с заключенными Орловском центральном. В 1917 г. являлся председателем Игуменской уездной земской управы, был членом Минского губернского земского комитета. В советское время являлся председателем Сельскохозяйственной секции Госплана БССР и членом Президиума плановой комиссии при СНК БССР. Арестован в 1930 г. по «делу Белорусского филиала Трудовой крестьянской партии», работал плановиком-экономистом на строительстве

Беломорканала. В 1936 г. был освобожден досрочно, по зачетам. Вторично необоснованно арестован в 1938 г., убит на допросе.

Еще в 1919 году вступил в компартию политкаторжанин, анархист-коммунист с 1906 г. Е. С. Майзлин (Тарантул). В мае 1919 г. он поступает в Красную Армию, участвует в тяжелых боях на советско-польском фронте в районе Кайданово, Новогрудка, Волковыска. В сентябре 1919 г. отправляется на колчаковский фронт, затем получает должность комиссара штаба Заволжского военного округа. В 1921 г. он по собственному желанию был демобилизован и возвращается в Гомель, где хорошо знавшие его рабочие выдвигают Майзлину председателем Гомельского Губотдела Союза деревообделочников, в правление которого он входил еще в период нелегального существования этого профсоюза.

Однако и став коммунистом-большевиком, Майзлин продолжает верить, что прежде всего развитие сознательности и самодеятельности масс будет способствовать реализации грандиозного социального проекта. Так, выступая на партийном собрании организации Земпосад, где он работал в 1920-х гг., бывший анархист отмечает, что в борьбе с повстанчеством и негативным восприятием части крестьянства мероприятий Советской власти необходимо опираться не на штык, а на экономическое стимулирование и просветительскую работу. «...Единственным радикальным средством против такого явления [является], во-первых, широчайшая агитация среди крестьян, где бандитизм встречает горячую поддержку», — заявил он. Оружие же должно быть лишь вспомогательным средством борьбы. Майзлин знал, о чем говорил — весной 1918 г. он вел активную подпольную работу в деревне и возглавлял повстанческий ревком Гомельщины. Майзлин ратует за повышение этического уровня коммунистов. А в докладе по поводу расследования причин «итальянской» забастовки, происшедшей на «Земпосаде» в августе 1921 г., Майзлин выступил с критикой привилегированного положения коммунистов при оплате труда, ставшего одной из причин забастовки. [152; Лл. 33, 34, 55]

В апреле 1922 г., выступая на трибуне III Губернского съезда профессиональных союзов как делегат от Союза деревообделочников, Ефим Майзлин тоже выдавал явно синдикалистский «уклон»: «Мне кажется, что одними заведующими или директорами предприятий с работой не справятся. Жизнь так богата неясностями, что вполне понятно в данный переходный момент, ...что без участия союзов производство развиваться не сможет». [153; С. 29] Жизнь, которая, особенно в то бурное время, была так «богата неясностями», пощадила этого неординарного человека, несмотря на его всегда неизменную активную позицию — Майзлину удалось счастливо избежать репрессий. Он был избран членом ЦК Союза деревообделочников и переехал в Москву, работал директором Красносельского мебельного комбината, в ряде трестов лесной и деревообрабатывающей промышленности. Свой трудовой путь он закончил в 1947 г. Кроме того, Е. С. Майзлин оставил после себя несколько замечательных литературных произведений — коротких рассказов о

жизни дореволюционного Гомеля. По своему колориту они могут отчасти напомнить произведения раннего Бабеля или Шолом-Алейхема...

Ефим Майзлин стал также одним из организаторов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВОПиС) в Гомеле. На вечерах воспоминаний ветеранов революционной борьбы он позволял себе и достаточно резкую критику в адрес большевистской деятельности в прошлом, упрекая их за «кичливость» во время совместной деятельности в антинемецком подполье, и вообще откровенно фрондировал. [106; Л. 49] В ВОПиСе нашли себе пристанище немало бывших социалистов и анархистов. Можно сказать, в течение некоторого времени Общество политкаторжан, до определенной степени, являлось их легальной трибуной. В Гомельскую группу ВОПиС входили бывшие анархисты А. И. Лейбович, И. Л. Драгунский. К ВОПиС принадлежали уже упоминавшиеся анархисты С. М. Бунин и В. С. Казимировская-Каневская, а также Н. Я. Деркач.

После Октябрьской революции, как уже говорилось, Казимировская-Каневская организовала в Брагине первый профессиональный союз и создала клуб для просвещения трудящихся. Участвовала в культурной секции при местном Отделе народного образования, проводила т.н. «летучки» для крестьян. Клуб им. Р. Люксембург и К. Либкнехта, заведующей которого она являлась, поставил для крестьян пьесу «Парижская Коммуна». В последующем Вера Казимировская переехала в Екатеринослав, где работала в мастерских местного отделения ВОПиС. Отличаясь беспокойным характером, бывшая анархо-террористка и политкаторжанка, неоднократно переводившаяся на карцерное положение, она и здесь была на плохом счету у начальства. Проверочная бригада вынесла ей строгий выговор за «слабую общественную и плохую работу по МОПРу» (всего она имела три выговора «за недисциплинированность») и наложила запрет на работу в мастерских Общества. В марте 1932 г. Каневская направила протест в центральную проверочную комиссию, но всеукраинской проверкой была вообще исключена из ВОПиС. В марте 1934 г. старую революционерку все же восстановили в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев. [55; Л. 1]

Непросто складывались отношения с руководством ВОПиСа и у Надежды Деркач. «Нагнали сюда аппаратчиков, они все поедают, а нам остаются одни объедки... Я говорю не о членах Общества, а об этой сволочи», — так цитировал ее в своем заявлении некий Шаталов. Биография этой участницы революционного движения с 1901 г. весьма насыщена. Родилась она в Каменец-Подольском, гимназию закончила экстерном. В 1903 г. в Черниговской губернии вступила в РСДРП. В 1904 г. Н. Деркач была арестована в Киеве за участие в демонстрации. Выйдя по амнистии из тюрьмы, в 1905 г. примкнула к анархо-коммунистам. Работала в подполье под кличками Соня, Надя, Аглая. В 1906 г. была арестована в Одессе. По обвинению в участии в вооруженном нападении на хозяина лавки Заславского, отказавшегося выдать требуемую сумму, в убийстве городского, в организации лаборатории по производству бомб и вооруженном сопротивлении при аресте, 8 мая 1906 г. Одесским военно-

окружным судом она была приговорена к повешению. После зачитывания решения суда со словами «Вот вам ответ на ваш приговор» положила на стол судьям записку, в котором от имени Одесской группы анархистов-коммунистов объявлялось, что всем судьям выносятся смертные приговоры, если они не отменят казни. Ходатайствовать перед командующим округом о помиловании Надежда Деркач отказалась. Однако смертную казнь революционерке все же заменили бессрочной каторгой. Наказание отбывала в Мальцевской и Акатуйской каторжной тюрьме. Около года просидела в одиночке, несколько месяцев провела в ножных и ручных кандалах. Участвовала в тюремных протестах, подвергалась заключению в карцер. На каторге провела семь лет, после чего была переведена в ссылку.

В ссылке Деркач была арестована за участие в военной организации, при переводе из Верхне-Удинской тюрьмы — бежала. Эмигрировала за границу. Но в Женеве она официально вышла из организации анархистов-коммунистов (можно только предполагать, почему — возможно, под влиянием распрей, раздиравших в тот период анархистскую эмиграцию). Считала себя беспартийной социал-демократкой интернационалисткой.

После февраля 1917 г. Деркач возвращается в Россию. В Клинцах (тогда — Гомельской губернии) она уже официально присоединяется к меньшевикам-интернационалистам. Поддерживает Октябрьскую революцию. С конца 1917 г. работает в Сибири, в Чите в детдоме и учителем на станции Оловянной. В 1920 г. Деркач вступает в РКП(б) и работает в ряде советских должностей, в т.ч. в Унече Гомельской губернии — председателем Исполкома и заведующим отделом народного образования. В Гомеле Деркач с 1923 г. заведует рабочим клубом у железнодорожников в Залинейном районе, отделом агитации и пропаганды райкома партии, является членом правления профсоюза связистов, ответственной за культработу, и секретарем комячейки. В 1925 г. Деркач переводится на работу в Москву, где в 1927—1928 гг. работает в ИК МОПРа. [154; Л. л. 1, 2, 3, 107, 109, 112; 31, С. 107]

В ряды компартии вступил в 1918 г. и анархо-синдикалист с 1912 г., лидер гомельских металлистов Е. М. Шейндлин (Днепров). Коммунистом он стал под влиянием своего рода «анархо-коммунистической» работы Владимира Ленина «Государство и революция» во время пребывания в дивизии Николая Щорса. В дальнейшем Шейндлин служил членом коллегии ГубЧК, комиссаром батальона войск ЧК в Чернигове. В Гомеле с 1921 г. заведовал Губернской Рабоче-крестьянской инспекцией, был зампредом Губсовнарсуда, помощником прокурора. Потом — снова на профсоюзной работе, до 1930 г. — в прокуратуре. В годы Великой Отечественной войны Е. Шейндлин находился в армии, в запасном полку, в 1951 г., в возрасте 56 лет, был демобилизован по болезни. С 1956 г. являлся пенсионером союзного значения.

Синдикалистское прошлое имел и заведующий отделом национальных меньшинств Гомельского Губисполкома П. И. Либерте. Он родился в 1879 г., к революционным синдикалистам присоединился в 1900 г. Два раза был в эмиграции, дважды подвергался тюремному заключению. В компартию вступил в 1918 г. Участвовал в съезде Литбела, был редактором газеты

«Коммуникатас». В 1920 г. был командирован в распоряжение ЦК РКП(б) как владеющий многими иностранными языками. [155; Л. 10: 156, С. 12]

В Гомельской губернской организации РКП(б) (охватывала территории нынешних Гомельской и Могилевской, части Витебской областей РБ и Брянской области РФ), в 1921—1922 гг. находились также следующие бывшие анархисты и синдикалисты: 1) Якимович, анархо-синдикалист с 1917 г., уполномоченный по электротехнике Западной железной дороги; 2) Агранович, социал-демократ с 1903, анархист с 1906 г., работник народного образования; 3) Гинзбург, анархо-синдикалист с 1914 г., работник Союза пишевиков в Речице; 4) Замотаев, анархо-синдикалист с 1915 г., уполномоченный Губпродхоза в Речице; 5) Зевичев, синдикалист, работал в Речице; 6) Шагинов Д. А., левый эсер в 1917—1918 гг., в РКП(б) характеризовался как «крестьянский работник с сильным колхозным уклоном, анархичен». [157; Л. 45]

В 1925 году был проведен всесоюзный съезд бывших анархистов. Аналогичные ликвидационные съезды, разумеется, с подачи РКП(б), проводились в то время по ПСР, БПСР и т.д. и бывших анархистов публично заявили тогда о своем вступлении в коммунистическую партию [158; С. 87]

3. Новое поколение анархистов

При том, что часть анархистов признала Советскую власть, сделав это либо по идейным соображениям, либо в силу моральной усталости от долгой и безуспешной борьбы, на политическую сцену в начале 1920-х гг. стала выходить новая генерация анархистских активистов, немедленно включавшихся как в легальную, так и в нелегальную деятельность. Многие студенты, учащиеся и молодые рабочие в числе первых с энтузиазмом восприняли строительство нового общества. Но при виде того, что его реальные контуры далеко не всегда совпадают с идеальными моделями социальных утопий, часть этой революционной молодежи причины деформаций стала искать в существовании любого государства. Даже если оно было и пролетарским, и официально «приговаривалось» к постепенному отрицанию по мере построения коммунизма.

Так, в 1923 г. ГПУ отмечает оживление работы анархистов в Гомельской губернии. Ими проводилась деятельность в деревне по созданию крестьянских союзов. При этом в сводке отмечалось, что сильнее всего работа анархистов ведется на окраинах СССР. [42; С. 49]

В Петрограде 9 июня 1923 г. был арестован рабочий фабрики «Скорород» анархист Иван Лихачев. Уроженец Витебщины, он был старым участником движения, преследовался еще при царском режиме, активно участвовал в Октябрьской революции. В те дни в Петрограде было арестовано свыше 40 анархистов. По данным Общества помощи заключенным анархистам в СССР, на квартире у Лихачева была оставлена чекистская засада, пребывавшая там четыре дня. По сведениям, сообщаемым анархистами, из дома никого

не выпускали, в результате чего четырехмесячный ребенок, оставленный без искусственного питания, умер... И. Лихачев был приговорен к одному году ссылки на родину, в Витебскую губернию. [159; С. 57]

В январе 1924 г. скончался Владимир Ленин. Председатель Всероссийской Федерации анархистов (ВФА) Аполлон Карелин высказал соболезнования по поводу смерти лидера коммунистического движения. Это вызвало неоднозначную реакцию и дискуссию среди анархистов. Но если Ленин был еще готов к диалогу с анархистами и левыми социалистами, то последующее советское руководство на такое уже не было способно.

В июле 1924 г. анархистами было намечено проведение легального губернского съезда в Смоленске. В случае его запрещения съезд намеревались провести нелегально. В августе 1924 г. ГПУ докладывало: «Гомельская группа анархистов по-прежнему устраивает нелегальные собрания, проводится читка статей, техническая группа слаба. На территории Витебской губ. организуются анархические «пятерки». [142; С. 151, 153]

Отмечалось также, что в Брянской губернии, также территориально относившейся к Западной области, анархисты стремятся вести работу среди учительства. В этом регионе существовала сильная анархистская традиция. Однако Брянская федерация анархистов подверглась разгрому еще в 1919 г., когда ЧК был арестован почти весь ее актив — член Конфедерации анархистов Украины (КАУ) «Набат» Фармер, народная учительница Варвара Титова и другие.

По оперативным данным, в соседней Гомельской губернии анархисты распространяли литературу среди знакомых крестьян и намеревались выпустить листовку о продналоге. Калинковичская группа стремится расширить свою работу. Клинцовская группа издает нелегальный журнал, читка которого проходит в лесу. Гомельская группа активно распространяет литературу среди рабочих. [142; С. 180]

1924 г. стал годом определенного оживления анархистской деятельности в СССР, в т.ч. в Беларуси и в Западной области. К последней ГПУ, помимо территории, входившей в БССР, также относилось Гомельскую (тогда — в составе РСФСР), Смоленскую и Брянскую губернии (в пределах этого региона пытались координировать свою деятельность и анархистские группы). И аппарат политического сыска не замедлил отреагировать на эти активизацию анархистского подполья и «предполья». В ноябре—октябре 1924 г. в Москве, Ленинграде, Брянске, в Гомельской губернии и на Урале были проведены массовые операции по анархистам. В Ленинграде были выявлены даже анархисты-комсомольцы. В Смоленске существовало инициативное Бюро по созыву анархистского съезда Западной области, которое распалось ввиду отъезда руководителей. [142; С. 240]

В ночь с 15 на 16 октября 1924 г. в Калинковичах были арестованы К. В. Говор (в поселке Лужки), Н. Т. Черенок, А. А. Лицкевич, в Мозыре — М. И. Седнев, И. Ф. Бобр (в п. Бобры возле Мозыря). При обысках были изъяты издания «Истина свободы», «Почин», «Вольный труд», «Свобода», «Сборник памяти П. А. Кропоткина», «Государственность и анархия» М. А. Бакунина, «Анархизм» А. А. Борового, «Речи бунтовщика» П. А. Кропоткина, сочинения Гордина, Л. Н. Толстого, «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева,

«Черное Знамя» №1, «Правила обращения с наганом», дневник, членские билеты «Союза анархистов» и ВФА (у Говоров), «Кровавая неделя в Москве», «Песнь Союза анархистов» — у Антона Лицкевича. [160; Л. 5]

При проведении обыска Л. И. Говор, жена Константина Говора, пыталась спрятать на себе листовки. После того, как ее подвергли принудительному осмотру, с ней случился нервный срыв, вследствие чего она арестована не была. Любовь Говор Мозырский окружной отдел ГПУ арестовал несколько позднее, когда она явилась на свидание с мужем.

Каковы были социальные характеристики нового, по сути, уже третьего поколения анархистов? 24-летний Константин Говор родился в Калинковичах, в крестьянской семье. Белорус, окончил педагогическо-методические курсы. Работал учителем, заведующим общим административным отделом и секретарем райпродсоюза. Стал им во время службы в Красной Армии, где находился с 1918 по 1922 г. В армии был письмоводителем, учителем грамоты, вр.и.о. адъютанта, начальником полевой просветительной части, начальником станции. С военной службы был демобилизован по болезни.

В 1922 г. Говор подал заявление о выходе из РКП(б), мотивируя это своим переходом на позиции анархо-коммунизма. Однако так просто уйти ему не дали — постановлением Укома и общего собрания он был намеренно исключен из партии с необоснованной формулировкой «как авантюрист и шкурник». [145; Л. 264]

18-летняя Любовь Говор родилась в Вильне, русская, окончила четырехлетнюю единую трудовую школу, работала письмоводителем и контролщицей службы пути. 26-летний Николай Черенок — белорус, закончил духовное училище, работал контрощиком. 25-летний Антон Лицкевич с 1918 по 1922 г. служил в Красной Армии, чернорабочий на железной дороге, привлекался к суду.

На допросе К. Говор признал, что сотрудничал с эмигрантской прессой русских анархистов в Америке, и статьи в газетах «Американские Известия», «Голос Труда», «Почин» за его подписью действительно принадлежат ему. На станции Калинковичи с 1922 г. действовала нелегальная группа анархистов, в которую входил сам Говор, его жена и Антон Лицкевич. С августа 1923 по август 1924 г. группа издавала листок «Анархия», однако среди кого конкретно и в каком районе он распространялся, Говор сообщить отказался. Группа поддерживала связи с ВФА и приезжими анархистами, фамилии которых Говор не назвал. [160; Л.л.19, 190б]

Первоначально все арестованные содержались в мозырской тюрьме. Затем распоряжением начальника Мозырского окружного отдела ГПУ Вольского анархисты, арестованные в Калинковичах и Мозыре, под конвоем были этапированы в Минск.

Протокол допроса К. Говора от 23 октября 1924 г.:

«Ответ: Мне известно, что в г. Гомеле существовала группа анархистов, какую конкретно работу проводила эта группа, не знаю. Гомельская группа издавала листовку под названием «Черное Знамя».

Кого знал из участников Гомельской группы — не скажу.

Вопрос: Знали Юрченко?

Ответ: Знал как члена Гомельской группы и переписывался с ним. Знал еще Смолина и больше никого.

В Почепе знаю С. Левого, просил его информировать меня как члена Секретариата ВФА о своей деятельности.

Считаю Смолина как анархиста невыдержанным, хотел ставить вопрос о лишении его этого звания — после смерти гомельского анархиста Казакова присвоил часть его вещей.

Считаю себя анархистом без всяких приставок. Взгляды мои — в рукописи «Анархизм, как я его понимаю».

В 1918 г. служил в Чрезвычайном отряде по обороне Подольской железной дороги, в 1919 г. — комендант ст. Речица». [160; Лл. 34, 35, 350б]

Из того, что Говор, первоначально отказавшись отвечать, затем признает свое знакомство с некоторыми членами другой нелегальной организации, вовсе не следует, что он начал давать откровенные показания. Скорее всего, арестованный анархист был просто вынужден подтвердить факты, уже установленные следствием в результате переписки, обнаруженных адресов, других показаний и т.д. Любовь Говор на вопрос — знала ли она что-нибудь о гомельских анархистах, наотрез отказалась что-либо отвечать.

Из материалов допросов некоторых других арестованных становится ясно, что в конце августа — начале сентября в Калинковичи из Гомеля приезжали Юрченко и Смолкин (возможно, поэтому эти фамилии всплыли при допросе К. Говора) с целью организовать съезд анархистов (Западной области?) Однако место и срок проведения съезда оговорены не были. Было установлено также, что помимо Гомеля, члены Союза анархистов ст. Калинковичи были связаны с Москвой и Почепом.

Характерно также, что до 1922 г. Союз анархистов станции Калинковичи Западных ж.д. существовал в Калинковичах легально, очевидно, как структура ВФА, и только преследования властей заставили организацию перейти на подпольное положение.

Наверное, и для чекистов в какой-то мере было неожиданно, что рядовой служащий потребкооперации с полесской станции оказался видным деятелем анархистского движения и даже его теоретиком, членом Секретариата ВФА и корреспондентом международных изданий. Последнее, по мнению властей, значительно отягощало вину Говора и позволяло формулировать против него и его товарищей обвинения как действовавших якобы в интересах международной буржуазии. [160; Л. 400б]

При этом следователи старались не замечать, что издания, где публиковался Константин Говор, являлись рабочими и ничего общего не имели с буржуазной прессой. В скором времени за границу пошла новая корреспонденция: 21 октября, видимо, накануне своего собственного ареста, Любовь Говор смогла отправить в Комитет защиты заключенных революционеров в России («Джойнт») первое письмо. В нем она сообщала об аресте мужа, «...преступление которого заключалось, глазами большевистских властей, в том, что он был — конечно, для них — социально

опасным элементом». [161; С. 154,155] В письме передавалась просьба о проведении акций солидарности с арестованными товарищами.

Второе письмо Любовь Говор написала в декабре 1924 г., уже будучи сама арестованной. Тем не менее, она смогла преправить свое обращение из Внутренней тюрьмы ГПУ в Минске на волю, после чего оно оказалась в зарубежной анархистской прессе. По сведениям Л. Говор, в результате операции, проведенной ГПУ СССР, было арестовано около 20 человек из Беларуси и Западной области. Говор сообщила известные ей фамилии арестованных. Кроме уже упоминавшихся анархистов из Калинкович и Мозыря К. Говора, Н. Черенка, А. Лицкевича, в списке были рабочий П. Юрченко (Юренко), Лихтенко, Гуров, рабочий Балонкевич, студент Родкевич. [161; С.155, 156]

Третье письмо Комитет помощи заключенным революционерам в России получил в январе 1925 г. уже от брата Константина Говора, Л. В. Говора. В нем выражалась благодарность за материальную помощь, оказанную арестованным. Также сообщалось о том, что Любовь и Константин Говор по-прежнему находятся в Минске и переведены в тюрьму, о состоянии здоровья К. Говора. Письмо заканчивалось многозначительной фразой: «Это все, что можно написать». [161; С. 156]

Дальнейшая судьба Константина Говора, как и многих других анархистов и левых социалистов, представляла из себя тернистый путь, состоявший из череды арестов, заключений и ссылок. По сведениям, предоставленным нам д.и.н. Я.В. Леонтьевым, последний раз К. В. Говор был арестован в Поволжье, где работал в роковом 1937 году. В тот период, когда партийные, и советские органы молодого социалистического государства все более и более подминались карательным аппаратом, необоснованным репрессиям подверглись тысячи и тысячи людей, искренне преданных идеалу социальной справедливости и способных принести немалую пользу в деле строительства нового общества.

Массовые аресты были проведены осенью 1924 г. и в Гомеле. В соответствии с постановлением уполномоченного по политпартиям Гомельского ГПУ Шустермана, операция проводилась по следующим лицам, участвовавшим в нелегальных собраниях на квартирах Лихтенко и Юрченко: 1) П. С. Юрченко, ул. Комсомольская, 7; 2) М. В. Личковский, там же; 3) М. С. Лихтенко, ул. Советская, 6; 4) А. Б. Смолкин, ул. Трудовая, 1; 5) Н. Я. Бялый, ул. Свердлова, 18; 6) И. Д. Утлинский, ул. Трудовая, 22; 7) И. Ф. Шевлюгин, ул. Аптечная, 13; 8) А. А. Белокевич, 2-й Беженский барак; 9) Н. М. Мархашев, ул. Советская, 5; 10) Е. Г. Березин, Беженские бараки; 11) В. И. Дроздов, ул. Красноармейская, 11; 12) Б. Г. Горюв, ул. Комсомольская, 9; 13) С. М. Пастухов, 2-й Рабочий пер., 32; 14) М. Г. Райский, Минская, 17; 15) Г. Б. Круглянский, ул. Комсомольская, 10; 16) П. П. Макаренко, ул. Комсомольская, 23; 17) А. Ф. Ржиско, ул. Жарковского, 24; 18) И. П. Козлов, ул. Советская, 2; 19) С. М. Романов, ул. Комсомольская, 99; 20) А. В. Стасевич, ул. Комсомольская, 81; 21) В. П. Алмазов, д. Титенки; 22) А. С. Малетько, с. Поколюбичи; 3) Х. Я. Друкарев, ул. Минская, 17. [160; Л. 44]

Из приведенных данных следует, что около трети из участников организации жили на одной улице — Комсомольской (ныне — проспект Ленина),

зачастую — в соседних домах, еще треть — на прилегающих к ней других улицах центрального района Гомеля. Кроме того, еще два человека проживали в Беженских бараках, двое — на улице Минской. Подобная локализация мест проживания членов Гомельского союза анархистов позволяет утверждать, что организация была построена, скорее всего, на территориальной основе, с использованием соседских, дружеских связей, совместной учебы и т.д. Не исключено, впрочем, что одновременно имел место и производственный принцип — ведь жилые здания того времени находились в ведомственном распоряжении, в Гомеле 1920—1930-ых годов существовали дома водников, железнодорожников, дома различных заводов и предприятий.

По отчету ГПУ, в результате операций, проведенных в ноябре, декабре 1924 и январе 1925 г. в Гомеле, Калинковичах, Брянске и в Минском округе было арестовано 30 человек. [142;С. 308] ГПУ по Западной области признавало, что в крае имеются значительные анархистские организации, ведущие подпольную работу. Можно предположить, что одной из непосредственных причин проведения операции могла послужить подготовка анархистами своего съезда в рамках Западной области.

Среди моментов, наиболее часто затрагиваемых анархистами в своей печатной и устной агитации, звучали следующие: развитие сельскохозяйственной кооперации, создание свободных коммун, подчеркнутое отрицание любых стремлений к власти, прекращение репрессий, отказ от призыва в Красную Армию, перевыборы фабзавкомов, выступления против увеличения норм выработки, требования повышения зарплаты, свободы слова.

Несмотря на массовые аресты, уже в апреле 1925 г. чекистские сводки отмечали усиление работы подпольных анархистских групп в Гомельской губернии РСФСР и Оршанском округе БССР.

Помимо преследований относительно крупных организаций, ГПУ вело охоту и на анархистов-одиночек, иногда даже в тех случаях, когда они отошли от всякой активной деятельности. Так, в 1925 г. Гомельским ГПУ был арестован на разъезде Якимовка (446 километр Западной железной дороги) рабочий службы пути Коростелев. Архивно-следственное дело этого арестованного открывается обрывком листа с началом рукописного изложения биографии некоего Ф. Д. Коростелева. Лист смят и покрыт бурными пятнами, возможно, следами крови, что позволяет предположить проведение «физико-активного метода допроса» (как их тогда называли). Следующий лист содержит уже показания В. В. Коляды, анархиста, скрывавшегося под фамилией «Коростелев». Василий Варфоломеевич Коляда родился в феврале 1892 г. в деревне Тевли Муравичской волости Пружанского уезда Гродненской губернии (ныне — Кобринский район Брестской области) в семье белорусских крестьян. Закончил народное училище. Семья, где было три брата, страдала от малоземелья. Поэтому на деньги, собранные братьями, Василий в 1910 г. нелегально уехал в Америку. Работал в вагонных мастерских. В Балтиморе вступил в социал-демократическую организацию. Но в 1914 г., после лекции, прочитанной анархо-синдикалистами, вступил в анархистский Союз русских рабочих в Америке. В эмиграции Коляда

близко сошёлся с видными анархо-синдикалистами В. С. Шатовым и В. М. Волиным, будущим председателем РВС РПАУ им. Махно. В 1917 г., после Февральской революции, Коляда через Владивосток вернулся в Россию. Здесь его мобилизовали в армию, и бывший эмигрант попал в 175-ый запасной полк, отсюда — на фронт под Ригу. Коляда не хотел участвовать в чуждой ему империалистической войне, и в августе 1917 г. бежал из армии. Он прибыл в Петроград, где в это же время развернулись массовые гонения на анархистов со стороны Временного правительства. Коляда был арестован и вновь возвращен на военную службу, направлен в Двинск Витебской губернии, отсюда — в 118-й пехотный полк, в окопы (об анархистских настроениях солдат-двинцев мы уже упоминали). Был ранен, после излечения получил месячный отпуск. Накануне Октябрьской революции В. Коляда находился в Петрограде. Он принял активное участие в революционных событиях. Вскоре выехал в Екатеринослав, где связался с местной группой анархистов, в числе которой он называет «т. Кабаса, Анатольева, Семенова». [162; Л. 7]

В составе Красной Гвардии Коляда в 1918 г. отступил из Екатеринослава в Ростов-на-Дону (тот же путь проделал в это время и Нестор Махно). В последующем Коляда оказался в Челябинске и Омске. Он добровольцем поступил в Красную Армию, служил пулеметчиком. Во время чехословацкого мятежа перешел на нелегальное положение. После прихода красных работал в милиции г. Ново-Николаевска, откуда был уволен. Записался в отряд по восстановлению железной дороги, затем работал на Чусовском заводе, где вновь встретил группу анархистов — Соловьева, Исакова, Марию-Учительницу, Бобчика, Мазетьева. Участвовал в изготовлении и распространении прокламаций, вел антивоенную агитацию. Был арестован Пермской ДТЧК и приговорен к двум годам тюремного заключения. Работал табельщиком и в конторе колонии смог похитить документы на фамилию Ф. Д. Коростелева. С целью побега согласился на фиктивное сотрудничество с чекистами, был амнистирован и в марте 1922 г. командирован в Москву, откуда и бежал в Минск, перейдя на нелегальное положение. Из Минска Коляда рассчитывал перейти советско-польскую границу, однако это не удалось. И беглый анархист под фамилией Коростелева устроился работать на разъезд Якимовка Западной железной дороги. Где его, в конечном итоге, выследило и арестовало ГПУ.

Василий Коляда знал многих видных и активных участников общероссийского анархистского движения того времени. Кроме упомянутых Волина и Шатова, это А. Железняков, В. Замотаев, П. Торбин, С. Кондукторов, Ляхов, Зыкин, Гуштин, Зильберов, Оболенский, Плоткин, Гаврилов.

Следует отметить, что бывший анархо-синдикалист Замотаев работал в начале 1920-х гг. в Речице уполномоченным Губродхоза. Об этом ли человеке идет речь в протоколе допроса? Мог ли быть связан Коляда, работавший на разъезде Якимовка Речицкого уезда, с работавшим в Речице Замотаевым?

Находясь под следствием, В. Коляда направил в ЦК МОПРа письмо с просьбой об оказании помощи и устройстве его детей в приют. На свободе у него

осталась жена, семилетний сын и двухмесячная дочь. Коляда говорил на следствии, что давно готов был добровольно сдать власть, но боялся этим «убить свою семью» — его жена вышла замуж за него против воли отца. [162; Л.7]

Коляда был перевезен в Москву, в Бутырскую тюрьму. 27 ноября 1925 г. Особое Совецание при Коллегии ГПУ приговорило его к трем годам концлагерей. Произведенное тюремным врачом обследование зафиксировало у осужденного глухое тона сердца, что не помешало его направлению в известный своим суровым режимом Соловецкий лагерь особого назначения. В СЛОНе в этот период отбывало наказание большое количество политических — социалистов и анархистов. В то же время в администрации и охране лагеря работали, по свидетельству Варлама Шаламова, бывшие белогвардейские офицеры, относившиеся с особой нетерпимостью к заключенным революционерам. В 1923 г. в Соловецком лагере произошел протест политзаключенных, закончившийся трагической гибелью шестерых из них.

По характеристике оперуполномоченного Бельшева, Коляда «...неоднократно подвергался взысканиям во время нахождения в концлагере за неподчинение порядку и организацию обструкции». [162; Л. 20] Дело на него вновь было направлено в Особое Совецание. Постановлением ОС ГПУ от 7 августа 1928 г. Василий Коляда был направлен в ссылку в уральский город Ирбит. Оперативное наблюдение сообщало, что по прибытию на место ссылки упорный белорус продолжал «...при разговоре называть себя анархистом». [162; Л. 20] Срок его ссылки заканчивался в ноябре 1931 г., однако в 1939 г. Коляда был вновь арестован.

Его архивно-следственное дело заканчивается неопределенно — 9 марта 1951 г. в Брестское управление МГБ, на имя майора Полякова была послана ориентировка на розыск и дело В. В. Коляды. Его местонахождение на тот момент органам госбезопасности было неизвестно. Но в апреле 1953 г. заместитель начальника 1-го спецотделения подполковник Сухих возвратил архивно-следственное дело Коляды-Коростелева начальнику 1-го спецотделения МВД СССР полковнику Кузнецову «по минованию надобности». [162; Л. 27] Подобная переписка, в качестве варианта, могла предполагать и то обстоятельство, что находящийся в розыске анархист с Брестчины снова «взялся за старое» и совершил очередной побег. Однако никаких дальнейших подробностей его дело не содержало...

Установить истину удалось спустя несколько лет. Автору удалось отыскать сына и других близких родственников Василия Коляды, проживающих на Кобринщине, и получить от них информацию, дополняющую внезапно обрывающееся архивное дело. Выяснилось следующее — в 1940 г. Коляда был вновь приговорен к восьми годам лишения свободы по 59 ст. Срок отбывал в Печерлаге. Предположительно в 1943—1944 г. Василий Коляда был «актирован» — т. е. выпущен из лагеря по состоянию здоровья. Местом жительства ему был определен Троицк Челябинской области. Василий Коляда устроился работать механиком в сельскохозяйственном предприятии. В Троицке он получил квартиру и смог забрать семью из только что освобожденной от немцев разоренной Беларуси. В мае 1947 г. Василий

Варфоломеевич Коляда и его семья все же смогли вернуться на родину, в деревню Тевли Кобринского района Брестской области. Этот человек тяжелой судьбы, которого так и не смогли сломить годы несправедливых гонений, скончался 10 июля 1953 г.

Во многом схожим образом складывалась биография известного белорусского киносценариста и писателя Г. Я. Кобеца. Его настоящая фамилия — Сандыга, родился он в Екатеринославской губернии. Здесь, в Екатеринославе, крупном центре анархистского движения, в 1917 г. Григорий Сандыга присоединяется к анархо-коммунистам, весьма активным тогда на уличных митингах. Можно предположить участие Кобеца-Сандыги и в мажновском движении. В начале 1920-х годов он оказывается в приграничном Минске, как и Коляда, намереваясь перейти советско-польскую границу. Но это не удается, и под фамилией Кобец молодой анархист остается в Минске. Здесь в скором времени он становится одним из первых белорусских киносценаристов. Ему будут принадлежать такие выдающиеся киноленты, как «Искатели счастья», «Днепр в огне», «Дважды рожденный». Однако в 1936 году Григорий Кобец был арестован и отправлен в лагерь. В заключении он провел в общей сложности 22 года! По освобождению Кобецом был написан ряд литературных произведений, повествующих об этом периоде его жизни. По своим художественным достоинствам они не уступают, а по объективности и непредвзятости и превосходят тексты некоторых более известных авторов «гулаговской» тематики. Григорий Кобец был реабилитирован и продолжал свою творческую деятельность в постсталинской Беларуси. Он скончался в Минске в 1990 году, на 93-ем году жизни.

Украинско-белорусские фамилии «Коляда», «Кобец», как и неоднократно упоминаемая «Махно», встречаются уже в реестровом списке Запорожского казачьего войска как минимум с XVIII столетия. [163]

Определенная активизация левой оппозиции в середине 1920-х гг., в том числе и небольшевистских коммунистических и социалистических тенденций, была связана со многими факторами. В том числе и с тем, что рыночный курс НЭПа, оживив разрушенную Первой мировой и Гражданской войнами экономику, в скором времени продемонстрировал весьма ограниченные пределы роста. И одновременно вызвал очень серьезные негативные социальные последствия. В стране все более проявлялись черты, присущие классическому капиталистическому обществу — безработица, преступность, социальная дифференциация. Поскольку все это санкционировалось правящей партией РКП(б), то неприятие частичной реставрации капиталистических отношений находила свое выражение во временном усилении ультралевых групп.

Недовольство населения Беларуси в этот период прорывалось и в стихийно возникающих протестах. Так, 1 мая 1925 г. в Бобруйске около 30 безработных вышли на демонстрацию с лозунгами «Даешь работу!» В Минске также была отмечена агитация среди безработных. 6 мая в Бобруйске безработные пытались «снять» с работы (традиционный метод, известный еще с 1905 г.) чужих работников, занятых на постройке военной крепости, избив при этом инженера. Участвовавших в беспорядках силой

разогнали красноармейцы. 30 мая в Минске, в связи с незначительной задержкой пособия, толпа безработных ворвалась в Наркомат труда, при этом Председатель СНК БССР И. А. Адамович долго не мог ее успокоить. На следующий день нарком труда едва не был избит толпой, гнавшейся за ним до самого здания правительства. Вскоре выяснилось, что истиной причиной волнений была все же не задержка пособия, а предоставление на торфяных разработках под Минском рабочих мест для рабочих, привезенных из Калужской губернии. Руководители беспорядков и бросавший камни в здание Совнаркома безработный Флеер были арестованы.

По признанию ГПУ, 1926-й стал годом дальнейшей активизации анархистского движения. Так, среди белорусского студенчества стали все шире распространяться анархистские настроения. В Гомельской и Брянской губерниях отмечалось усиление анархистской деятельности. Анархисты в Гомельской губернии и Оршанском округе участвовали в выборах в сельсоветы, выставляя своих кандидатов в противовес комячейке. [142; С. 61, 186]

В 1927 г. в Минске студенты педфака организовали философский кружок для изучения анархизма. Однако с этого момента анархистское движение уже начало резко идти на убыль. В это время если еще и наблюдались проявления анархизма, то уже в виде деятельности отдельных одиночек либо изолированных групп. Бесспорно, что основной причиной ухода анархизма с исторической арены стала политика жестких репрессий, проводившихся ГПУ и другими карательными органами. Но не последнюю роль при этом сыграло и то обстоятельство, что партийному и комсомольскому аппарату удалось к этому времени установить свою идейную гегемонию в рабочей и молодежной среде. Нам представляется, что весьма значимую роль имел здесь и отказ от НЭПа, а также начало индустриализации и коллективизации.

Последний аргумент нуждается в пояснении. Во-первых, политика развернутого строительства социалистического общества (такого, как понимали его коммунисты-большевики), тактика форсированного вытеснения капиталистических отношений на время лишила идеологической почвы многие другие левые группы, особенно радикальные.

Во-вторых, индустриализация и коллективизация коренным образом изменили социальную структуру общества. В Беларуси исчез былой пролетариат, с ликвидацией еврейских местечек значительно сократилось количество рабочих-ремесленников. Традиции старого пролетарского движения заменялись новыми общественными и бытовыми практиками советского рабочего класса. Своеобразный «социальный пакт», по умолчанию заключенный между рабочим классом и советским государством, на долгие годы делал все более неактуальным забастовки и прочие протестные акции. С завершением коллективизации исчезло патриархальное крестьянство. Социальный договор, автоматически включенный в советскую систему, а затем и коллективизация, во многом снимал с повестки дня классовую борьбу в деревне, где особенно популярны были анархистские идеи и соответствующие методы.

Стабильное движение и другие проявления социальной борьбы в советском обществе резко пошли на убыль не только ввиду репрессий — как мы

видим, невзирая на них, рост забастовочной активности рабочих и развитие анархистского движения вполне имели место в 1920-х гг. Но тогда они были закономерным ответом трудовых слоев населения на политику полукапиталистического НЭПа. Сравнение с дореволюционным периодом также показывает, что полицейские преследования, которые при царизме носили куда более жесткий характер, не являются решающим фактором противодействия рабочему движению.

В-третьих, с ликвидацией безработицы и развертыванием социалистической модернизации все большее количество рабочих, крестьянской и учащейся молодежи получало значительные возможности для своей общественной адаптации, что вело к почти полной интеграции молодых людей в пределах советского строя, на деле дававшего большинству желающих перспективу развития и самореализации.

4. Либертарный дрейф эсеров в Западной Беларуси

Анархистские идеи не были и не могли быть напрямую реализованы в расследуемый период. Первая четверть XX столетия представляла собой чрезвычайно бурную эпоху, сопровождавшуюся коренной ломкой вековых экономических, политических и социальных порядков на территории бывшей Российской империи. Однако, несмотря на все происходившее в то время радикальное общественное переустройство, анархистская модель, по крайней мере, такая, как ее представляли тогдашние теоретики анархизма, была весьма далека от своего практического воплощения, особенно в условиях экономической разрухи или гражданской войны.

Однако и теории, и практика анархизма оказали определенное, и порой весьма серьезное влияние на происходившие тогда социальные и политические процессы, на формирование других идеологических систем. Так, достаточно заметное влияние взгляды анархистов оказали на теоретические положения некоторых видных представителей крупнейшей национальной белорусской партии того времени — Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР). Лидеры белорусских эсеров, такие, как Т. Т. Гриб, П. А. Бодунова и другие, стояли у истоков образования одной из возможных моделей белорусской государственности в виде БНР. Равно как и левые эсеры, также организаторы I Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. — у основания БССР и его первого правительства (в отличие от БНР, белорусская государственность в форме БССР смогла получить практическую реализацию). Но в скором времени белорусские эсеры, как и общероссийская ПЛСР, все более начинают выступать, в определенном смысле, с антиэтатистских позиций, что было их естественной реакцией на централизаторскую политику общероссийского руководства большевистской партии.

Еще в марте 1919 г. в выходившей в Гродно газете *Hramadzianin*, органе левой фракции Белорусской социалистической громады и БПСР, печаталась

серия статей Антона Небараки под характерным заголовком «Речи бунтовщика». Аналогичное название имело и одно из известных произведений П. А. Кропоткина. Однако это было не единственное, что сближало автора данной работы, одного из основателей и лидеров БПСР Томаша Гриба, с выдающимся теоретиком анархизма. Характерен, например, и вполне кропоткинский взгляд этого видного белорусского социалиста на происхождение государства: «Руководители этих вооруженных банд начали называть себя князьями, царями и т.п., а свои банды — дружинами, армиями и т.д...» [164; С. 2] Гриб также писал, что теперь «...государственная власть уже не может строиться сверху из какого бы там ни было «центра». Народ уже достаточно вырос, чтобы он мог сам снизу строить свою собственную счастливую жизнь. И только та власть будет сильной и непобедимой, которая будет держаться на твердом фундаменте любви и веры народа. Эта власть может быть только властью Крестьянских и Рабочих Советов, но только тех, которые по-настоящему выражают волю трудового народа, которые свободно выбраны всем трудовым людом». [165; С. 1] Исполнительные комитеты таких Советов, по мнению автора, должны работать под строгим контролем избирателей и во всем подчиняться их постановлениям. В случае неподчинения исполкомы должны были бы немедленно переизбираться. Вслед за Петром Кропоткиным с его биосоциальным законом взаимопомощи Т. Гриб (Антон Небарака) пишет и о том, что идея социализма заложена в саму природу человека. Не без оттенка определенного утопизма он утверждает, что во всем виноваты только внешние несправедливые порядки. Стоит их изменить, и люди станут совсем другими, перестанут эксплуатировать и угнетать друг друга.

Взгляд на Советы как форму народного самоуправления хоть и не является чисто анархистским, однако носит заметное влияние этого учения, предполагая их децентрализацию, построение «снизу», определяющую роль самого населения в принятии решений и т.д. Томаш Гриб, как настоящий социалист-народник, в 1919 г. прошел 200 верст пешком до Вильни и по территории Ошмянского и Свенцянского уездов, призывая голодающих крестьян к созданию вольных Советов. Однако в условиях гражданской войны и иностранной интервенции все подобные проекты не были и не могли быть реализованы. Сам Гриб летом 1919 г. был арестован польскими оккупантами в Гродно. Однако до конца своей жизни этот выдающийся белорусский политический, общественный и научный деятель сохранил веру в возможность и национального, и социального освобождения белорусского народа своими собственными силами. Обоснованию самоуправляющейся модели социализма Томаш Гриб посвятил ряд своих работ, написанных в эмиграции, в т. ч. и такую, как «Самаарганізація працоўнага народа».

Такой же позиции придерживались и группы БПСР, продолжавшие действовать на территории занятой Польшей Западной Беларуси. Определенное влияние анархо-синдикалистских идей просматривается в их литературе, изданной в 1920-х гг. Так, белорусские эсеры выдвинули лозунг «Все фабрики и заводы — рабочим!», имея в виду непосредственное владение

и пользование предприятиями со стороны трудовых коллективов (однако не право групповой собственности, поскольку речь шла о социализации — передаче средств производства всему обществу). Товарообмен между городом и деревней, по мысли белорусских социалистов, должен был осуществляться непосредственно через кооперативно-синдикальные объединения и регулироваться через их свободно избранные центральные управы.

Надо отметить, что подобного рода предложения не были чем-то совсем нереальным. Идеи о социализации предприятий нашли свое воплощение, правда, в значительно более умеренной форме, в практике австромарксистов и немецких социал-демократов.

Белорусские эсеры в Западной Беларуси придерживались также антипарламентской тактики. «Мы не можем склонить свои знамена перед грязными мусорками, из которых черпают свое вдохновение гладиаторы, а поэтому — отстраняемся от участия в выборах в польский Сейм и Сенат...» — писали они. — «Единственный путь — самоорганизация, образование единого фронта борьбы за действительное удовлетворение жизненных потребностей». [166; С. 3]

Сегодня в белорусской историографии возобладала тенденция к трактовке БПСР, да и всего белорусского национально-освободительного движения того периода, как достаточно умеренной тенденции, ориентированной прежде всего на ценности независимого национально-государственного строительства. Однако это было далеко не так. Подобная ориентация могла быть характерна только для ее правых элементов, таких, как Вацлав Ластовский и т.п. На самом деле, следует признать, что историческая БПСР была партией, стоящей на четко выраженных революционно-социалистических позициях, отстаивающей советскую форму государственного устройства и международный союз социалистических республик. [166, С. 3; 167, С. 3]

Симптоматично, что национализм левого толка органично уживался у белорусских эсеров с интернационалистскими установками. Выступая, например, против еврейского торгового капитала (впрочем, как и любого другого), они решительно заявляли: «На белорусской земле — вся полнота власти белорусскому трудовому народу!», белорусские эсеры одновременно определяли себя: «Да, мы интернационалисты...» [166; С. 3] Из противоречивых, казалось бы, источников формировался и присущий им антипарламентаризм. В Западной Беларуси их антипарламентская тактика была основана на том, что, с одной стороны, польский Сейм не может выражать белорусские интересы, а с другой стороны, это объяснялось и тем, что и сам парламент тоже имеет весьма ограниченные возможности, даже используемый в качестве трибуны. Определенное сближение белорусских эсеров с тактикой внепарламентских и синдикалистских групп отражает также объективные процессы, происходившие тогда среди леворадикальных партий и движений, придерживающихся небольшевистской ориентации.

Дело в том, что в начале 1920-х годов, параллельно с процессом консолидации уцелевших левонароднических структур в Советской России, Беларусь

и Украине, предпринимались и международные попытки объединения с родственными и зарубежными группами соответствующий Интернационал, призванный стать альтернативой большевистскому Коминтерну. Вместе с Объединением ПЛСР (объединенной интернационалистов и синдикалистов) и ССРМ активное участие в этом процессе приняли и белорусские и литовские социалисты-народники. Соответственно, в Западной Европе Международное Информационное Бюро революционно-социалистических партий, призванное стать ядром такого лево-социалистического Интернационала, контактировало с весьма пестрыми по своему составу политическими силами — от социал-демократического Международного рабочего объединения социалистических партий (2½ Интернационала) до левокоммунистической КРПГ, от итальянских социалистов-максималистов, французских социалистов-коммунистов, немецких независимых до революционных синдикалистов...

Большинство руководства Объединения ПЛСР (о.и.с.) и ССРМ намеревалось привлечь к этому союзу как европейских анархо-синдикалистов, так и отдельные («здоровые и не обанкротившиеся», как они писали) элементы общероссийского анархизма. С последними ничего не получилось — оказавшиеся в эмиграции анархисты из Советской России зачастую стали еще более непримиримыми по отношению к представителям других фракций, оказались неспособны не только к союзу с родственными течениями, но вскоре вступили между собой в достаточно острую дискуссию и конфронтацию. Но завязать переговоры с европейскими анархо-синдикалистами левым социалистам все же удалось. В какой-то мере здесь сказалась и специфика европейского анархо-синдикалистского движения — тон там задавала практика рабочего движения, не чуждая переговорным процессам и легальной тактике, в то время как в российском анархизме первоначально доминировали экспроприаторы-боевики, а потом — представители «военного анархизма» и повстанческие командиры.

Один из лидеров левых эсеров, уроженец Двинска Витебской губернии И. З. Штейнберг, неоднократно публиковался в изданиях немецких анархистов (издательство Fanel Э. Мюзам). [168; С. 227] Еще в циркулярном письме левозеровско-максималистского Объединения в феврале 1921 г. было сказано о «...необходимости сплочения в международном масштабе революционно-социалистических и анархо-синдикалистских кадров рабочего класса под лозунгом... трудовой республики». [169; Л. 2] В «Тезисах для нового Интернационала», представленных левосоциалистическим Объединением в апреле 1923 г., говорилось, что «...государственническая идеология и быт, являющийся тяжелым наследием старого мира, должны быть сводимы до минимума путем разгрузки политических органов государства...» [169; Л. 26] Один из лидеров Объединения, участник революции 1905 г. в Беларуси максималист Г. Н. Нестроев шел еще дальше и даже формулировал его платформу как «левонароднический анархо-синдикализм».

1 мая 1923 г. во Франкфурте по инициативе Объединения ПЛСР (о.и.с.) и ССРМ прошло совещание, в котором приняли участие представители БПСР,

левые народники Литвы, Латвии, Украины, немецкой НСПГ, французского Социалистическо-коммунистического Союза, Бунда из Польши и Западной Беларуси, итальянской партии максималистов, чешских социалистов. На этой встрече было создано Международное Информационное Бюро революционно-социалистических партий.

Однако переговоры между Объединением, которое представлял Штейнберг, и анархо-синдикалистским Интернационалом (МАТ) и ЦК Свободного рабочего Союза Германии (ФАУД) все же закончились неудачно. Синдикалисты и анархисты выступили против сотрудничества с партиями, несмотря на всю анархо-синдикалистскую эволюцию левых эсеров. Разочарованный Штейнберг вынужден был заявить: «Синдикалисты во имя чистоты принципов не являются к широким массам, которые идут за партиями и профсоюзами. Это — саботаж революции». [169; Л. 140]

В силу ряда причин ПЛСР и ССРМ, вместе с сотрудничавшими с ними белорусскими эсерами, не удалось интегрировать левосоциалистический максимализм и анархо-синдикализм. Более того, через некоторое время осложнилось их положение и среди собственно социалистических партий — 2 ½ Интернационал ушел далеко по пути правого оппортунизма, и находившееся на его крайне левом крыле Международное Информационное Бюро практически прекратило свою активность. Одна из причин того — европейские социалисты, как правые, так и ультралевые, были вскормлены на марксистской традиции, причем в ее именно западной интерпретации. И они с подозрением смотрели на своих народнических собратьев из «крестьянской» Восточной Европы, с их антимарксистским «этическим социализмом», бунтарством и т.д. Не очень актуальным было для рациональных западноевропейцев и эстетическое, духовное «скифство» левых эсеров, и т.д.

В дальнейшем в Западной Европе сформировался свой сегмент внепарламентской антиавторитарной левой, который отличался от анархизма и был представлен марксистскими группами в духе «левого коммунизма» или сторонниками «коммунизма советов» и т.п. — крайне немногочисленными, раздробленными, но зато воинствующими и чрезвычайно догматическими.

Невозможность приложить свои силы и еще нерастраченную энергию в условиях эмиграции, а также явные успехи советского строя — все это заставляло многих анархистов и левых социалистов возвращаться из эмиграции в СССР. На родине, даже в условиях большевистской диктатуры, но зато в привычной им стихии, они могли найти гораздо больше возможностей для того, чтобы быть полезными и востребованными. Причем на любой почве — будь это подпольная работа или честное сотрудничество с большевиками.

5. Анархисты и коммунисты

Однако анархистское мировоззрение оказало свое воздействие не только на смежные ей левосоциалистические и левокоммунистические течения. Ее определенному влиянию подверглась и сама правящая коммунистическая партия большевиков.

Критикуя эсеро-максималистов, В. М. Чернов как-то сказал, что максимализм сошел с политической сцены, уступая место коммунизму только потому, что рядом с большевиками он выглядел вторым переизданием, в котором уже не было нужды. Допуская частичную правоту слов лидера эсеровского центра, следует также заметить и про сам большевизм, что он тоже возник некогда как отчасти переиздание максимализма и анархо-коммунизма, но по-своему «исправленное, улучшенное и дополненное».

Самоопределение «коммунисты» в России в XX веке впервые было взято на вооружение теми же анархистами, а в сочетании со словом «рабочий» использовалась, как мы уже отмечали, близкими к безвластным теориям махаевскими группами («Пролетарское дело»). Название «Коммунистическая партия» было одним из первых введено в оборот весной 1917 г. сторонниками «этического коммунизма» анархиста и кооператора В. А. Поссе. Ее второе название было «Союз имущественного и трудового равенства», и в РКП(б) их считали анархо-большевиками.

Но дело далеко не только в радикальном названии. Как мы уже отмечали, группа сторонников решительной борьбы с «министрами-капиталистами» во главе с Владимиром Лениным победила в руководстве РКП(б) прежде всего благодаря поддержке, а в известном смысле, и давлению рабочих низов. Причем, как своих, лево-большевистских, так и подогретых анархо-коммунистической пропагандой беспартийных рабочих масс. «...Партийные интеллигенты не разделяли веры большевистских рабочих. Если мы вспомним, что в 1917 г. провозглашенная Лениным задача взятия власти пролетариатом встретила первоначально резкий отпор почти всей марксистской большевистской интеллигенции, то в связи с разъяснениями Ольминского можно будет заключить, что в этот момент вождь большевизма сознательно пошел навстречу утопическим настроениям рабочих... вполне осмысливая для себя крутой разрыв с партийной традицией, им совершаемый». [170; С. 307]

При этом, по свидетельству того же М. С. Ольминского, в октябре 1917 г. — члена Замоскворецкого ВРК, сам Владимир Ленин не сразу оставил прежние социал-демократические догмы, а первоначально адресовал газете «Правда» свои «одергивания из-за границы...», напоминавшие о буржуазном характере русской революции». [170; С. 307] Но Ленин бы не был самим собой, если бы по прибытию в Россию не смог понять — какие общественные силы пришли в движение, где находится их точка приложения и какова на сегодняшний день повестка дня для масс. Одновременно не менее безошибочно вождь партии большевиков определял и точку невозврата. И значительно реже своих оппонентов и противников отрывался от политической и общественной реальности. А именно этого не хватало

большинству лидеров тогдашнего анархизма, чей крайний социальный утопизм в конце 1917—1918 гг. уже не мог иметь под собой почвы. При этом частичное обретение массовой опоры в лице недовольного крестьянства (махновское движение) и т. п. в 1919—1921 гг. привело к обратному от заявленных анархо-коммунизмом целей — ведь именно под влиянием повстанческого движения Советская Россия вынуждена была повернуть к рыночному курсу НЭПа, совершенно противоположному декларируемому бестоварному «безгосударственному коммунизму».

Несомненно, рост влияния анархо-коммунистов в 1917 г. в массах побудил В. Ленина и к написанию такой работы, как «Государство и революция», ставшей впоследствии своеобразной библией для анархо-большевиков. В ней государство диктатуры пролетариата уже с начала переходного периода должно было отмирать, передавая свои функции рабочим организациям. При этом в качестве примера Лениным приводилась Парижская Коммуна, в которой, как известно, немалую роль сыграли прудонисты, бакунисты и другие представители утопического социализма. Можно предположить, что некоторые эксперименты «по отмиранию», порожденные в России 1917 г. прежде всего стихий возмущенных масс, во многом искренне поддерживались и частью большевистского руководства. Но первые же опыты с фабзавкоммами, рабочим контролем и т. д. заставили большевиков отказаться от этих новаций. Характерно, часть левых эсеров, которые спустя некоторое время сами стали во многом на анархо-синдикалистскую платформу, в 1917 — начале 1918 гг. были в вопросе борьбы с «анархией» солидарны с большевиками, а иногда и даже еще более традиционно-государственнически настроены [108; С. 502]

Принятие большевиками в марте 1918 года новой, коммунистической программы означало рождение во многом новой партии. Не случайно после Октябрьской революции среди руководства РКП(б) члены старого состава ЦК РСДРП(б) составляли меньшинство (иначе обстоит дело среди лидеров ПСР и РСДРП(м)). Кстати говоря, меньшевики обвиняли ленинцев в следовании бакунизму в их программе и тактике. И не случайно, что упоминаемая выше работа историка Б. И. Горева (в момент ее написания — меньшевика), очевидно, и была создана как раз для подкрепления полемики умеренных социал-демократов с большевиками. [77] Впоследствии, став уже советским историком, Горев соответственно изменил акценты в своей критике анархизма. [34]

Программа новой партии большевиков-коммунистов (сакраментальный вопрос «Ты за большевиков или за коммунистов?» тогда действительно имел смысл) впервые содержала указание на необходимость отмирания государства и его замены общественным самоуправлением, но только при полной победе коммунизма. Впервые, ибо если ранний Карл Маркс настаивал на этом (возможно, не без необходимости считаться с идеями Бакунина или Прудона), то из последующих программ социал-демократических партий это положение постепенно стало исчезать. Происходило это по мере того, как западная социал-демократия превращалась в серьезных игроков парламентской политики. Не было ничего сказано об отмене государства и в положениях фактически буржуазно-демократической программы РСДРП

1903 года, которая местами была даже более умеренной, чем программа эсеров. И именно стихия социального переворота «снизу», разыгравшаяся летом—осенью 1917 г., в которой сильны были анархистские импульсы, окончательно сделала социал-демократов-большевиков коммунистами.

Впрочем, очень скоро реалии гражданской войны заставили большевистскую партию избавиться от наиболее утопических установок в своей практике. В силу этих же обстоятельств достаточно много бывших анархистов оказалось в рядах коммунистической партии. Однако с окончанием войны и с наступлением «передышки» некоторые из них, как мы уже показывали на примерах, пытались в рамках идеологии правящей партии озвучивать и отдельные безгосударственные положения. То обстоятельство, что и в 1920—1930-х гг., вопреки реальной практике, РКП(б)—ВКП(б) не отказывалась в своей теории от упразднения государства, было связано еще и с необходимостью считаться с международным анархо-синдикалистским движением. Именно либертари и анархо-синдикалисты с их профсоюзами являлись тогда едва ли не главным поставщиком кадров для формирующихся компартий романских и латиноамериканских стран, и крупным союзником во время революционной войны в Испании в 1936—1939 гг.

Можно без преувеличений сказать, что ленинизм был синтетическим вариантом научного социализма, творчески соединившим в себе значительную часть положительного потенциала не только западноевропейского марксизма, но и евразийского революционного народничества и анархокоммунизма. Термин «евразийский» мы используем в данном случае для географической характеристики левого народничества, создавшего ряд самостоятельных национальных партий и союзов эсеровского типа не только в исконной России, но и в Беларуси, Украине, Прибалтике, Туркестане, Бурятии и т.д. В этом смысле ленинизм был продолжателем традиций марксизма, уже своим формированием обязанного синтезу существовавших на тот момент социалистических учений.

Грандиозный социальный проект по построению коммунизма многие десятилетия являлся мощной мобилизующей силой, позволяющей советским народам преодолевать серьезнейшие трудности и невиданными темпами развивать свою экономику, науку, культуру и социальную сферу. При всех колоссальных издержках этого процесса, трагических ошибках и даже преступлениях, совершаемых в то время, Советский Союз являлся единственным государством в мире, конечной целью которого было объявлено упразднение государственного аппарата.

Безусловно, можно говорить о том, что это была просто декларация. Но периодически открывавшиеся кампании по форсированию коммунистического строительства заставляли снова и снова возвращать в повестку дня и общественное самоуправление, и моделирование коммунистического, безгосударственного общества как такового, и его теоретическое обоснование. Но при этом, чем дальше советское государство подвергалось бюрократической эрозии и перерождению, тем более все его коммунистические лозунги превращались в чистую профанацию.

Заключение

Таким образом, первая массовая рабочая анархистская организация в Российской империи формируется в Белостоке Гродненской губернии в 1902—1903 гг. В БГАК участвуют представители разных национальностей, проживающих в этом регионе — евреи, белорусы, поляки. При опоре на достаточную широкую массу пролетариата такого крупного промышленного центра, как Белосток, ядро этой группы составляют безработные, люмпен-пролетарии и интеллигенты. Этим, наряду с постоянным насилием со стороны полиции, объясняется та легкость, с которой БГАК начинает практиковать индивидуальные покушения и экспроприации. Ошибочность этой тактики проявляется уже в годы революции 1905—1907 годов — анархистские организации несут тяжелые потери, место идейных революционеров все более занимают деморализованные и криминализованные элементы.

Господствующим в анархо-коммунистическом движении того времени становится чернознаменное направление. При этом если критика буржуазно-демократической революции, развернутая его представителями, была позитивно воспринята и усвоена рабочими, то необоснованная и экстремистская тактика чернознаменства не увенчалась успехом.

Характерный тип идейного анархиста первого периода — боевик из молодых рабочих или безработных, эмоционально не приемлющий любую несправедливость, понимающий и признающий только непосредственное действие.

Анархисты-коммунисты принимают активное участие в Октябрьской революции 1917 года. Можно говорить о том, что ее радикальный социальный характер во многом был подготовлен тем неприятием капитализма и буржуазного государства, которое укоренилось у значительной части рабочих не без влияния анархистской пропаганды. Немалую популярность среди солдат, крестьян и рабочихнискали антивоенные и антимилитаристские выступления анархистов. Однако конструктивная программа сторонников безвластия оказалась значительно слабее ее критической части. Анархистам не удалось реализовать свою безгосударственную общественную альтернативу, и вскоре началась их конфронтация с правящей партией большевиков-коммунистов.

Особенностью этого противостояния в Беларуси является его преимущественно вооруженный характер, обусловленный военно-политическим союзом, долго сохранявшимся здесь между большевиками и левыми социалистами и анархистами. Во многом это было обусловлено повышенной угрозой иностранной интервенции и социальной реакции в регионе (близость западной границы, обострение национальных противоречий и т.д.)

Характерный тип анархиста «второй волны» этого периода — это красноармеец и командир Красной Армии, рабочий и служащий советских учреждений, вынужденный испытывать разрыв между своими теоретическими убеждениями, необходимостью защищать революцию и практикой социалистического государства.

По мере подавления контрреволюции, все более жесткой становится позиция революционной власти в отношении вчерашних союзников. Исторический шанс на создание широкого единого фронта всех левых сил был утерян. Советская форма трудовой демократии оказалась под угрозой значительной деформации.

Переход к политике НЭПа, воспринимавшийся многими трудящимися как отказ от идеалов Октябрьской революции и обостривший социальные противоречия, способствовал активизации анархистского движения в БССР. Анархисты получают поддержку части рабочего класса, участвуют в забастовках и пытаются создать нелегальные профсоюзы. По-прежнему немалыми симпатиями пользуются они в деревне. Анархо-коммунистические идеи получают распространение среди учащейся молодежи. Тип анархиста «третьего поколения» — молодой рабочий, студент, интеллигент, теоретик и пропагандист.

Однако не только репрессии ГПУ, но и успешное строительство социализма советского образца, приводят к сворачиванию анархистского движения в СССР к концу 1920-х годов. Значительная часть анархистов переходит на позиции поддержки Советской власти.

При этом многие установки и идеи из арсенала анархизма были взяты на вооружение коммунистической партией. Лозунг построения коммунизма как общества без государства и любых форм насилия, в течение нескольких десятилетий действительно являлся моральным, идейным ресурсом и реальной силой, позволявшей осуществлять прогрессивные социальные преобразования во всех сферах советского общества. Однако на следующем витке истории, известном как «перестройка», правящая бюрократия, по мере своего перерождения, вместо постепенной замены государственного принуждения общественным самоуправлением отдала предпочтение возврату к рыночным реформам и фактическому восстановлению старых, дореволюционных форм государственности. Тем не менее, каким бы ни был следующий поворот исторической спирали, альтернатива общественного развития, основанного на социальной справедливости и уничтожении всех форм угнетения и эксплуатации, никогда не утратит своей актуальности и всегда останется притягательной для человечества.

Примечания

- 1 Анархизм // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т.1. Мн., 1994.
- 2 Гомельская арганізацыя анархістаў-камуністаў // Гомель. Энциклопедический справочник. Мн., 1991.
- 3 Комин В. В. Анархизм в России. Специальный курс лекций, прочитанный на историческом факультете педагогического института. Калинин, 1969.
- 4 Почанин С. З. Историей обреченные. Мн., 1977.
- 5 Сташкевич Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Беларуси (1917—1925). Мн., 1985.
- 6 Ермаков В. Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997.
- 7 Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
- 8 Глушаков Ю. Э. Идеи П. А. Кропоткина и их последователи в Белоруссии: история и современность // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.
- 9 Глушаков Ю. Э. Гомельчане — члены ОПК // Всероссийское общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921—1935. Материалы международной научной конференции. М., 2004.
- 10 Анархисты. Документы и материалы. Т. 1: 1883—1916. М., 1999.
- 11 Анархисты. Документы и материалы. Т. 2: 1917—1935. М., 1999.
- 12 Пролетарское дело. № 1, март 1905. С. 3-4; № 2, апрель 1905.
- 13 Каминьски А. Я. В. Махайский как критик П. А. Кропоткина и анархизма // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.
- 14 Из истории анархического движения в Белостоке // Соблазн социализма. Революция в России и евреи. Париж — Москва, 1995.
- 15 Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981.
- 16 Савченко В. Анархисты-террористы в Одессе (1903—1913). Одесса, 2006.
- 17 Ярославский Е. Анархизм в России. М., 1939.
- 18 Кульчицкий Л. Анархизм в России. СПб., 1907.
- 19 Гончарок М. Пепел наших костров (очерки истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизма). Иерусалим, 2002.
- 20 Последние известия. 1903, 4 сентября (22 августа). № 142.
- 21 Гранатштейн Н. Первое массовое движение на западе России в 1900-ых гг. // Каторга и ссылка. № 5. 1925.
- 22 Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее — НИАБ в Гродно). Ф. 366. Оп.1. Д. 92.
- 23 Хлеб и Воля. 1904. № 23.
- 24 Гроссман-Рощин И. Думы о былом (из истории белостокского, анархического, «чернознаменного» движения) // Былое. 1924. № 27-28.

- 25 Генкин И. И. Среди преемников Бакунина (Заметки по истории российского анархизма) // Красная Летопись. 1927. № 1 (22).
- 26 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее — ГАООГО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 68.
- 27 Хлеб и Воля. Июль 1905. № 19.
- 28 Агурский С. Революционное движение в Белоруссии. Мн., 1928.
- 29 Майзель Л. Н. 1905 год на Беларуси. Мн., 1934.
- 30 Политическая каторга и ссылка. М., 1930.
- 31 Обнинский В. Полгода русской революции. М., 1906.
- 32 Брильон И. На каторге. М. — Л., 1927.
- 33 Комаров Н. Очерки истории местных и областных боевых организаций ПСР в 1905—1909 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 4(25).
- 34 Горев Б. Анархизм // Большая советская энциклопедия. Т. 2. М., 1931.
- 35 Каторга и ссылка. 1923. № 6.
- 36 Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 2499. Оп. 1. Д. 39.
- 37 Юренев И. Двинск (1904—1906) // Пролетарская революция. 1922. № 12.
- 38 НИАБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 133.
- 39 НИАБ в Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д. 106.
- 40 НИАБ в Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д. 105.
- 41 Горелик. Из истории революционного движения в Бобруйске // 1905 г. в Беларуси. Мн., 1925.
- 42 Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 128.
- 43 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7794.
- 44 Бонч-Асмалоўскі А. В. Эпоха 1905 г. // Польшыма. 1925. № 7.
- 45 Бонч-Асмалоўскі А. В. Эпоха 1905 г. // Польшыма. 1925. № 64.
- 46 Васильев П. Митя Кириллов // Каторга и ссылка. 1926. № 12.
- 47 Искра. 15 мая 1903 г. № 4.
- 48 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 90.
- 49 Несторев Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
- 50 Российская государственная библиотека. Отдел редкой книги (далее — РГБ ОРК). Ф. 218. Ед. хр. 1289/18.
- 51 Известия Гомельского Губкома РКП. Февраль 1923. № 62.
- 52 Прокопцов М. Из воспоминаний старого большевика. Гомель, 1923.
- 53 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 16.
- 54 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2. Д. 263.
- 55 ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 79.
- 56 Зильберблат Ида. Виленская каторга 1910—1914 гг. // Политическая каторга и ссылка. 1930. № 4.
- 57 Дубовик А. В., Дубовик А. В. Деятельность «Группы Екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» в 1905—1906 гг. // Индивидуальный политический террор в России. 19—начало 20 в. М., 1996.

- 58 Хлеб и Воля. 13 декабря 1906. № 4.
- 59 Листки «Хлеб и воля». 25 января 1907. № 7.
- 60 НИАБ, Ф. 300, Оп. 1, Д. 15.
- 61 Кривенький В. Таратута Александр Григорьевич // Политические партии Росси. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996.
- 62 Голас Радзімы. 1996. № 21.
- 63 Лесная Ф. Из прошлого // Революционная борьба в Гомельской губернии. — Гомель, 1921.
- 64 Ягудин П. На Черниговщине // Каторга и ссылка. 1929. № 8-9.
- 65 Известия Гомельского губкома РКП. Июль 1924. № 72.
- 66 Фонды государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль» (далее — ГИКУ ГДПА). Ф. 52, Д. 104.
- 67 Известия Гомельского губкома РКП. Июль 1924. № 74.
- 68 Бейка Д. Год лесных братьев. Рига, 1970.
- 69 Полесский коммунар. 30 сентября 1926. Кн. 18.
- 70 Биржевые ведомости. 27 января 1909 г. № 22.
- 71 Фонды ГИКУ ГДПА. Ф. 5, Д. 225.
- 72 Листки «Хлеб и воля». 15 февраля 1907. № 8.
- 73 Листки «Хлеб и воля». 1 марта 1907. № 9.
- 74 НИАБ в Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д. 126.
- 75 Там же, Д. 89.
- 76 Там же, Д. 91.
- 77 Горев Б. И. Анархисты, максималисты и махаевцы. Пг., 1918.
- 78 Гольдштейн А. М. Среди еврейства. 1918.
- 79 Бунд в Беларуси (1897—1921). Мн., 1997.
- 80 Варшавский дневник. 10 (23) августа 1907. № 218.
- 81 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 2. Д. 3588.
- 82 Там же, Д. 2989.
- 83 Там же, Д. 3597.
- 84 Там же, Д. 3434.
- 85 НИАБ в Гродно. Ф. 360. Оп. 1. Д. 143.
- 86 НИАБ. Ф. 2499. Оп. 2. Д. 2.
- 87 НИАБ в Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д. 217.
- 88 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30.
- 89 Рублев Д. И. Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX—XX веков. М., 2010.
- 90 Куніца Якуб. На под'еме // Польшыма. 1930. № 9-10.
- 91 Фонды ГИКУ ГДПА. Ф. 5, Д. 110.
- 92 Осип И. Через «долгой самодержавие» к власти Советов // Полесский коммунар. 28 февраля 1926. Кн. 4.
- 93 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7.
- 94 Фонды ГИКУ ГДПА. Ф. 5, Д. 131.
- 95 Там же, Д. 2.
- 96 Голос народа. 23 сентября 1917 г. № 139.
- 97 Революционная Россия. Апрель 1929. № 74.
- 98 Пільман І. 1917 год у Бабруйску // Кастрычнік на Беларусі. Мн., 1927.
- 99 Полесская правда. 12 марта 1927 г. № 59.

- 100 Известия Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов. 2 февраля 1918 г. № 211.
- 101 Файтельберг-Бланк Виктор, Савченко Виктор. Одесса в эпоху войн и революций. 1914—1920. Одесса, 2008
- 102 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 86.
- 103 НАРБ. Ф. 60. Оп. 4. Д. 166.
- 104 Фонды ГИКУ ГДПА.
- 105 Вечерняя газета. 27 декабря 1918 г. № 4.
- 106 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30.
107. Колпакиди А. И. К истории ВЧК. Письмо А. И. Эрдмана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому // Русское прошлое. Т. 6. СПб., 1996.
- 108 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000.
- 109 Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978.
- 110 Горецкий Максим. Виленские коммунары // Избранное. Мн., 1989. С. 521, 525, 533.
- 111 Грамадзянін. 14 января 1919 г. № 1.
- 112 Вольная жизнь. Май 1919 г. № 1.
- 113 Известия Революционного комитета г. Гомеля и уезда. 6 марта 1919 г. № 59.
- 114 Архив Управления КГБ по Гомельской области. Д. 1067.
- 115 ГАГО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 365.
- 116 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 33.
- 117 Елена Съянова. Под гнетом их обаяния // www.izvestia.ru/news/282488
- 118 Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
- 119 Леонтьев Я. Каплан Фанни Ефимовна // Политические партии России. Конец XIX — первая четверть XX в. М., 1996.
- 120 Латышева М. Женщины-террористки. М., 2003.
- 121 Расстрельные списки. Выпуск 2. Ваганьковское кладбище. 1926—1936. М., 1995.
- 122 Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1994.
- 123 Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993.
- 124 Волин. Неизвестная революция. М., 2005.
- 125 Фонды ГИКУ ГДПА. Ф. 5. Д. 21.
- 126 Там же, Д. 99.
- 127 ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170.
- 128 ГАГО. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 27.
- 129 Гонения на анархизм в Советской России. Берлин. 1922. № 1.
- 130 II Губернский съезд производственных союзов. Ежедневный бюллетень. 9 апреля 1921 г. № 8.
- 131 Профсоюзная мысль. Январь 1923 г. № 10.
- 132 ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257.
- 133 ГАГО. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 3.

- 134 Полесская правда. 6 января 1923 г. № 791.
- 135 Лелевич Г. В чем дело? // Известия Гомельского губкома РКП. 1921, № 16.
- 136 ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 651.
- 137 Фонды ГИКУ ГДПА. Ф. 5. Д. 145.
- 138 Литвинов В., Шутов В. Приговоренный к смерти // Знамя Юности. 31 мая 1967 г. № 234.
- 139 Гуляй С. Гордимся земляком // Сельская газета. 15 июля 1968 г. № 105.
- 140 ГАГО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 339а.
- 141 ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 522.
- 142 Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.) Т.1, Ч.4. М., 2001.
- 143 Полесская правда. 11 мая 1921 г.
- 144 Полесская правда. 10 февраля 1921 г.
- 145 ГАООГО. Ф.1. Оп.1. д. 522.
- 146 Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.
- 147 ГИКУ ГДПА. Ф.5. Д. 277.
- 148 ГАГО, Ф. 62, Оп. 1, Д. 753
- 149 ГАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 21.
- 150 Вицьбич, Юрка. Антібальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі. Вільня, 2006.
- 151 ГАГО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 315, 318, 319.
- 152 ГАООГО. Ф. 52. Д. 89.
- 153 III Губернский съезд профессиональных союзов. 6 апреля 1922 г. № 3.
- 154 ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 579.
- 155 ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. ш.
- 156 Известия Гомельского губкома РКП. 1920. № 3.
- 157 ГАООГО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1147.
- 158 Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — сер. 1950-х годов. М., 1999.
- 159 Анархический вестник. Ноябрь—декабрь 1923 г. № 5-6.
- 160 Архив Управления КГБ по Гомельской области. Д. 18828-С.
- 161 Letters From Russian Prisons. New York, 1925.
- 162 Архив Управления КГБ по Гомельской области. Д. 574997.
- 163 Реєстр війська Запорізького низового нової січі 1756 року // Україна — козацка держава. Киев, 2008.
- 164 Hramadzianin. 11 марта 1919 г. № 16.
- 165 Hramadzianin. 21 марта 1919 г. № 19.
- 166 Бюллетень Заграничной группы Белорусской партии социалистов-революционеров. Март 1928 г. № 8.
- 167 Белоруская думка. 6 июля 1919 г. № 42.
- 168 Хэфнер Л. Эмиграция, ссылка и политика: левые эсеры в Берлине и судьба И. З. Штейнберга // Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.
- 169 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 14, Ч. 1.
- 170 Летопись революции. Кн. 1. Берлин—Пг.—М., 1923.

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

Глава 1

Накануне. Возникновение и деятельность анархо-коммунистических групп в 1903—1904 гг.	6
1. Положение в Беларуси в пореформенный период.....	6
2. Появление первых анархистов в Беларуси. Первые социалистические партии. Махаевщина.....	8
3. Возникновение первой анархистской группы в Белостоке. Идиш-анархизм.....	11
4. Начало деятельности Интернациональной группы «Борьба». 1903—1904 гг.	17

Глава 2

Первая революция. На гребне волны. 1905—1907 гг.	23
1. Взлет анархо-коммунистического движения в Белостоке.....	23
2. Анархистские группы в других городах Беларуси. Лето 1905 года в Белостоке	27
3. Формирование основных направлений анархизма: хлебовольцы, чернознаменцы, коммунары, безмотивники, безначальцы. Белосток в 1905—1906 гг.: Белостокский Совет и поражение всеобщей стачки.....	31
4. Деятельность анархистов Беларуси за пределами Белостока.....	46
5. Начало анархистского движения в Гомеле.....	53
6. Анархисты — уроженцы Беларуси в революцию 1905—1907 гг.: от Сибири до Алжира.....	56
7. «Надрыв» анархистского движения в Белостоке. Поражение анархистов в революции.....	59

Глава 3.

Отступление. 1907—1917 гг.	65
1. Минская группа анархистов-коммунистов в 1907—1908 гг.	65
2. Полесские «лесные братья». Александр Савицкий	69
3. Анархистское движение Гродненской губернии в 1907 г.	79
4. Конференция анархистов-коммунистов Литвы и Польши	82
5. Послереволюционные годы: рост комбинаторства, торжество репрессий.....	86

Глава 4.	
На переломе эпох. Анархизм в Беларуси в период революции 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции 1917—1921 гг.	96
1. Крушение царизма, установление Советской власти: 1917—1918 гг. Зарождение анархо-большевизма. Сопротивление немецкой оккупации	96
2. Анархисты на гражданской войне.....	108
3. Уроженцы Беларуси: от Фанни Каплан до анархо-большевиков.....	121
4. Днепровская военная флотилия в Гомеле. Гомельские анархисты в первые годы Советской власти.....	126
Глава 5.	
Новое время. Анархизм в советской Беларуси (1921—1927 гг.).....	135
1. Репрессии против анархистов и псевдоанархистских банд.....	135
2. Старые анархисты в советской Беларуси.....	141
3. Новое поколение анархистов.....	145
4. Либертарный дрейф эсеров в Западной Беларуси.....	155
5. Анархисты и коммунисты.....	160
Заключение.....	163
Примечания.....	165
Содержание.....	170

Юрий Глушаков

«Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902 — 1927)

Книга белорусского историка Юрия Глушакова является первой крупной работой, освещающей формирование и развитие анархистского движения первой четверти XX века на территории регионов, которые сейчас входят в Республику Беларусь.

Опираясь на широкий круг источников — документы из архивов Беларуси и России, сообщения в легальной и подпольной прессе, воспоминания очевидцев, а также немногочисленные исследования историков, — автор рисует живую картину бурной общественно-политической жизни в Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской и Виленской губерниях. Именно здесь около 1902 года появились первые собственно анархистские организации Российской империи, зародились и активно действовали другие революционные течения. Книга показывает важную роль, сыгранную этими организациями, активистами и идеологиями в революции 1905—1907 гг., в межреволюционную эпоху и после крушения царизма. Советскую власть приняли не все анархисты Беларуси, но их организованное сопротивление было подавлено ко второй половине 1920-х гг.

По страницам книги проходят сотни, если не тысячи персонажей — жители городов, местечек, деревень и даже дворянских поместий, которым приходилось жить в условиях постоянного насилия, войн, стачек, локаутов, погромов, вооруженных восстаний, экспроприаций и «стольпинских галстуков». Автор подробно исследует идеологические трансформации анархизма и смежных течений, таких как махаевцы или эсеры-максималисты, в тот период, когда они играли столь важную политическую роль. Он анализирует условия, в силу которых анархисты могли увлекать за собой массы, и раскрывает причины, по которым их самоотверженная борьба не привела к установлению безгосударственного общества. Среди них, в частности, ставка на «боевизм», перераставший в дуэли между революционерами и властями, а также резкие изменения в социальной и экономической обстановке, выбивавшие из-под них почву.

Yuri Glushakov

"Revolution Is Dead! Long Live the Revolution!": Anarchism in Belarus 1902 — 1927

This book by Belarusian historian Yuri Glushakov is the first major work covering the forming and development of the anarchist movement in the first quarter of the 20th century in the territory of regions which now constitute the Republic of Belarus.

Based on a wide range of sources, including papers from Belarusian and Russian archives, reports in legal and clandestine publications, eyewitnesses' memoirs, as well as the few existing works by other historians, the book paints a vivid picture of stormy sociopolitical life in Hrodna, Minsk, Mogilev, Vitsebsk and Vilna governorates. It is there that the first specifically anarchist organisations in the Russian Empire formed around 1902, and other revolutionary currents also stem from the area. The book shows the important role these organisations, activists and ideologies played during the 1905—1907 revolution, during the inter-revolutionary period and after the downfall of Tsarism in 1917. Not all anarchists in Belarus have accepted the Soviet regime, but their organised resistance was suppressed by the late 1920s.

Hundreds, if not thousands of characters inhabit the pages — residents of cities, shtetls, villages and even noble manors, who had to endure conditions of constant violence, wars, strikes, lockouts, pogroms, armed insurrections, expropriations and executions.

The author provides an in-depth analysis of ideological transformations of anarchism and related currents, such as Workers' Conspiracy or Socialist-Revolutionaries Maximalists, during the period when they played such an important political role. He looks at conditions which made it possible for anarchists to get support from the masses, and uncovers reasons due to which their selfless fight has failed to bring a stateless society into being. Some of these include a reliance on the force of arms which decimated mass struggle to duels between revolutionaries and the authorities, as well as radical changes in social and economic conditions which cut the ground from under the anarchists' feet.

Для заметок

Для заметок

а/я 30, Санкт-Петербург, 195009
slovosleva.wordpress.com
diyhc@yahoo.com

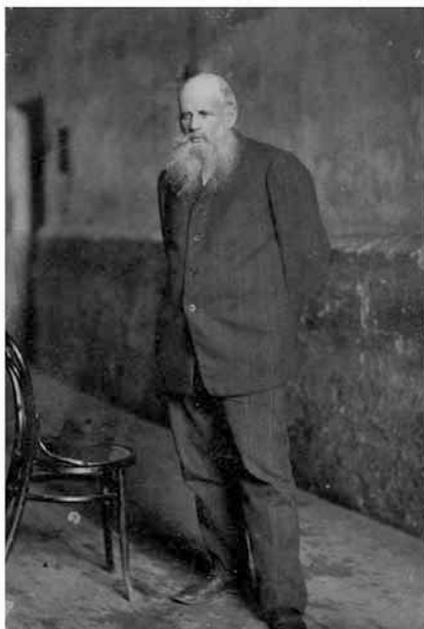
Ян Вацлав Махайский в юности

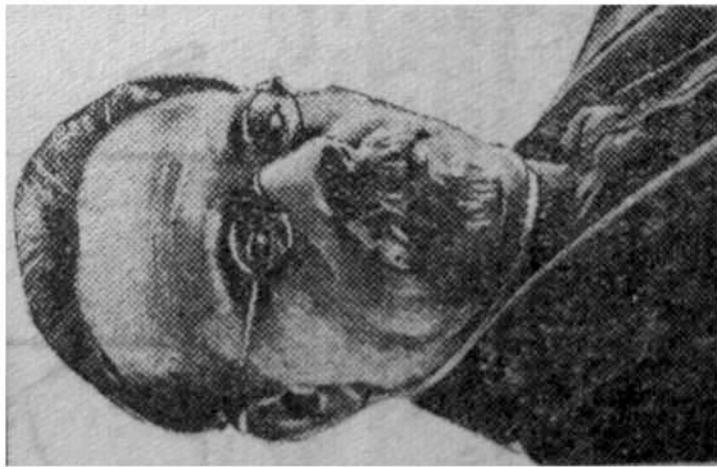
Александр Беркман (1892)

Анатолий Бонч-Осмоловский с дочерью Ириной

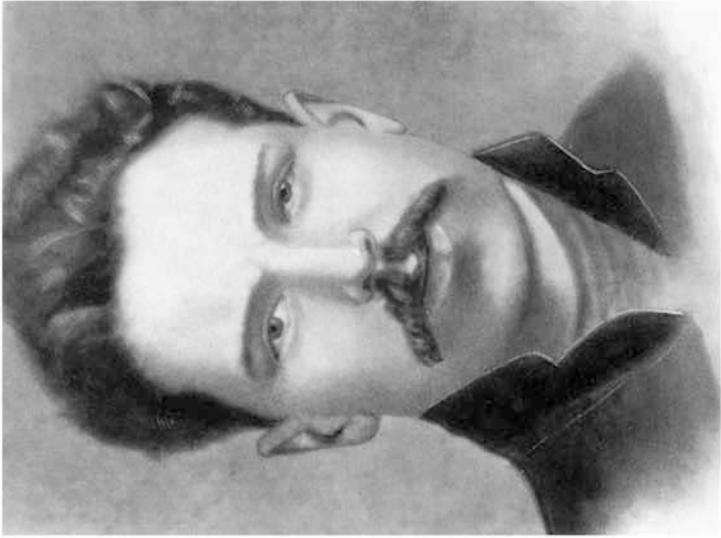
Анатолий Бонч-Осмоловский в минской тюрьме (1910)

Иуда Гроссман-Роşин

Борис Энгельсон

Илья Гейцман

Александр Тарагута

Участники минской группы «Чёрное знамя» (1906)

Константин Акашев

Фанни Каплан

Бывший реалист Савицкий (1) и его ближайшие товарищи: бывший аптекарский ученик Гуртыч (2) и Кадугин (3). Все трое были убиты во время полицейской облавы 30 апреля в Брасномь Селѣ, под Гомелемъ. Фотографы сняты послѣ убійства разбойниковъ: въ руки имъ вложено оружіе, находившееся при нихъ.

Тела Александра Савицкого (в центре) и его соратников (1909)

Ефим Майзлин

Маруся Никифорова

ВСЕГО СОСЛОЖАМ СЕБЕ АЗЫ АНАРХИЗМА
/Союз Анархистов ст. Калининский/

Ч Л Е Н С К И Я Б И Л Е Т А № 18.

Проект членства этого билета тов. *Т. Д. М. М.*
не был признан членом Союза Анархистов ст. Калининский
поскольку желательнее всего, что и удостоверение
было выдано билету на имя тов. *Т. Д. М. М.* 1923 г.
и подлежит исключению ввиду того, что в Калининском
ст. Калининский *Т. Д. М. М.* 1923 года.

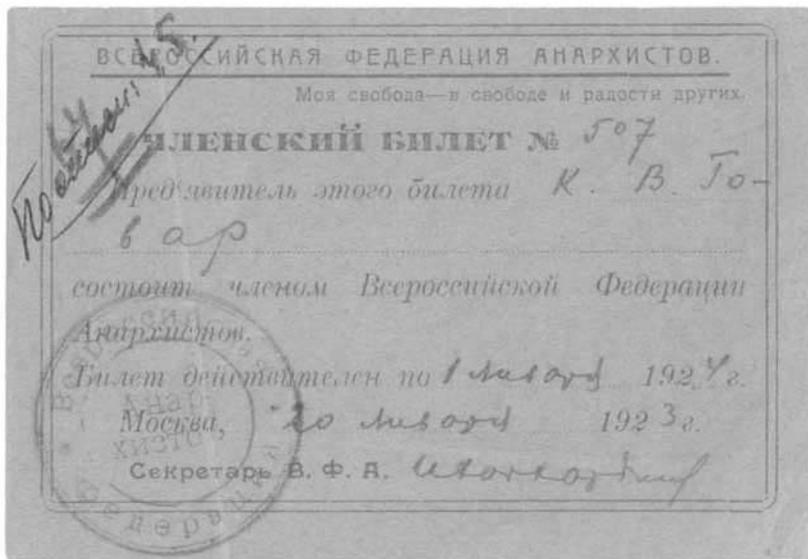
Секретарь Союза Анархистов ст. Калининский *И. В. М.*
Член Органа Калининского ст. Калининский

11/11/23
11/11/23

Документы Константина Говора (из Архива Управления КГБ по Гомельской области)

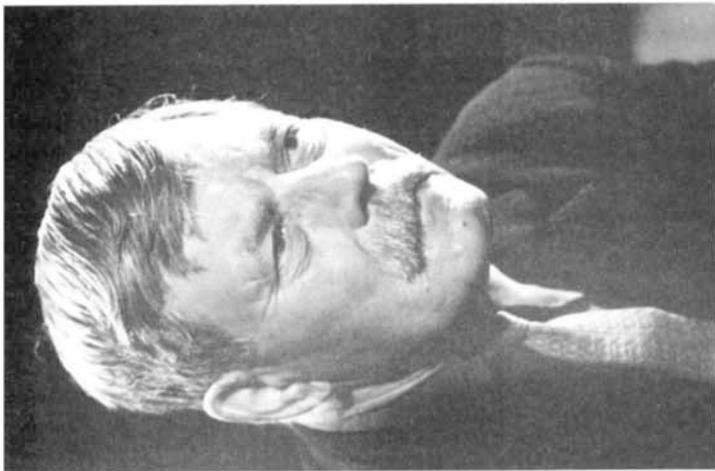
Членский билет Всероссийской Федерации анархистской молодёжи

Членский билет Всероссийской Федерации анархистов

Томаш Грїб (1933)

Грїгорїй Кобец

Василий Коляда (Коростелев),
фото передано родственниками

Василий Коляда (справа)

V. KOLYADA-KOROSTELEV, who has completed his sentence in the Solovky, has been transferred to Obdorsk, in the Ural District, for 3 years. This comrade is well known in the radical and I.W.W. organisations of Baltimore and Chicago, in which cities he had actively worked up to the time of the Russian Revolution.

Заметка о В. Коляде из «Бюллетеня фонда Международной ассоциации трудящихся для помощи заключенным или ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России» (1930)